

РАМЗ БАБАДЖАН

Избранные
произведения
в двух
томах

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

РАМЗ БАБАДУЖАН

Избранные
произведения

ТОМ
ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод
с узбекского

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

Художники
А. Яковлев, А. Озеревская

© Статья, состав, оформление.
Издательство «Художественная
литература», 1981 г.

Бабаджан Рамз
Б12 Избранные произведения. В 2-х т. М.:
Худож. лит., 1981.
Т. I. Стихотворения. Пер. с узб. М.: Худож.
лит., 1981. 480 с.

В двухтомнике известного узбекского поэта, лауреата Государственной премии СССР Рамза Бабаджана собраны лучшие стихи, поэмы, драматические произведения и литературная публицистика, созданные им более чем за четыре десятилетия творческой деятельности. Проникнутые глубоким лиризмом и высоким гражданским пафосом, отмеченные тонким и своеобразным поэтическим мастерством, они привлекают актуальностью своей проблематики, философской глубиной, сопряженностью делами и чувствами современников.

Б $\frac{70403-250}{028(01)-81}$ —76-81 4702570200

С(Узб)2

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Биография и творчество писателя — как бы концентрические круги, один внутри другого. Не знаю, возможно ли это в математике, но здесь эти концентрические круги то и дело меняются местами, а значит — и масштабами... Вероятно, именно поэтому, если творчество писателя вызывает некоторый интерес, соответственный интерес вызывает и его человеческая история.

В молодости кажется, что твердо знаешь свое предназначенье, и только мучительно гадаешь, как, когда, в какой конкретности оно воплотится. Позже вдруг замечаешь — по каким-то давним строчкам, фразам, поступкам, — что именно смолоду таинственным образом предугадал свою силою обстоятельств выбранную потом дорогу, свой прожитый век. Конечно, и то и другое — только аберрация духовного зренья, фокус времени. Важно одно: обстоятельства твоей жизни, конкретности твоего существования не могут не иметь отношения к темам твоих страниц и книг — к темам и их разрешению.

Я думаю иногда: мог ли бы я прожить другую жизнь, нежели прожил, заниматься другим делом?..

Я родился в семье потомственных строителей. Дед мой, Ачил Бабаджанов, известный узбекский революционер-большевик, не оставил своей профессии до старости, его так и называли до конца — «уста», «мастер». Строителем был и мой отец, а меня почему-то мечтал видеть врачом. Что ж, замечательная профессия и почетнейшая, но меня-то интересовало другое. Стихами я увлекся с мальчишества, и первый человек, который приобщил меня к ним, был опять же дед мой, по вечерам читавший иногда вслух стихи классиков — Навои, Физули, Машраб, Лутфи... Я слушал их, когда сам еще читать не умел — лет четырех-пяти, может быть, и воспринимал скорее как разновидность музыки, нежели как искусство слова: таково было торжественное пенье аруза и не сразу открывшаяся мне особенность старинной поэтической речи. Жажду писать самому вселил в меня другой мой родственник, муж двоюродной сестры, поэт Камилъджан Ибрагимов, писавший под псевдонимом Галиб. Умер он совсем молодым, в 1932 году, успев при жизни

выпустить одну книгу (вторая — вышла посмертно). Это был профессиональный музыкант, флейтист; он и его друг были в свое время знаменитейшими в Ташкенте исполнителями народной музыки: «Камильджан-найчи» и «Шукур-скрипач». Камильджанечно возился с детьми, любил мастерить змеев и запускал с не меньшим удовольствием, чем ребятня; малыши кружили вокруг него, как осы вокруг пролитого варенья; меня он отличал, — должно быть, за особенную и неизменную преданность — и часто читал мне стихи, в том числе и свои. Эти стихи были уже вполне понятны — не только потому, что я вырос, но и по другой причине — это были современные стихи. Сам Камильджан в то время испытывал сильнейшее влияние Маяковского; и так — опосредствованно — я уже с первых шагов оказался под обаянием могучей гражданской лирики поэта-трибуна...

Я и сам стал пробовать писать. Мне было лет четырнадцать, когда одно мое стихотворение напечатали. Нетрудно вообразить мою радость; но отец отнюдь ее не разделял. Писательство казалось ему не серьезной житейской профессией, а скорее тем, что сегодня называют «хобби» — занятием для свободного времени, прихотью грамотного человека. Я воспринимал это иначе; потому ли что во мне говорили обычные надежды и честолюбие молодости? Или в самом деле я ощущал в себе «призвание»?..

Не могу не вспомнить, как учитель мой, Гафур Гулям, возмущался однажды, что некий критик назвал его «врожденным талантом». Теперь я понимаю, почему: талант — это ведь не только свойство, но и работа. Тогда же я просто страстно хотел писать. По настоянию отца после школы я поступил в медицинский институт, где и пробыл целый год, ничуть не увлекшись медициной и по-прежнему отдавая все время стихам. Однажды я уговорил отца пойти со мной на литературный вечер. На вечере я выступал. По дороге домой отец долго молчал, а перед самым домом сказал вдруг:

— Что ж, видно, каждому свое...

Лет восемнадцати я выпустил свою первую — маленькую и, наверно, слабую книжку.

Я много, многому и у многих учился в литературе; и все же мастеров, которых я могу считать прямыми своими учителями, очень мало. Более того, важные для меня вехи моего пути никогда не совпадали по времени с уроками, которые я получал. Усвоенное улегалось во мне медленно и претворялось в новое качество поэтической работы иногда и годы спустя, когда я сам этого не ждал. Слово работа шла отдельно, постижение нового — отдельно, и лишь в какой-то непредвиденной точке происходило это невидимое для меня слияние. Поэтическое мое взросление было не столь

уж степенным — я знал многие неудачи и срывы; оно было постепенным — и, хочу надеяться, еще продолжается.

Для меня всегда — с первых же шагов, я это уже говорил — важна была поэтическая учеба у Маяковского и Гафура Гуляма. Именно благодаря освоению выработанной ими новой поэтики я после более или менее традиционных повествовательных поэм однажды пришел к чему-то новому — к «Живой воде».

Поначалу и она задумывалась как повествование с главным героем и историей этого персонажа. Но в некий момент я ощутил явственное неприятие начального замысла, своей — и общей исхоженной дороги. Нащупывая новую конструкцию вещи, я понял: задуманное — не столько о конкретном герое, сколько о Времени; и путь здесь — не от схемы сюжета к лирической биографии, а от центральной мысли — к ее метафорическому воплощению. Именно метафора должна развернуться в некий новый сюжет, преодолевающий опасную ходячность плаката; сюжет, где поэтический миф сомкнется с реальностью, а реальность станет как бы современным мифом.

Впрочем, и после «Живой воды» я не отказался от прежней, традиционной поэтики и устоявшихся принципов сюжетосложения. Просто, как мне представляется, тем, что найдено было в этой метафорической поэме, я как бы раздвинул, расширил свои возможности в области крупной поэтической формы, умножил арсенал доступных мне выразительных средств. В результате появился «Триптих», соединивший в себе оба эти начала, — поэмы «Мать-Индия», «Хайям-нам», «Тысяча первый журавль».

Означало ли это возврат к прежней, пройденной «технике»? Думаю, нет. Это было лишь подтверждением истины, что выбор формы и принципа в конечном итоге всегда, в каждом случае, обусловлен, детерминирован характером замысла, который стремишься выразить. Вот почему могут ужиться и уживаются в одном и том же поэте обращение к форме и сюжетной поэмы, и поэмы свободных ассоциативных раздумий, к развернутой форме лирического стихотворения и к высокой концентрации мысли старинного рубаи. Замысел, чувство, идея — именно они диктуют выбор той или иной выразительной формы.

Только этим мог я объяснить тот факт, что при неизменной и постоянной своей приверженности к поэзии я порой ощущаю необходимость обратиться и к драматургии, а то и к литературной публицистике, подтверждение чему читатель найдет в этих книгах.

В этом году завершилось знаменательнейшее событие в жизни нашей страны и всего мира — Двадцать шестой съезд Коммунистической партии Советского Союза. Выступая на съезде с отчетным докладом, Леонид Ильич Брежнев, в частности, сказал: «Огромна

тяга советских людей к искусству... это уважение, эта любовь к искусству предполагают и великую ответственность художника перед своим народом. Жить интересами народа, делить с ним радость и горе, утверждать правду жизни, наши гуманистические идеалы, быть активным участником коммунистического строительства — это и есть подлинная народность, подлинная партийность искусства». Эти замечательные слова заставляют вновь и вновь задуматься над пройденным тобою путем, и я, возвращаясь в этой краткой исповеди к тому, с чего ее начал, опять спрашиваю себя: случайно ли я ступил на избранный путь? Пусть ответом на этот вопрос станет предлагаемый читателю двухтомник. Что касается меня самого — я знаю о нем главное: всю эту дорогу я шел со страной, с Родиной, с моим народом, делил с ним трудности и победы, радовался его радостями, печалился его печальями. Его заботы, свершения, проблемы были моими, и я о них писал. Я люблю мою землю, мой язык, моих братьев, мою державу, и это дает мне силы работать. Сотни замечательных людей жили и трудились рядом со мной, миллионы — в одно время со мной, простые труженики и выдающиеся творцы. Их жизни, их черты как-то отложились в моих поэтических строчках, и ежели суждена этим стихам более или менее долгая жизнь — то как раз поэтому.

Рамаз БАБАДЖАН

ЛИРИКА

* * *

О сердце! Ведь ты и творец и певец
Той песни, что жизнью извечно зовется,
Об этом не ведает только глупец,
В котором любовь никогда не проснется.

О сердце! Блаженствуй, и пой, и играй
На вешнем, веселом и радостном нае,
О мужестве, воле и счастье слагай
Прекрасную песнь, соловьев опьяняя.

О сердце мое! Непотухший вулкан,
Хранящий бурлящих мелодий раскаты,
Мой труженик, мой дорогой великан,
О Родине пой, чьи дерзання крылаты.

1936

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ

О солнце древнее! Ответь,
Ты в самом деле радо,
Что задевает здесь о твердь
Край твоего наряда?

Росою вымыты в ночи,
Так радостно-роскошны
Твои алмазные лучи,
Расчесанные косы...

На доли — дня ложится длань.
Не зря ты золото тратишь:
Когда-то с нас взимало дань —
Теперь само нам платишь.

Поэты пели: «Научи
И нас светить, светило!»
Теперь лучами
И в ночи
Дороги осветило...

Я знаю: в этом чуда нет.
И суть не в цифрах точных.
Моей отчизны мощь и свет —
Энергии источник!

Мы покоряем мир сполна.
Во тьме краев полярных
Наш свет — как новая луна
На ледяных полянах.

Моя великая страна
Прорвала рабства сети.
Ты — солнце в небе, а она —
Светило на планете!

Живет грядущего завет
В словах и строчках точных.
Моей отчизны мощь и свет —
Поэзии источник!

1936

* * *

Еще ласково светятся звезды,
Ночь не гасит свои фонари,
Но пропитан предутренний воздух
Приближеньем блаженной зари.

Я проснусь на желанном рассвете
С самым первым горячим лучом,
И причешет мне волосы ветер,
И не спросит меня ни о чем.

Встанет утро, подобное чуду,
Станет мысль и светла и легка.
Колыбельную песню забуду,
Проходя меж цветов цветника.

1937

МЕЧТА МЛАДШЕГО БРАТА

Хоть младший мой братишка —
совсем еще малыш,
серьезности излишком
его не удивишь.

О чем его ни спросим —
не засмеется, нет:
до крайности серьезен
любой его ответ.

Серьезен голос звонкий,
серьезен ясный взгляд,
и карие глазенки
в упор на вас глядят.

Встает он очень рано,
ни свет и ни заря,
и целый день упрямо
старается не зря:

все хочет сделать сам он —
машину,

пушку,
танк!

Вырезывает сабли
для будущих атак.

То крепость он порою
возносит в высоту,
а то окопы роет
под окнами в саду.

А нынче, до обеда,
вниманием согрет,

он тихо мне поведал
важнейший свой секрет:

— Стрелять учусь я метко,
и танки в бой качу..
И быть красноармейцем
всю жизнь мою хочу!..

Страна моя большая,
расти и хорошей!
Ты трудишься,
я знаю,
для счастья малышей...

И ты
труды
рассчитывай
на много лет вперед:
растет твоя защита
надежная,
растет!

1937

* * *

Вдохновецье,
трепетный полет,
ты опять кружишь окрест меня,
как непостоянный мотылек
возле негасимого огня.

Стелет дастархан моя весна,
благовонным холодком сквозит,
и вот-вот откроются сполна
суть любви
и родины язык...

1937

ЗАВТРА — ЭКЗАМЕН

Как кусочек от красного знамени —
этот галстук, что ты повязал.
Ты — росток на весеннем экзамене,
нашим добрым представший глазам.
Ты — как искра от славного пламени,
что зажег еще

Ленин сам!

Это путь твой — гордись и люби его.
Сердце к подвигу приготовь.
Ты — как младший братишка Набиева
в нескудеющей смене годов.
И когда в поход ни трубили бы —
будь готов,
        будь готов,
                        будь готов!

Пусть и в трудном пути неприметном
сердце

        веры тебя не лишит.

И не бойся стать первым примером
у истока свершений больших!
Не смущайся, сынок...

        Пионерам

вся планета принадлежит!

Ты вступаешь в славное братство,
где все лучшее налицо;
так учись за труднейшее братья —
ведь и путь тогда

        выбрать легко!

Лишь за спины б чужие не прятаться —
ведь и видно тогда далеко...

СОН

Вдали туман, как шелковый платок,
Вокруг вершины голубой повязан.
В листве дрожит вечерний ветерок.
Окончен день, а словно недосказан.

Давно стемнело... Я ложусь в постель,
Поет листва, как мать когда-то пела.
Глаза слипаются, и сладкий хмель
Переполняет дремлющее тело.

И снится мне, что смерть я в плен забрал,
Что больше смерти нет на этом свете,
И дерзко мчусь я в голубой провал
К мерцающей загадочной планете.

1938

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Есть ли что
твоей славы дороже?..

И ни хроник занудных нитье,
ни подробности долгой дороги —
обесценить не смеют ее.

Жил ли страсти
удушливым зноем,
жаждой власти
туманил чело,
мимо шел,
мимо шёл,
безучастен?..

Не знаем.

И узнать не дано ничего.
Не потрафил ты веку и мигу
жадной лестью своим иль чужим.
Но в свою одинокую книгу
все, что пережил —

все ты вложил.

И в туман отодвинулся...

Баста!

Память лишнее все уберет.

Лишь бы нож тот —

под шкурою барса

человечьи черты уберет.

Лишь была бы, как исстари, вера —
лишь бы мир отрекаться не стал
от могучей мечты Таризла,
от высокого сердца Нестан!..

Путь все выше восходит
пологий.

Восхожденью не видно конца.

Но стрелой нержавеющей логий
ты все так же

пронзаешь сердца.

ЗИМНЕЕ УТРО

Вошло неслышно утро в спящий сад,
Сверкают искорки в летящем снеге.
Простор небес приковывает взгляд,
Застыл цветник в спокойной зимней неге.

Пришла зима, вступила в берега
Из дальних стран, где волком воет ветер.
Одеую в пушистые снега,
Ее я нынче на пороге встретил.

Короче дни, длиннее ночи тень,
На небе чистом облачко белеет.
Шумят леса, вступая в новый день,
Встречая солнце, горизонт алеет.

Следы по снегу разбрелись кругом,
Мороз, но красотой душа согрета,
И вдохновенье, завладев умом,
К рабочему столу зовет поэта.

Кладет мороз причудливый узор
На окна дома, где живем с тобою.
Я с будущим вступаю в разговор...
В саду зима — сиянье голубое.

1940

* * *

Сады парчою разукрасить рада,
Несет весна охапками цветы,
Глаз бирюзу мне принеси и ты,
Моя невеста, радость и услада.

Когда, с небес покровы туч снимая,
Одарит солнце нас голубизной,
Не уходи, останься здесь, со мной,
Пойдем встречать веселый праздник Мая.

Развеет ветер лепестки соцветий,
На ветви вишен упадет роса,
И соловьев волшебных голоса
Вновь запоют о розах на рассвете.

Когда, любовь, перед твоею властью
Померкнут звезды, алая заря,
Румянцем ярким на щеках горя,
Пути укажет к завтрашнему счастью.

1940

* * *

Нет! Я не требую звания поэта,
Рано о том говорить.
Все, что покуда мной сделано, это —
Только лишь жажда творить.
Ночи и дни я стихам посвящаю,
Нет их дорожке на свете,
Их я учу, как отец, наставляю,
Словно стихи — мои дети.
Рву ради них свое сердце на части,
Словно его тут вина,
Каждая строчка удачная — счастье,
Пьян я тогда без вина.
Все, что покуда мной сделано, — это
Только наметки пути.
Может, достигну я звания поэта,
Если, как надо, пройти.

1940

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Я знаю их,
я узнаю,
кто смерчем смерти и пожарищ
в пределы наши вторгся,
зарясь
на эту ясную зарю!
Кто им страшней и ненавистней,
кто непонятнее, чем мы —
творцам коричневой чумы,
чьи орды над землей нависли,
чей след поганит лоно вод,
чьи тучи топчут небосвод?..
Уже гремят разрывы бомб
и рубежи в огне и дыме,
но злобный враг в краю любом
ударится железным лбом
о нашей стойкости твердыню.
Ведь закаленнее, чем сталь,
вся наша верность,
наша статья —
надежней и непобедимей.
Рекою ужаса плеща,
стекает кровь с руки палачьей,
сползает с черного плеча
плащ с капюшоном палача,
как шлейф отчаянья и плача.
Но пусть на Север и на Юг
ползут скопленья черных свастик —
добычи
никогда не схватит
псевдоготический паук,
желанной доли не получит —
и этой нечисти паучьей
навек
отходную споют.

Не тот ты выбрал путь,
                                не тот,
о Гитлер, фюрер бесноватый:
ты поднял меч на все, что свято —
и страшный
                                ждет тебя итог!..

А ты, родимая земля,
чей край зеленый топчет враг —
страхни с себя

                                ползучий враг:
ты помнишь, как пахал Суворов
сражений трудные поля!
Мы жили, боль веков леча,
творили,
как учил нас Ленин.
И созданное поколеньем
спасем от пули и меча.
Ведь тот завет для нас нетленен:
победа —
лозунг Ильича!
Она дается нелегко.
Товарищи,
                                оружье в руки!
Отец, я нынче далеко,
твой сын уходит в бой,
чтоб внуки
беда не видели в лицо.
Удар врага призывает к мести,
и я вернусь
с Победой вместе!

24 июня 1941

1941

Стоял июнь. Был жаркий день воскресный.
Все люди были в белом и цветном,
И жизнь казалась чашею чудесной,
Наполненною солнечным вином.

Как вдруг взвились зловещие зарницы,
Затмила туча купол голубой:
В тот час на западе, вдоль всей границы,
Полдня уже гремел жестокий бой.

Пылал закат... Стояли мы, прощаясь,
От жгучей боли разрывалась грудь,
А тростники, встревоженно качаясь,
Шептали с берега: счастливый путь!..

Играли с ветерком края косынки,
День истекал озерами огня,
И плавилась пугливые росинки
В больших глазах, глядевших на меня.

Но сквозь мучительное напряженье
Суровый голос вспоминался мне:
Джигит испытывается в сраженье,
Любовь — в разлуке, а металл — в огне.

1941

ПИСЬМО С ФРОНТА

Перед белой бумагой сидя,
Не могу дописать письма.
Сколько дней уж, тебя не видя,
Я живу, ты знаешь сама.

Сколько дней уж, как мы в разлуке,
Сколько надо еще пройти,
Но твои дорогие руки
Охраняют меня в пути.

Мы расстались с тобой на годы
В этом черном дыму войны,
Ради нашей светлой свободы,
Ради нашей светлой страны.

Сердцу верится неизменно —
Перевалы перевалив,
Я вернусь к тебе непременно
В золотой весенний разлив.

Ты моею станешь навеки.
Но покуда — вокруг беда,
Покраснели от крови руки,
В родниках иссякла вода.

Не земля, а сплошная рана,
Не жива, но и не мертва...
Молодежь постарела рано,
Пожелтела рано листва.

Тяжелы и печальны вести,
Горе — дым спаленных садов.
Призывают к праведной мести
Слезы малых сирот и вдов.

Будет месть и крута и свята
За святую любовь мою.
Знаю, ждет фашистов расплата
В справедливом этом бою!

В нем решаются нынче судьбы
Двух систем, двух разных миров,
Мы не только бойцы, мы — судьи.
Приговор фашизму суров!

Победим — и домой приеду.
Мы устроим богатый пир,
Чтоб поднять бокал за победу,
За счастливый и долгий мир.

1941

* * *

Общая ноша порой тяжка,
и все же

        низок расчет —
из-под нее исподтишка
высвободить плечо.

Никто не прочтет
твоих мыслей и чувств,
а ты —

        себя пожалей!
Другим-то не станет хуже ничуть —
ну, может,
        чуть тяжелей.

Ведь ты лишь спица в том колесе —
оно себе
        дальше пойдет...

Но ежели так поступят все —
ноша-то
        упадет!

Пускай обида нытьем частит —
ты помни,
        сквозь время мчась:
ты — не одна из тысяч частиц,
а славного Целого часть!

Кто лжет:
из-за общих дел, из-за битв,
мол, собственное — серо?..
Доблесть не в том,
        чтоб себя забыть,

а — быть
достоиним всего!

Не капли в туче —
братья в семье!

Все — в нас,
да и мы — во всем...

Мы общую ношу несем на себе —
мы нашу
ношу
несем!

1943

* * *

Ты для меня, родная, давно —
Стихов моих тихий свет.
Ветер, стучавший в мое окно,
Приносит мне твой привет.

На горизонте мой взор читает
Про встречу, ждущую нас,
И вдохновения ангел слетает
Ко мне в неурочный час.

Лампа горит... Я тоже горю.
Сижу, шевеля губами,
И, одинок, встречаю зарю,
Встающую над горами.

Это не солнце, а ты в доме...
Радостных слез не прячу.
«Здравствуй! — я говорю ему. —
Мне подари удачу!»

1944

АЛЬБОМ

В городке, у вражеской границы,
Посетив гостеприимный дом,
Написал я целых две страницы
Благодарной девушке в альбом.

Черный дым стелился над полями.
Попросив за спешку извинить,
Уходил на запад я с боями,
Не успев стихи досочинить.

С той поры я часто повторяю,
Что осилю все, что впереди.
Знайте — если штык я потеряю,
Значит, он во вражеской груди.

Прохожу землю опаленной...
Может быть, меня зароят здесь,
Но в альбоме девушки спасенной
И мое простое имя есть.

1944

ЮНОСТЬ

Юность, юность!.. Разве эти годы
Я смогу забыть когда-нибудь?
Ты сияла праздником природы,
Щедрым солнцем наполняла грудь.

Помню, как счастливый, оробелый,
У девчат задорных на виду,
В пестром галстукe, в рубашке белой
Я с тобой весной гулял в саду.

А потом тебя в бою я встретил:
С автоматом ты в атаку шла.
Как твой взор был беспощадно светел,
Как тверда рука твоя была!

Вся окутана багровым дымом,
Ты врагов сражала наповал,
И в лице твоём неумолимом
Я черты Победы узнавал...

Годы унесутся без возврата,
Поседею, примирюсь с судьбой...
Но всего страшней одна утрата:
Быть навек покинутым тобой.

И пока от пламени бывшего
Есть в душе хоть искорка огня,
Буду снова звать тебя, и снова:
Юность, юность, не покинь меня!..

1944

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ

Мы шли на запад, в наступленье.
Сменился трудным маршем бой.
Простую девушку в селенье
увидел я перед собой.

Она и плачет и смеется,
к машине нашей подойдя —
так смотрит утреннее солнце
сквозь капли крупные дождя.

1944

* * *

Как вечность — ожиданья годы.
Почам и дням потерян счет.
Но друг вернется из похода
и весть о мире принесет.

Вернется милый непременно
и непременно победит.
Я в это верю неизменно.
Я жду.
Вернется мой джигит.

Я к свадьбе шью себе одежды,
шелка готовлю и парчу,
мне с этой верой и надеждой
любая трудность по плечу.

1944

НЫНЧЕ ВЕЧЕР ТАКОЙ

Нынче вечер такой —
Даже ветер меж листьев урюка
Затаился и ждет.
И ни звука под белой луной.
Сядь к окна открой.
Год за годом копилась разлука.
Нынче вечер такой —
Он вот-вот возвратится домой.

И смотри не засни!
И огня не гаси... Невозможно
Прозевать этот миг.
Бесконечные ночи и дни —
Миновали они!
И на сердце легко и тревожно.
Вы покуда одни:
Ты — и ветер в смятенной тени.

Но придет он домой!
Ожиданье твое не напрасно,
Грудь и верность твоя,
Что сродни и победе самой.
С полусонною тьмой
Тишина золотая согласна:
Нынче вечер такой —
Он вот-вот возвратится домой...

1945

ВЕТЕР

Бродит ветер в соцветьях урюка.
Спит луна в серебристой реке:
Протяни осторожную руку —
И как рыба забьется в реке.

Вот сверкнули над краем оврага
Две падучие искры во мгле.
Так всеильна земли моей тяга —
Даже звезды стремятся к земле.

Даже ветер, к таинственным лазам
Подбирившийся в близком леске,—
Даже ветер, как будто привязан,
Возвращается к той же листве.

О, отчизна, подобная чуду,
О, земли моей радостный сад!..
Так и я, уходя, отовсюду
Поспешаю, как ветер, назад...

1945

* * *

Вернется с войны любимый,
Накинув счастье на плечи,
Вернется, судьбой хранимый,—
Ты спой ему песню встречи.

Споет он песню победы,
Припомнит святую месть,
Расскажет, как через беды
Высоко пронес он честь.

1945

ВЕСНА

Вошла весна в ташкентские сады.
Ростки к теплу и свету потянулись.
Слепит глаза жемчужный блеск воды,
Бегут потоки вдоль аллей и улиц.

И девушки веселые пришли
Искать фиалки к берегу Анхора.
Слышна их песня звучная вдали,
И птички вторят девичьему хору.

И, словно чаши алые, весна
Дарит влюбленным первые тюльпаны.
А к той, что ждет от милого письма,
Она приходит с восточкой желанной.

Цветут сады на берегу реки,
Что созданы трудом и вдохновеньем,
И строки, как зеленые ростки,
Из сердца рвутся на простор весенний.

1945

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Тоскую по тебе. Уже зима
Чуть тащится в своих тылах постылых.
В корявом треугольнике письма
То, что хотел, я высказать не в силах.

Сегодня артиллерия молчит,
И мы стоим, и в тишине виднее
Вон те поля, дырявый леса щит,
И вся земля, и небеса над нею...

И что-то вздрагивает у виска,
И, кажется, уже доступны взгляду
И эта подступившая весна,
Наш дом и ты, идущая по саду...

1945

ГОВОРЯТ

Провела сквозь войну дорога
Через огненные мосты.
Говорят, что подарков много
Получал от красавиц ты.

Коль попросят, ты их покажешь,
Вспомнишь памятные года,
Об одном подарке не скажешь,
Том, что носишь в сердце всегда.

Говорят, тебе фронтовичка
Подарила любовь свою,
Не кистет и не рукавичка,
А она сберегла в бою.

1945

ВОЗВРАЩАЕТСЯ БРАТ

Праздник в доме: встречаем брата!
Споры с гибелью — решены.
В отчий край он спешит обратно
через тысячу дней войны.

Он вернется живым, здоровым,
хоть прошел через все,

заметь:
по лихим прошагал дорогам,
где пообок ходила смерть.

Праздник в доме: встречаем брата.
Надо вычистить все,

убрать...
Это правда же, мама, правда!
Что ж ты плачешь?

Вернулся брат!

Он прошел через все на свете,
сделав чистым

свод голубой,
где безумные птицы смерти
проносились над головой.

Он прошел полями отчизны,
где разлился кровавый сель,
и священный простор очистил
от чадящей

нечисти всей!

Праздник в доме: встречаем брата...

Вот и добрые две горы:
доля поля,

подарки сада —
драгоценной земли дары!

И недаром:
ведь эту землю,
когда смертный ввалился вал,
он,
удар на себя преля,
грудью собственной отстоял!

И,
спасенная им навечно,
благодарна солдату так! —
ждет земля его, как невеста,
утопающая в цветах.

И вино ее не прогоркло,
виноградник не одичал,
и поля ее, и пригорки —
в гуще ждущих односельчан.

Праздник в доме: встречаем брата!
Чистым счастьем сердца полны...
Что ж ты плачешь, мама?
Не надо!
Возвращается брат с войны...

1945

НОВАЯ СТРАНИЦА ЛЕТОПИСИ

Кремлю рапортует опять
  мой народ,
Отмечено
                        в летописи свободы:
Тысяча девятьсот
  сорок шестой год
Лучше,
                        чем предыдущие годы.
В этом году
  крепость возведена
В степном Бекабаде
  новая,
Из самой добротной
  стали она,
Железо давать
  готовая.
Ее строительство
  год увенчало,
Как дело,
  стране угодное,
Пока это лишь
  пяtilетки начало,
Вдохновение,
  ливню подобное.
Скоро будет уже
  итог подытожен,
Чтобы ровень
  шагать нам с веком.
Пророк Дауд
  до смешного ничтожен
Перед
                        простым человеком!
Не стоит сила его
  ничего!

Припомнил
сравнения ради.
А в Бекабаде
идет торжество,
Праздник идет
в Бекабаде.
Праздник
до самой зари продлится,
И старые здесь
и малые,
Отсвет багряных знамен
на лицах,
Лица —
тюльпаны алые...
Гряньте, карнаи,
еще сильней
Среди
веселого пира!
Металл — фундамент
завтрашних дней,
Фундамент
прочного мира!
Сыну-узбеку
партия-мать
Вручает
свое поздравление,
А завтра тебе
дела принимать,
Грядущее
поколение!

1946

ЛЕНИНГРАДУ

Поклон тебе, великий русский город,
Наш северный победоносный брат.
Проехал я бескрайние просторы,
Чтобы окинуть восхищенным взором
Твою красу, могучий Ленинград.

Как счастлив я, что прохожу сегодня
По площадям, вдоль ясных невских вод,
По улицам, где дышится свободно,
Где мирный стяг восстановленья поднят,
Где вдохновенно трудится народ.

Неблизок был мой путь до Ленинграда,
До берегов, где плещется Нева.
Но даль для нашей дружбы не преграда.
В борьбе, в работе мы навеки рядом,
Сроднила нас и сблизила Москва.
Земля твоя безмерно дорога мне.
Здесь войны со всех концов страны
Стояли насмерть в годы битв недавних,
И обагрили кровью эти камни
Узбекистана лучшие сыны.

Я чту тебя за подвиг твой высокий,
Герой, огнем испытанный в бою,
Пусть далеко рожден я, на Востоке,—
Здесь, где рождались пушкинские строки,
Я, окрыленный, о тебе пою.

1946

КОМСОМОЛ

Над тобой колыбельных не пели,
как я здравицу нынче пою.
Отродясь не лежал в колыбели —
ты родился

в труде и в бою.

Кто не прятал лица, приспособясь,
рвался к правде пробиться самой —
тех собрал ты,

о, юности совесть,

комсомол,

комсомол,

комсомол!

Ты платил за грядущее кровью.

И в столице, и в дальнем селе

ты за правду сражался —

и строил

на свободной для счастья земле!

Эти годы не будут забыты.

Этой памяти — снег не замел.

Вслед за партией в гуще событий —

комсомол,

комсомол,

комсомол!

Рокового удара внезапность

огневую разинула пасть.

Отражая фашистскую напасть,

ты сказал:

«Победить — или пасть!»

И на фронте, и в черном подполье
длился подвиг,

призыв не замолк.

Так свой долг героический понял
комсомол,
комсомол,
комсомол!

Славных лет не разорвана лента.
Подвиг славится —
этот и тот.

На великой реке пятилеток
снова тает весенний ледок.
И опять,
под звезды пятилучьем
сплавив силу
с душой и с умом,
впереди, среди первых и лучших —
комсомол,
комсомол,
комсомол!

1946

* * *

Каждой осенью тянет в дорогу.
Каждой осенью дали близки,
И глядит белизна сквозь мороку
Облетающей шалой листвы.

Каждой осенью трепет знакомый
Проступает за картами лиц.
И сияние шири хлопковой —
Словно белый нетронутый лист.

Так просторы зовущи и строги,
Так значительна осень сама,
Так нежданно сливаются в строки
Прозвучавшие в сердце слова...

Отчего это все? Оттого ли,
Что и планы нас полнят,
и тот
Подводимый и сердцем и полем
Многотрудного года итог?

Оттого ль, что и солнцем согреты,
И прохладно-прозрачны дни?
Оттого ли, что сердце поэта
Этой шири родимой сродни?

1947

В МЕТРО

По живым ступеням непрерывно
Вниз и вверх течет поток людской.
Под землю целый город дивный,
На стенах орнамент золотой.

Предо мной, как ясный день апреля,
Мраморная улица светла.
Поезд вылетает из тоннеля,
Будто бы ракета из ствола.

Я сажусь — по праву пассажира —
С чемоданом в поезд голубой,
Чтобы выйти в самом центре мира
И увидеть Кремль перед собой.

1947

* * *

Я прислушался к лесу — тревога
В шуме ветра слышалась мне,
Тяжела показалась дорога,
И в лесной я остался стране...

Я прислушался к лесу — пурга
Отгуляла свой срок, отступила,
И луна в голубые снега
Голубые лучи обронила.

Я прислушался к лесу — и вскоре
Стало странно на сердце легко:
Я — корабль, мои думы — море,
И плыву я по ним далеко.

Я прислушался к лесу — текли
Песни тихого леса навстречу.
Знать, они мою душу зажгли,—
Полюбил я в тот самый вечер.

1947

АРАЛ

Замедлил ход — и встал в стены состав.
И вдалеке, за тусклой ширью плоской,
немыслимую давность воссоздав,
блеснуло море узкою полоской.
Ни облачка, ни дыма, ни жилья;
лишь поезд наш в просторе безответном.
В сухой песок с площадки спрыгнул я,
лицом к лицу

столкнувшись с теплым ветром.
Здесь издавна — и стебелек не рос,
и след любой
стремительно стирался.

А что за горе мыкал тут народ,
свидетельство —
в скупых словах Тараса!..

Как серый саван без краев и шва,
стелилась степь. И ярость голубая
аральских вод

пескам навстречу шла,
как злу назло —

могучий дар Абая.

Шли племена без пропитанья, без
надежды,

без колодцев, без просвета.

И роковая беспредельность бед
погонщика равняла и поэта.

Сквозь голод, мор, кошмар песчаных бурь
свой дар неся и жизнь таща —

недаром

едва ли мог пересчитать Джамбул
судьбы неугомонные удары!

И эту проклинаемую ширь,
где даже дождь
волшебным сном казался,

не обживал —

хотя веками жпл! —

в безводье загнанный

народ казахский.

Все тот же ты, сверкающий Арал,

с железною своей голубизною;

через века,

как брошенный корабль,

холмы проплыли, мертвые от зноя.

Зато народ познал другую ширь,

другую жизнь!

И светятся аулы

огнями окон;

и джигитов удаль —

живет в делах

и городах больших;

и нежное возрастает волокно

в соседстве

с бесконечными стадами...

И лишь Арала синее окно

заглядывает в прошлые страданья!

И горечь памяти, и красота

просторная,

и сердце в странном плене...

Но паровоз, что вез меня сюда,

проснулся сам —

и разбудил сцепленья!

Привет, Арал!

Опять наш путь поет,

пустыня не прервет его внезапно.

Летит простор —

мы едем, едем в Завтра,

в грядущее —

все дальше и вперед.

1947

В СТЕПИ

Все степь да степь — и устают глаза,
Но поезд мчится к дальнему порогу,
С утра на стеклах светится роса,
А днем лучи струятся на дорогу.

Встав у окна, гляжу на степь,
И мне
Одна загадка не дает покоя:
Что шире — степь, летящая в окне,
Иль горизонт, объявший степь собою?

Взлетает птица, крылья распластав,
И сердце дума новая тревожит.
Край так велик, что вновь стоит состав,—
Видать, и он без отдыха не может.

Опять на степь гляжу я из окна
И думаю, пока несется скорый:
Как велика родимая страна,
Коль эта степь — лишь часть ее простора!

1947

СЛОВО О МОСКВЕ

Бессонное сердце России,
К тебе обращаю слова —
Все те, что мы в сердце носили,
Испробовав жизнью сперва.

В труднейшие наши години,
Когда ни звезды впереди,
Не ты ли для нас находила
К спасенью и счастью пути?

Питомцам великой державы,
Несчетным несхожим сынам —
Дороги расцвета и славы
Не ты ли наметила нам?

Каких бы имен ни носили —
Как лебедь надежды, бела,
В борьбе и работе не ты ли
Примером и светом была?..

Твой подвиг высок и огромен.
Мы помним, в душе затаив,
Кремлевское золото кровель,
Бессонницу улиц твоих,

Дыхание ветра сквозного,
Осенней листвы медяки...
Но вижу тебя я — и снова
Вскипают словами стихи!

Покуда глаза не смежили —
Ты с нами повсюду, Москва.
Ты слышишь? Покуда мы живы —
Ты в нас неизменно жива!

Бессонное сердце России!
Испробовав жизнью сперва,
Все те, что мы в сердце вложили,
К тебе обращаю слова...

1947

ВЕЧЕР НА КАНАЛЕ

Я на кошме под топодем прилег.
Бескрайня степь и горизонт далек,—
он растворился в дымке розовой,

на отдых парни рослые прошли.
Одежда их еще в дневной пыли,
на лицах блики яркого заката.

Желта земля разрытая вокруг.
Трудились люди, не жалея рук.
Идет на отдых с песнями бригада.

Взгляни на этих мастеров, чей труд
заставил воду изменить маршрут
и свет зажег у древних скал Фархада.

Они пришли сюда из разных мест,
они преобразили все окрест.
Тут жажда жгла, теперь тут новый берег.

Трехтонка кузов подставляет свой,
машину свежавынутой землей
мгновенно нагружает мощный деррик.

Сейчас вокруг светло, как днем. Взгляни —
в канале отражаются огни,
идут работы по всему району.

И даже из Ташкента в этот миг
увидеть можно степь, канал Чирчик,
фархадским солнцем в полночь озаренный.

1947

* * *

Бросаю взгляд в окно:

плывет луна,

и тишина над черным полем бродит,
и спит давно далекий дом напротив,
накрыт куском серебряного льна.

Тишь многозначна нынче —

и сильна:

ночной состав, промчавшийся, как ястреб,
казалось, истребил ее сполна —
она же

снова воцарилась властно...

Пожалуй, выйду:

что-то не до сна.

А небо-то! — как дальнее гулянье,
несчетные фонарики зажгло,
и позднее осеннее тепло
еще дрожит над темными полями
и, как костров невидимых пыланье,
дымок неуловимый нанесло...

И, точно впрямь мгновенья подстерег,
ночной настрой переменяя круто,
влетает в сердце зябкий ветерок,
пошевеливший золотые груди.

И, будто кто вознес во мне крыла —
взмывает сердце.

Темная дорога
до краешка земного пролегла,
до горизонта

— и видна далеко.

И чувствую,
как счастлива земля,

довольны люди щедрыми плодами,
и осени несчетная семья
блаженно спит.

Хозяйка молодая
добра ко всем, добра —
хоть и строга!..

И, словно из раствора выпадая,
блеснет кристаллом
свежая строка...

1947

* * *

Порой не сплю всю ночь — пишу стихи.
Звезда из одного угла окна
перемещается в другой — уходит.
Сереет небо. Поезд сквозь поля
проходит где-то.
И женщина, сидящая напротив,
глядит и удивляется. Но мне
совсем не странно это:
  что слова
не ей одной шепчу —
всему вокруг...

1947

НАШ САД

Гостит весна у нас в саду:
Деревья юные в цвету,
Урюк развесил ожерелья
И саженцы зазеленели.
Куда ни глянешь — все в цвету!

Чуть потемнела синева,
Дождем напоена листва,
И вновь сияние меж веток,
И вновь текут потоки света,
И блещет влажная листва.

Какой тропинкой ни пройду —
Не счесть ростков у нас в саду.
Поют арыки вдоль посадок,
И аромат весенний сладок,
И лепестков не счесть в саду.

Голубизна и белизна,—
У нас в саду гостит весна.
Под осень будем с урожаем!
Друзей на праздник приглашаем,
А ныне здесь гостит весна.

1948

МЫ СЕЕМ ХЛОПОК

Еще не поредела тьма ночная,
А старикам и юным не до сна,
И тракторы гремят не умолкая.
Мы сеем хлопок. На земле — весна.

Весна не ждет и, план опережая,
Идет по фронту посевных работ,
А хлопкороб мечтой об урожае,
Заботою об осени живет.

На пашне — агроном и агитатор,
Врач, журналист, механик, полевод...
Трудясь, как все, с рассвета до заката,
Всю пашню председатель обойдет.

Где землю бороздили сотни трещин,
Растут сегодня яблони, урюк.
Мильоны нежных лепестков трепещут,
Сады в цветенье — дело наших рук.

Настанет утро. И чудесной былью
На нивах и в садах, из края в край,
Как море, разольется изобилье —
Узбеками возвращенный урожай.

1948

ЗАМИРА

Дорогу к порогу листвою замела
Широкая щедрая осень.
Кто нынче не знает тебя, Замира —
Того

извиниться попросим!
А так ведь недавно у нас в кишлаке
Едва замечали
девчонку в платке...

Чего же и ждать от чужих
да от тех,
Кто в женщин не верит — точка,
Когда

ее собственный злился отец,
Что в доме прибавилась дочка!

— Девчонка? —
С досадою переспросил. —

Не надо мне! К черту!
Мне надобен сын!..

Зато и ходила в дому Замира,
Стараясь быть ниже и тише.
Как шорох в листве, голосок замирал,
Нечаянно что-то спросивши.
Варила, стирала, доила, мела —
А словно в дому не жила
Замира!

А нынче погода затеяла спор
с дехканскою долей и волей.
И все до единого вышли на сбор:
И старый и малый — на поле.
Забывши дома, беготню на Чирчик —
кишлак даже затемно
в поле торчит!

Мелькают косички в зеленых кустах,
белеют мужские рубахи.
Кто, мокрый от пота, присядет, устав —
глядишь,
        подымается в страхе:
хотя и недолог минутный приют,
да скажут «ленивый» —
  и так засмеют!..

Бригада девчонок учет завела —
и все соревнуются.
        Только
теперь, что ни день, впереди — Замира,
когда подбивают итоги!
Каких вы тому ни ищите причин —
и женщины обгонит она, и мужчин!

Такой уж к работе у ней аппетит —
за целый-то день не устанет!
И обе руки, наподобие птиц,
летят и летят
        над кустами.
За фартуком фартук несет на хирман,
а щеки пылают
  без всяких румян!..

Дорогу к порогу листвою замела
лихая и щедрая осень.
Кто нынче не знает тебя, Замира —
Того
        извиниться попросим!
Да только не сыщешь у нас в кишлаке
Таких,
        кто не знает девчонки в платке!

1948

ТАШКЕНТ

Рыжеватая горстка ташкентской земли
На широкой ладони моей.
По земле этой древней столетья прошли,
Кровь и пот перемешаны в ней.

Поколенья по ней чередою прошли,
Проросла на курганах трава.
Но народа труды не истлели в пыли,
Но народная мудрость жива.

Люди смертны. Но смерти не знают дела.
С малолетства — в труде человек.
Мастерству, вдохновенью, упорству — хвала!
Созиданию — слава навек!

Человек превращает пески в цветники
Силой мысли своей и труда.
Он в пустынной степи создает кишлаки
И закладывает города.

Он оазис взлелеял и крепость воздвиг,
Хоть безводна земля и скупа,
Так, мой город, в былые века ты возник,
И называли тебя — Сочтепа.

Ты надежной твердынею в древности был.
Сколько выдержал штурмов — не счесть.
Искандера нашествие ты отразил,
Отстоял ты народную честь.

Смерч иранский, самум аравийский не раз
Уносил ароматы твои.
Вражий ветер пытался похитить у нас
Золотые слова Навои.

Здесь великие предки увидели свет,
Мы их память нетленную чтим.
Древний город! Сияние будущих лет
Разглядел ты сквозь бурю и дым.

Налетела гроза, улетела гроза,
Шла История, в трубы трубя...
Я, счастливый, впервые открывши глаза,
В день рожденья увидел тебя.

Пусть ты в шрамах боев и от бед поседел,
Над тобой полыхала заря.
Наконец тебе выпал счастливый удел
В незабвенные дни Октября.

Город мой, ты столицей республики стал,
И гордится тобою Восток.
Здесь огнями проспект Навои засверкал,
Будто шумный, весенний поток.

Молодеешь и ширишься ты, что ни год.
Вахту мира ташкентцы несут.
Календарь обгоняя, шагают вперед
Патриоты, влюбленные в труд.

Мелодично куранты ташкентские бьют,
Вторя дальним курантам Кремля.
На широких бульварах деревья цветут,
Хорошеет родная земля.

Мирный город! Ты светел и необозрим.
Песней славлю твое торжество.
Твой наследник, горжусь я наследством таким
И в труде умножаю его!

1948

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Спокойной ночи, мой читатель!
Спи сладко, до утра.
О резвый ветер, мой приятель,
Уснуть тебе пора!

А я в сад творчества пойду,
Коль сад себе завел,
Чтоб новый саженец в саду
Зазеленел, зацвел.

1948

ПЕСНЯ ПОЛЕЙ

Как песню певец начинает сначала —
так пахарь не бросит труда посреди;
и зорек —

до самого позднего часа,
как сокол, читающий с неба следы.

И снова,
едва синева засинела,
заводит моторы дневная страда,
и соколом солнце спускается с неба,
и ширь заполняется

песней труда.

И, словно бы за уши вытянув всходы —
хлопковых ростков драгоценную цепь —
проходит старик между грядок нескоро
и видит,

прищурясь,

осеннюю цель.

Войди по тропинке в хлопковое утро,
от грядки нагретой щепотку возьми,
и сразу услышишь —

не слабо, не смутно —
как бьется рабочее сердце весны!

Надвинется ль облачко,

синь запятнавши —

но пестрого поля не меркнет пола.

Кто на поле выпил воды хоть однажды —
душой неизменно

стремится в поля.

ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА

Не раз объезжал я, друзья, Фергану,
Но снова и снова стремлюсь я сюда.
В долине здесь раньше встречают весну
Творцы изобилия, люди труда.

В садах я бывал и на пашнях бывал,
Глядел в зеркала пробегающих вод.
Созданье народа — Ферганский канал
Вдоль новых полей величаво течет.

Кетменщицы дружно вошли в борозду.
Красавицы! Ваша дорога ясна.
Вам осень сулит Золотую Звезду,
Ваш труд увенчает наградой страна.

— Удачи вам, девушки! — звонко кричу.
— Счастливой дороги! — несется в ответ...
Пусть песня поэта, подобно ручью,
Вливается в море народных побед.

Просторы твои, Фергана, широки.
В долине, где солнце печет горячо,
Уже заалел виноград чилляки,
А снег на вершинах сверкает еще.

Простым, но от сердца идущим стихом
Я славлю богатства твои, Фергана.
В оазисы, созданные трудом,
Сегодня природа сама влюблена.

В степи, где трава засыхала в пыли,
Мы хлопок посеяли — радость земли,
Огни Кувасая сверкают вдали —
Мы в наши селения свет провели.

В долине, где пел незабвенный Хамза,
Красуются Шахимардана сады,
Чинара шумит, тяжелеет лоза,
Далеко разносится запах джиды.

Здесь персик созрел, поспеваает миндаль,
Мичуринцы выходили виноград.
Немолкнувшим гулом наполнена даль —
В степи неоглядной машины гудят.

Кто здесь побывал, тот вернется сюда,
В долину, что золотом белым полна.
Тут, словно три брата родных, города
Стоят —

Наманган,
Андижан,
Фергана.

Обильная осень приходит в наш край,
Две чаши весов расставляет она.
Коль взвесить республики всей урожай,
Считай, половину дала Фергана!

В долине здесь раньше встречают весну,
Здесь древние земли вспоила вода.
Не раз я объездил, друзья, Фергану,
Но снова и снова вернусь я сюда!

1949

ПРЕКРАСНАЯ ФЕРГАНА

Седины гор весну не отдалили —
горят тюльпаны, стелется трава,
и почки наливаются в долине
залогом золотого торжества.

Устухи гор

полей разливом моя,
побеги к солнцу радостно гоня,
волнуется
весенних всходов море —
лучистая,

как солнце,

Фергана!

В лад со сверкающими кетменями
взлетают строки строгие Хамзы.
И ни на что бы мы не обменяли
всей этой летней зреющей красы,
раздолья благодатного такого,
котрым дарит,

радости полна,
сияющая житницей хлопковой,
прекрасная,

как сердце,

Фергана!

Пора страды, сравнимая с боями,
в какую даль твой зов ни залетит!..
Серебряных просторов обаянье —
творенье рук дехканских золотых.
И трудовой осенью самую
твоих сынов воспеты имена,
седых кустов серебряное море,
жемчужна отчизны —

Фергана!

1949

Скромн коробки квадратик опрятный.
Что ж,
ты по праву доволен собой:
Ты ведь и впрямь заслужил ее,
брат мой —
Вместе со всеми,
Кто рядом с тобой.
И,
как ни блещет металл благородный,
Не зазнаваться слово мне дай:
Не поверни
стороной оборотной
Эту заслуженную медаль!
Как она нынче ни светится ярко —
Это не отпуск тебе от труда,
Это не пропуск,
а только заявка
На подступающие года!..

Снова деревья листву разметали,
Снова зеленый свершился обряд.
В школе сегодня — врученье медалей:
Кончил десятый
младший мой брат...

1949

МОЯ РОДИНА

Вот — родная страна моя, имя ее мне священо!
Хороша, беспредельна, вовеки неприкосновенна!
Не сочтешь ее рек, и долин плодоносных, и гор,
словно вечной расцвечен весной

ее дивный простор.

Даже там, где недавно коснели сухие пустыни —
засинела вода, поселяются ласточки ныне,
и сады зеленеют, обильные зреют плоды —
чудеса совершают

свободных народов труды.

Здесь — пшеничные нивы лежат, как моря золотые,
там — бескрайние пастбища, тучные травы густые;
здесь коней табуны на приволье пасутся,

а там —

на холмах изумрудных нет счета овечьим стадам.

В эту сторону едешь — курчавится хлопок часами,
а поедешь туда — все леса и леса пред глазами...

Как же ты хороша, моя родина,

как хороша!

* * *

Смерть, грозившую нам, героически мы одолели —
мы шагаем в грядущее и доберемся до цели!

Боевые шинели — в запас мы... и в этот же день
в пиджаках и халатах — за молот скорей, за кетмень!

Все стихии у нас в поводе, помни, враг вероломный:
мы сильнее любой хитроумнейшей бомбы атомной!

Сколько злобных врагов мы разбили на нашем пути,
сколько тяжких преград одолеть нам пришлось и пройти!

Сколько рек запрудили мы, сколько прорыли каналов —
золотые страницы победных советских анналов!

Сколько новых заводов построили мы, сколько школ,
сколько новых больших городов мы воздвигли

и сел!..

Нет ни краше нигде, ни сильней моего государства.
Воздух этой страны — от любого недуга лекарство!
Как же ты хороша, моя родина,
как хороша!

* * *

Нет на нашей планете державы, ее знаменитей,
слава дел ее громких стоит неизменно в зените.
Есть герои боев, есть у нас и герои труда —
наша родина-мать сыновьями своими горда.
Бессараб, и Чутких, и Гапиев, а также другие —
по заслугам прославлены их имена дорогие.
Пятилетку вторую закончив до срока, теперь
распахнули они в пятилетие новое дверь.
При станках и мартенах — как возле орудий солдаты.
Как присяга солдатская, их обязательства святы.
Тот — герой-металлург, этот — ткет на десятках станков.
И у каждого — сотни и тысячи учеников.
Замечательны люди у нас, нерушима их дружба.
Труд — в почете и славе, и доблестна родине служба.
Как же ты хороша, моя родина,
как хороша!

* * *

Ты, родная республика, Узбекистан мой свободный,
весь Восток озаряешь, как факел надежд путеводный.
И столица твоя возвышается в славе — Ташкент.
Всем пзвестной красой похвалиться он вправе — Ташкент!
Весь в садах, цветниках, залит солнцем и зеленью яркой —
что ни улица здесь, то аллея чудесного парка!
Это город наук, это город искусства — и в нем
и поэзии ключ с каждым годом звучней,
с каждым днем!
Это город заводов — могучий, рабочий, фабричный,
гордость Узбекистана — Ташкент мой советский,
столичный!
Как же ты хороша, моя родина,
как хороша...

* * *

Русский брат, старший брат,
мы с тобою сроднились навечно,
кровным братством мы связаны, преданной дружбой
сердечной.

Наш наставник и друг — ты во всем и могуч и велик,
и язык нашей дружбы — прекрасный твой русский язык.
Он единым наречьем сплотившимся служит народам,
мы растем и мужаем, питаюсь его кислородом.
И, уже на иных континентах звуча, как родной —
станет он языком, обновляющим шар наш земной.
От далеких Курил и до самого Калининграда —
он несчетных народов общенье, и свет, и отрада!
Как же ты хороша, моя родина,
как хороша!

* * *

Стоит вспомнить врагам, что страна существует такая —
разливается желчь в них, отравой нутро обжигая.
Но ведь нету и счета, страна моя, верным друзьям,
чьим сердцам ты — утеха, глазам — драгоценный бальзам!
Ты высоким примером и правде,
и мужеству учишь,
знамя мира над миром в руках своих держишь могучих.
Значит, будет наказан на мир посягнувший бандит,
значит, жизнь утвердится —
и мир на земле победит!
Коммунизм и мир — двуедино святое реченье!
Славься, родина-мать
и кремлевских созвездий свеченье!
Как же ты хороша, моя родина,
как хороша...

1950

НАША УЛИЦА

Когда просыпаешься рано
И в окнах кончается темь —
Ты видишь,
        как, вставленный в раму,
В окне затевается день.

Под звуки суровых прелюдий —
Гудки и шуршание шин —
Проходят рабочие люди,
Летят очертанья машин.

И, словно сметая преграды
И нас приглашая с собой,
Троллейбус со звуком снаряда
Проносится по мостовой.

Деревья под ветром хлопочут,
И следом за бегом минут,
Сменяя фигуры рабочих,
Ребячьи фигурки бегут.

Высокая светлая школа,
Всего в полусотне шагов,
На улицу вытряхнет скоро
Веселую связку звонков!

Становится улица выше:
Гляди хоть с биноклем,
Хоть без —
Высотного здания крыша
Касается самых небес!

И вот еще корпус недалекий
Собой любоваться зовет:

Вознесшийся к небу недавно
Бетонный красавец-завод...

Спускается вечер,
  да только
Событиям еще не конец:
Проходят нарядные толпы
Сюда,
                                в театральный дворец!..

Так много рассказывать надо
Про улицы нашей жите,
Но лучше бы
  в пору парада
Прийти и взглянуть на нее.

Как ветер знамена полощет!
И вся она, в ногу идя,
Выходит
  на Красную площадь
К могучей фигуре вождя!

...Годами ходил,
Но однажды
Вгляделся — и нечто постиг,
И, чистый,
  об улице нашей
В душе начинается
Стих...

1950

ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Двадцать лет, как черта отрубил
Жизнь твою от живущих,
Трибун.
Но поэзии мощной турбина
Шлет нам ток
  с незамолкших трибун.
Словно стройматерьялов разряды
Нашим стройкам,
Чей дерзостен срок —
Эти молнийные разряды
Никогда не смолкающих строк.
И, как первенец наизаконный
Революции дел и громад —
Посылаешь нам,
  в позе знакомой,
Эти бархатные грома.
Созидая иль старое руша,
Обращаемся снова к тебе,
Нестареющее оружие
Обретая
  в труде и борьбе.

Двадцать лет...
  Если б сызнава глянул
Взор твой,
Зоркий к умам и вещам —
Увидал бы:
  на шири желанной,
Залечившей недавние раны,
То возводим,
  что ты возвещал!
Эти годы не просто мелькнули —
Пропахали просторы страпы.
Ты предвидел вторжение бури —

И убит
                    залетевшею пулей
Из грядущей жестокой войны.
Но осталось
Бессмертья условье.
Ты, нашедший живые слова
Для еще не восславленной повя —
Не оборван на полуслове:
Живо слово,
                    и слава жива!
И не числишься ты среди павших.
И,
                    чуждавшийся формул простых —
Тем, кто пишет,
                    и тем, кто пашет,
Одинаково дорог твой стих.
Двадцать лет, как черта отрубила
Жизнь твою от живущих,
Трибун.
Но поэзии мощной турбина
Шлет нам ток
                    с пезамолкших трибун...

1950

СПАСИБО

Горделивое чувство поет и теснится
в груди.

Я иду —
гражданин

этой родины благоуханной.

Реки блещут мне снизу,
пестреют поля впереди
ярче ханских любых дастарханов.

Синевы покрывалом
покрыты сокровища гор.

Все б жила и дышала,
все дальше летела душа бы!

Там края моих братьев —
нам общий дарован простор
необъятной державы.

Каждый помнит свой род —
на истории точных весах
наша взвешена память.

Но один мы,
советский народ —

украинец,
узбек

иль казах...

Что верней Октября
воедино могло бы нас

сплавить?

Вера, верность, надежда —
попутчики наши в пути:
те, что с нами, и те, что,
как звезды, горят впереди...

Эти годы — награда
за долгий и тягостный путь,
где судьба нас влачила,
в грязи оставляя спесиво...

Имя русского брата,
навек нашим знаменем будь!
Мы с тобой — от зачина,
и путь наш — с тобою,
и пусть
грянет наше «спасибо»!
Да, спасибо, родной!
За все то, что ты дал и открыл:
свет в домах —
и в умах,
и за землю спасибо, за воду...
Одарил высотой,
покорившейся тысячам крыл,
поднял школы, заводы!
И за то, что в местах,
где недавно самум воевал —
там теперь на устах —
урожаев высокие числа;
и за то,
что прославленный ныне узбек-сталевар
лишь вчера
у товарищей русских учился;
и за то,
что и сам я сегодня ответить могу,
что бы жизнь ни спросила,
и за то, что я сына пошлю в МГУ —
русский брат мой,
спасибо!
Ты груднейшее бремя .
на собственных вынес плечах,
в жесточайшее время
делился и хлебом и силой...
За путей проторенье,
за мудрость и свет Ильича,
русский брат мой,
спасибо!
Как весной потоки
спешат, долгожданные, с гор —
русской речи пророки
несли нам высокий
глагол —
и за Пушкина строки,
уроки Максима,

ВСТРЕЧАЯ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Снег блестит алмазом в сто каратов,
в блеске том —

ночная даль видней.

И гремят кремлевские куранты —
провозвестники грядущих дней.

Ты

в несчетный раз

их слышишь снова!..

Что же сызнова в полночный час
пробирает душу

дрожь озноба —

так торжественно они звучат?

То ли в общем радостном итоге

малый, свой,

ты угадать готов?

То ли сердце пронизают токи

будущих неведомых годов?

То ли что другое здесь повинно?..

Ты, как все, пути не прерывал,

и уходит века половина

в прошлое,

за этот перевал.

На год,

на год сократились сроки...

Что же ты, товарищ? Не грусти!

К светлым дням по дорогой дороге

на год меньше

нынче нам идти.

И спасибо прожитому году:

этот путь нам закалил сердца.

Ведь и впредь

не под гору, а в гору

нам шагать по жизни до конца!

Шаг широк.

Нужны ль тебе примеры?

Ты же сам их числил, что ни день.
Посмотри, какие перемены
на земле
и в сердце у людей!
Только вдумайся,
вглядишься,
послушай,
перечти высокие дела!..
Снова ярость речки непослушной
силу нам
покорно отдала.
Вслед за гордым росчерком Победы
и про это
светом написав,
не венеры и не андромеды —
наши лампы
светят в небесах!

Города
возводят дом за домом.
Хлопком, хлебом житница полна.
Там, где Волга повенчалась с Доном,
всколосятся новые поля.
И, вчерашним воинам награда,
что смели чудовище с земли —
над золой и пеплом Сталинграда
улицы светлейшие взошли!..

Но не хочет кто-то, чтоб скорее
бед недавних
позабылось зло.
Горький голос женщин из Кореи
по планете эхо разнесло.
Пусть кружат стервятники — но сила
за тобой,
войну проклявший век!
И в стихах Неруды и Назыма
всей планеты слышится ответ.
И сквозь даль оконченного года,
стольких строев
множившего бег —
вновь и вновь назад глядим мы гордо,
на свою победу из побед.
А грядущее уже у входа.

Бой часов

два светлых года свет.

В гомон здравиц

и застолий хоры

хрусталя вмешался нежный звон.

Боль забыта, люди счастьем рады,

будущее ярче и видней,

и гремят кремлевские куранты

провозвестниками

светлых дней!

1951

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОТПУСК

Приближается отпуск —
зовут отовсюду друзья.
География их —
это карта страны без изъяна.
И не тем ли близки мне
мои дорогие края:
каждый край или город
обжит дорогими друзьями?..
Оттого так привычно
звучат городов имена.
Оттого так ясна
необъятных просторов махина.
Ведь повсюду в стране
проживает частичка меня.
Кто-то адрес сменил —
это я
обжитое покинул!..

Приближается отпуск —
друзья отовсюду зовут:
с берегов золотых
и суровых заснеженных далей,
из-за гор, из-за рек,
из-за лунных ночей,
из-за утр,
что доселе еще
моих малых следов не видали.
Кто ж они, мои друзья?
Ученый,
моряк,
агроном,
слесарь,
пахарь,
геолог,

учитель,
строитель
и летчик...
Всеми гранями мира
наш прочный союз огранен.
Всеми путями жизни
в пространстве эпохи
упрочен.
Через вас
с вашей каждой работой
я связан, друзья,
через вас
породнились со мною
отчизны просторы,
словно в каждом труде
в самом деле
есть доля моя,
словно синь всех небес
надо мною крыла распростерла.
Приближается отпуск —
куда же направиться мне?
И в какую дорогу
мне нынче пора собираться?
Я всему сопричастен
в моей небывалой стране,
я со всем породнен
драгоценными узами
братства...

1951

КАРАВАН

О горожане! Это к вам,
Дороги выбравши заранее,
Спешит со щедрыми дарами
Груженный счастьем караван.
Дороги точно снег замел.
Грохочет труб разноголосье.
И зреют алые колосья
Подъятых праздничных знамен.
Перед осенней щедротой
Ты в удивленье рот разинешь.
О караван... нескоро финиш.
И на пути — за тоем той...
И говорит дехканин-дед,
Погладив бороду довольно:
— Да,
    поработали довольно.
И на лето — обиды нет...

Земля, одень наряд свой лучший,
С поклоном встречь и провожай
Его Величество — идущий
Из кишлака к нам урожай.

1951

УКРАИНЕ

Песня дружбы летит
над великой страной,
Рассыпается эхом
в зеленых садах,
И всегда и везде
эта песня со мною,
Словно верный товарищ,
в боях и трудах.
Эту песню повсюду
привычно ловлю я,
Эту песню по свету
несу сквозь года,
Эту песню хвалю,
эту песню люблю я,
Эта песня для сердца —
живая вода.
Эта песня о нашем
прекрасном грядущем,
И сегодняшний день
в этой песне воспет,
Украина поет
о Востоке цветущем,
Об Украине пишет
узбекский поэт.
Украина,
клянусь тебе снова и снова,
Что меня покорила
твоя красота,
Что как музыка мне
твоя сладкая мова,
Что жива в моем сердце
Тараса мечта.
Днепрогэс и Донбасс,
и беленые хаты,

* * *

Я проснулся на белом рассвете.
Что меня разбудило, скажи?..
Тени веток лежали, как сети.
Тихий ветер.
Кругом — ни души.
Только сад мой в привычном привете
шелестел —

и по этой примете
я узнал себя в нежной тиши.
Я был тот же!..
Но странное счастье,
как прилив, заполняло меня,
точно был не собой я,
а частью
небывалого белого дня,
ясным небом, скрепленным печатью
золотого, живого огня,
синим воздухом,

зеленью,
чащей,
ключевою водою звучащей,
вздохом ветра и ржаньем коня.
Точно был я во всем, что за мною
шло всю жизнь, собирая следы —
и дыханьем, и плотью земною,
и родною землею самою,
частью вечной ее чистоты.
И лежал я, блаженно недвижим,
точно вложенный в ножны кинжал,
точно чем-то отмеченный высшим,
я из рук оружейника выпел —
и неожиданно
в цене дорожал.

И все то, что торжественной высью
надо мной возносилось во сне,
все, что было кругом и вовне —
то теперь надвигалось, нависло:
ощущеньем,

и словом,

и мыслью

собиралось и зрело во мне.

Так лежал я и думал:

«Отчизна!

Вот что значит быть частью твоей,
кожей чувствовать дали и числа,
шорох поля

и трепет ветвей.

Вот что значит быть вместе с тобою —
подыматься, грустить, молодеть,
брать ли с бою,
дарить ли с любовью,
петь ли с болью —

иль в радости петь...

Видно, в этом и сила и слава
тех,

кто пашет, и сеет, и жнет,
варит сталь или водит составы,
кто имеет высокое право
на высокое званье — «народ»...

Я оделся и вышел.

Округа

закипала. В свечении дня
что-то явно менялось и круто;
мир просторнее стал почему-то.
И рассветного счастья минута
оставалась в душе у меня...

1951

С ПРАЗДНИКОМ

Братья,
с праздником,
с победой!
В рощах,
в строчках,
в сердце —
май.
Символ мира —
в сини этой,
голубь, крылья подымай!
По стволам восходят соки,
по стране идет весна.
Солнца знаменем высоким
наша жизнь осенена.
На единой с нами ноте —
хор природы непрстой:
солнца славный знаменосец —
нашей Родины простор!
Синий ветер ширь полощет,
границ дивные видны,
и колоннами на площадь
вышла молодость страны.
Схожим строем закаленным
мерят дали все полней
тополиные колонны
в сизом зареве полей.
Ах, какие видим дали!
Как громаден жизни ход!
Умещает календарь ли
все,
что сделано за год?
Города,
дороги,
домны —

всюду,
всюду поступь та ж.
Побратимом Волго-Дона
строится Тахиаташ.
Как в разительном рассказе,
совмещая времена,
встали крепкими ростками
давешние семена.
Темп высокий созиданья
славословьем не раздут:
ведь растут не только зданья —
люди,

главное,
растут!

Люди — главное...

И рядом,
все учась от поля брать,
славным стал лауреатом
рядовых дехкан собрат.
Славьтесь, тружеников руки!
Славься, мысль,

смела, остра!

Стала мастером науки
молодая медсестра...
Забывая тьму и голод,
ложь,
что в прошлое ушла,
в настоящий вырос город
мой заброшенный кишлак.
Планов движущая сила —
Завтра!

Именем твоим
нас История растила,
мы —

историю творим.
Разум, руки, воля —

эти ж,
что открыли свет стране!..
По Отчизне едешь, едешь —
а расцвету

края нет!

Мимо — нивы молодые,
гладь лугов, озер глаза.

И стоят, как постовые,
 вековечные леса.
 Словно отческим заслоном,
 нескончаемым в длину,
 этим поясом зеленым
 оградило всю страну!..
 Сила дружбы нас роднила,
 воедино всех спаяв.
 Наши горы и равнины
 проверяли нас в боях.
 Те места, где мы стояли
 насмерть —
                                 святы в беге лет.
 Так же, общим достояньем,
 хлопок вырастим
 и хлеб!..
 Тем, что сердцем всем мы рядом —
 и Союз непобедим!
 И не зря Кремля куранты
 все мы слышим
                                 в миг один...
 Братья,
                                 с праздником,
   с победой!
 Туча, очи не тумань!
 Пусть сияет в сини этой
 алый
                                 выстраданный май!

1952

ТАШКЕНТСКИЕ ВЕЧЕРА

Ташкент своею зеленью хорош,
Где столько зелени еще найдешь?
Не сможет позабыть никто из вас,
Увидев красоту его хоть раз.
В прохладный парк и вечером и днем
Приходят отдохнуть и погулять
Рабочий, и студент, и агроном, —
О каждом книгу можно написать!
И девушки через тенистый сад
Домой с текстильной фабрики спешат,
Они стройны, красивы и скромны,
И многие в них тайно влюблены!
Вот юноша проспектом Навои
С любимой девушкой идет вдвоем.
Как хорошо под шум листвы тайком
Друг другу думы поверять свои!
Полна беспечной радости душа,
Счастливый смех на улице звенит,
В тени ветвей, гуляя не спеша,
Своей подруге юноша твердит:
— Ташкент своею зеленью хорош,
Красивей места в мире не найдешь!..

Вдоль улицы широкой, как река,
Ряды огней текли издалика,
Большие зданья высились над ней —
Одно другого краше и светлей,
И самое высокое из них
Стояло в украшениях лепных,
И чудилось, что говорит оно,
Рядами фонарей озарено:
«Смотрите все! Я — целый городок!
Во мне — и магазины и кино!
Для всех гостеприимен мой порог,
Своих жильцов я ставлю всем в пример:

Есть и ученый здесь, и педагог,
И молодой строитель-инженер.
На верхнем этаже — поэт живет,
Строчит поэму ночи напролет...
Ну как же не гордиться мне собой,
Переливаясь радугой цветной?»

А рядом с ним — уродливым углом
Протиснулся старинный ветхий дом,
Кривой горбун, обломок дней былых,
Последний из оставшихся в живых,
Один торчал он, мрачен и уныл,
Прислушиваясь с завистью к тому,
Что новый дом соседям говорил,
И, видно, стало невтерпеж ему.
И, переполнен злобою слепой,
Кичливо и упрямо возразил:
«Не хвастайся, красавец молодой,
Не спорю, ты высок и полон сил,
Но ведь и я когда-то был красив,
И мной гордились люди много лет,
Пока не встал ты, выскочка-сосед,
Меня своей надменностью затмив.
Теперь стою печален, одинок
И доживаю свой последний срок,
Зачем же мой покой нарушил ты
И горе на меня обрушил ты?..»

И, с отвращением глядя свысока
На злобного урода старика,
В своем великолепье молодом
Ему в ответ промолвил новый дом:
«Зачем, скажи, ты поднял этот крик?
Ты — пережиток прошлого, старик!
Тебе пора исчезнуть без следа,
Уж такова, глупец, твоя судьба,
Смирись, брюзга, умолкни навсегда,
К чему твоя пустая похвальба?
Ты о былом напоминаешь нам,
И в каждом слове злоба и обман.
Уныл и горек стен твоих саман
И со слезами смешан пополам.
Осела кровля, покосилась дверь,
Тебя ничем не вылечишь теперь.

Смотри, как некрасив и грязен ты,
Из безобразных безобразен ты!
Не спорь, старик, смирись и замолчи,
Я свет, а ты — обманчивая тень,
В мои большие окна каждый день
Врываются рассветные лучи.
Ты — хил и стар, я — молод и красив,
Я полон света, радости, тепла,
И прочен кирпичей моих массив,
Как мощная гранитная скала.
Фундамент мой — железо и бетон,
Бесчисленные комнаты светлы,
В любой квартире — ванна, телефон,
Сверкают, словно зеркало, полы.
А рядом — тоже новые дома,
Лишь ты один печален, как тюрьма,
Но близок день — исчезнешь, словно дым,
Уступишь место зданьям молодым.
Мои друзья-строители придут,
И закипит с утра веселый труд,
Напрасно споришь и кичишься ты!
В песок и щебень превратишься ты!

Из года в год растет моя родня,
Есть старший брат в столице у меня,
И вам скажу начистоту, друзья:
Он выше и прекраснее, чем я!
Над всей Москвой он, словно великан,
Вздыхает к небу свой могучий стан,
Встречает первым по утрам зарю,
Клянусь, друзья, что правду говорю!»
Так речь свою окончил новый дом,
И все покрылось темной полутьмой,
Лишь юноша и девушка вдвоем
Шли по широкой улице домой,
А им до дома — несколько минут,
Ведь оба в новом здании живут.
Вот и подъезд. Прощаются они,
Дрожат в глазах счастливые огни,
И словно засмеялось все кругом:
И юноша, и девушка, и дом...

Ташкент шумит весеннею листвою,
Окутанный полночной синевой.

1952

ТАШКЕНТСКИЙ ФОНТАН

Уж солнце прячется в раскидистых чинарах,
Вечерним небесам даря лучи свои...
Немало горожан — и молодых и старых —
Приходит в этот час на площадь Навои.

Высоко струи бьют. И купол театральный
Торжественно плывет в закатный небосвод...
А в зале — музыки растет прибой печальный,
Зарема жребий свой в отчаянье клянет.

Звенит ручьями слез фонтан Бахчисарая,
И скрипки вторят им то глуше, то звучней,—
Безумствует Гирей, от ревности сгорая,
Убить любимую готов во цвете дней,

И бьется — выхода из клетки не находит
Марии-пленницы смятенная душа!..
Закрылся занавес... И зрители выходят,
Вечерней свежестью задумчиво дыша.

Пред ними в сумерках на площади громадной
Бурлит другая жизнь, шумит фонтан другой,—
В блистанье фонарей, в кольце толпы нарядной
Он ввысь взмечается серебряной дугой.

Народу будет здесь полно до самой ночи,
И кажется, сюда собрался весь Ташкент:
С женою и детьми пришел сюда рабочий,
С подругой стройною беседует студент.

Слова заветных дум, слова душевной ласки,
И каждая мечта — как пламенный тюльпан...
Каким печальным был фонтан бахчисарайский,
Как радуется сердца ташкентский наш фонтан!

Как много разных лиц — и молодых и старых,
И сколько в их глазах добра, надежд, любви!..
А солнце прячется в раскидистых чинарах,
Вечерним небесам даря лучи свои.

1952

ПЕВЕЦ РОДИНЫ

Гафуру Гулям

Эта строчка в устах не прервется —
Песня льется из сердца рекой.
У могучего словопроходца —
Все сокровища —
  под рукой.

Все алмазы, и жемчуг, и лалы,
Не открытые и на треть —
Вся
  народного певчего лада
За века ограненная речь.

И откуда такой он,
  откуда?..
Но взгляни, как алеет заря,
Как в руках совершается чудо
У народа-богатыря.

Из бывшего окраины затхлой
За высокий спеша горизонт,
Он творит небывалое Завтра
И в себе это Завтра несет.

Это чудо свершается с нами,
Это сдвинулась с места гора,
Ибо гордое алое знамя
Нас упрямо ведет сквозь года.

Ибо, выбравшись из обочин,
В трудовом необорном строю
У станка сотворяет рабочий
Дело общее —
  долю свою.

И, забывши про байские козни,
Одолов и безводье и жар,
На полях сотворяет колхозник
Вырастающий
свой урожай!

Ветер счастья над родиной веет,
Солнце радостью
ширит сердца.
Вот откуда певца вдохновенье,
Вот откуда
и сила певца.

Оттого-то у словопроходца
Дивной песне скончания нет,
И как дышится — так и поется,
Так и строки
слагает поэт.

1953

ПОСЛАНИЕ В СИБИРЬ

Во глубине сибирских руд...

А. Пушкин

Друзья, я шлю вам скромный стих
В ту глушь,
        в тот самый край далекий,
Куда и пушкинские строки
По месяцам, в сплошной мороке,
Тащились на перекладных.
Хоть не в пример мой голос тих —
Законы почты нынче строги:
День, два — и вот он вас достиг!
Век двадцать первый
        на пороге...

Меняются не только сроки —
Еще мильон вещей простых.
Но пусть все прочее простит:
О вашей говорю
Сторонке...

Звучат по-новому слова,
Меняя смысл:
        но не забыли
У нас,
Как дрожь брала,
        едва
Речь заходила о Сибири:
Мрак, холод, снега избылье —
И ссылка,
        каторга,
        тюрьма!
Грудь надорвать на лесопиле,
Погибнуть —
        иль сойти с ума...
И долго в представленьях сих
Жила действительная сила,
Пока —

За что ему спасибо —
Не пересилил их Турксиб.
Но память все же не слаба;
Еще, бывало, мать сама
Заметит к слову:

«Чем в Сибири —
Уж лучше б рот землей забили!»
Вот в точности ее слова...

Я думаю, как вам смешно
Читать все это
или слушать.

Но эта память
Вам
Послужит как в дни ушедшие окнс.
Чтоб сей контраст вам пособил
Увидеть весь размах Сибири!
И ваши нынешние были
Былая

оттеснит Сибирь...

Когда сияет над страной,
Как символ молодого братства,
Могучая махина Братска —
И новь встает над стариной.
Когда машины недра рвут —
И без отчаянья и риска
На смену мастера идут
В полярной красоте Норильска,
Во глубине сибирских руд —
И всюду
Их прославлен труд!..
Когда с тайгой рядом,

тут,

У старых стен Новосибирска,
Растет безудержно и быстро
За институтом институт —
Столица молодой науки!
И наши дети или внуки
Туда учиться попадут —
И братья вновь,
из рук и в руки
Свой опыт им передадут.

1954

Бог весть чем
Начиняю стихи:
Мне милее пейзаж с тракторами,
Чем видение вечной сохи.
Но главнейшая из традиций
Не меняется, суть не темня:
Только бы продолжали трудиться
Ты для нас,
и мы — для тебя...

1954

* * *

Звучат в вечерней мгле индийские напевы —
В Ташкенте, на полях, на берегу канала.
Впивают эту песнь сады, луга, посевы,
Всех песен для меня она дороже стала.

Могучею волной течет поток эфира,
И в песне бьет крылом надежда и свобода,
И чувствует душа тепло большого мира —
Дыханье и борьбу великого народа.

Хоть непонятны мне слова его наречья,
Но как волнует грудь порыв его стремлений!
Несется песня вдаль, счастливым дням навстречу,
Звенит и ширится над всей землей весенней!

1954

ДЕНЬ НА ДЖАЙЛАУ

По торным тропам
Подымаюсь ввысь.
Остался хлопок позади,
белея.
Вершины как-то книзу подались
И двинулись ко мне из отдаленья.
Снега, подобно белым чапанам,
Лежат на них.
Над саем многоводным
Иду к моим знакомым чабанам,
Прославленным в округе скотоводам.
И вдруг с холма
Еще один поток
Бежит навстречу
серопенным селем...
Да это овцы! — вижу я потом.
Вот я и прибыл!
Сердце,
с новосельем!

Огромна ферма.
Высям вопреки,
Холмы обжили, тропы проложили.
И, как просторы здесь ни широки,
А души, кажется,
стократно шире!
Здесь мелочей безмерно уже круг,
Чем там, у нас,
На городских низинах.
Здесь бурки кров —
Вовек неизносимый.
Здесь если друг —
так уж навеки друг!

Вершины гор

  опять вздыматься стали.
Все новые и новые отары
По склонам их ползут,

  как облака.

Я вниз иду — а все смотрю наверх.
Мне ширь ясна — как комната жилая.
Пребыть такой

  навекы ей желаю!..

И этот день ушедший на джайлау
В душе моей останется навек.

1955

ГОЛОС НАРОДА

Я думал, что рассвет так ярко светит,
А это свет зажег великий Ленин,
Чтоб он светил всех радостней на свете,
Для многих стран, для многих поколений.
Я думал, что — заря, а это — знамя
Пылает ярче алого восхода,
Победное, колышется над нами
Священной волей вольного народа.
Народ — мудрец, а мудрость — это море,
Чью глубину постигнуть невозможно,
Оно осилит и беду и горе,
Оно отбросит прочь все то, что можно.
Чиста душа народа, словно небо,
Мечты народа — в этом небе птицы,
Он былью может сделать даже небыль,
Недаром он к иным мирам стремится.
Вскипает он высокою волною,
Сметает он с пути преграды прочь,
Народ, ведомый партией родною,
Рассеял в Октябре глухую ночь.
Он счастлив жить в своем краю богатом,
В краю, где мир отныне нерушим.
Пред силою народа меркнет атом,
В бою, как лев, народ неустрашим.
И ничего угрозой не достигнет
Тот, кто готовит новую войну,—
С мечом пришедший от меча погибнет,
Враг не осилит мирную страну.
Да будет зреть на мирной ниве колос,
Да будет светел добрый мир во мне.
Я думал — это гром, а это — голос
Народа, говорящий «Нет!» войне.

1955

О СЧАСТЬЕ

Счастлив я... Но что такое счастье?
Жизнь прожив, спокойно умереть?
Из низов подняться до начальства?
Или в кассе круглый счет иметь?
Нет, я не считаю счастьем это,—
Счастье, видно, кроется в другом.
Может, счастье бабочкою летом
Одинокó кружит над цветком?
Может, счастье ходит рядом где-то?
Может, деньги — отблески его?
Но не счастлив, золотом согретый,
Властелин богатства своего.
Нет, не счастлив он, я твердо знаю,
Мне его никак понять нельзя,—
Ведь, земля, советская, родная,
На твоей груди я родился!
И чужая не нужна мне слава,
Счастлив я, что в мой великий век
Я на все в стране имею право,
Ибо я — свободный человек.

1955

ИЛЬИЧА Я ВИДЕЛ В МИРЗАЧУЛЕ

Ильича я видел в Мирзачуле.
Это было в памятном году,
Когда только начиналось чудо —
Наступленье было на ходу.
Шли машины,

пахоты пехота
Двигалась широкой полосой.
На земле, седеющей от пота,
Полосами проступала соль.
Или то

подпочвенные воды
Выносили заново наверх
Давние, отчаянные годы,
В почвах

схороненные навек?..
Там, где от дороги до канала
Из-под ветра вспархивала пыль
(соль и сухость почву доконала) —
Старенький стоял автомобиль.
Открывался кругозор широкий.
И стоял в костюмчике простом,
Взглядывая в даль

и вдоль дороги,
Человек
С огромным ясным лбом.
Он смотрел — и щурился. Ни слова.
Точно замысел в нем новый креп.
Точно мысленно читал он снова
Им самим подписанный
Декрет...

Вправду ли случилось это чудо —
Иль привиделось?..
Но ведь не раз

Ильича я видел в Мирзачуле
В тысячах
неугомонных глаз!

...Как восходят всходы —
Стебель к стеблю!
Смыта соль непросыхавших слез.
Дух обилья над Голодной степью
Бирюзу небесную вознес.
И, приметы будущего чуя
Там,
где прошлое ушло, как сон,
Ильича я вижу в Мирзачуле:
В том, что нами сделано —
во всем.

1955

* * *

Старик
над кустом неспроста
склонился,
от нас недалече:
он слушает слово куста,
хлопчатника тихие речи.

Из шороха листьев, из их
признаний —
он знает заботы
полей,
небосвода язык,
ядренное слово природы.

Пускай мы его иногда
на фразе корявой изловим —
прельщаться лихим многословьем
его отучили года.

Но ляжет порой, как печать,
на нас
его веское слово,
уча нас, как мальчиков, снова
от плевел зерно отличать.

1956

САЖЕНЕЦ

Мой саженец, что год назад посажен,
Открыл сегодня бусинки цветов —
И восторгаться ими я готов,
Как неким поразительным пейзажем,
Взлелеянным усильями годов!
А что мне в нем?..

Хоть урожай бы, скажем!

Нет! В нем — моя нежнейшая мечта,
И стань он даже
Высотой с мачту —
Дороже бы не сделался тогда.
Мой саженец!

Решенная задача,

Плод вдохновения,

итог труда...

1956

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

Корасач, скорей проснись!
Дочка,
Утру улыбнись!
Погляди, как много солнца —
Бьется солнышко в оконце,
Светом комната полна,
Ходит по двору весна,
Ищет девочку-смуглянку,
Ждет подружку спозаранку,
А подружка заспалась,
Хоть пора спешить ей в класс.

Соскочила дочь с постели:
— Опоздаю, в самом деле! —
Одевается она,
Умывается она.
— Ничего...
Еще успею... —
Завтракать сажусь я с нею.
Вдруг припомнил я, смеясь:
— Ведь каникулы у нас! —
Дочка тут захохотала:
— Что ж, еще поспим, пожалуй?

1956

САД МОЙ НА ЦЕЛИНЕ

Глянь на целинный мой сад, о джан,
Какие плоды там висят, о джан,
Как ветер ласково обжегал
Сад мой на целине!

Будем вставать при росе, о джан,
Поля обойдем мы все, о джан,
Где хлопок всходы приумножал —
Хлопок на целине.

Смотри, как течет вода, о джан,
Она здесь, как ты, молода, о джан,
И с нами беседуют по душам
Арыки на целине.

Сорви же цветок из сада, о джан,
Как два цветка — вы рядом, о джан,
Который из вас я нынче сажал
Весною на целине?..

1956

ЛЕГЕНДА О МИРЗАЧУЛЕ

Нынче праздник хлопка в Мирзачуле.
Собрались колхозники на той.
Гости звонко песню затынули,
Заливается сурнай хмельной.

Той подарком дорогим украшен,
Как обычай прадедов велит.
Что сравнится с пышным хлопком нашим?
Дорог этот дар и знаменит.

Словно жемчуг в раковине,
Зрел он
В маленькой коробочке своей.
Как он нежен!
Как пушист и бел он —
Снега первого нежней, белей!

Только все, что есть на этом тое —
Белый хлопок,
Смуглые плоды
И вино прозрачно-золотое,—
Не пришло б, коль не было б воды.

Деда жили не в саду — в пустыне,
Травы были желты, как песок...
Часто мы забываем ныне,
Как закон пустыни был жесток...

Смогло вдруг застольное веселье.
Лишь арык журчит в ночной тиши.
На свои места танцоры сели —
Слова попросил седой бахши.

— Расскажу вам о минувшем горе.
Расскажу о давних временах...

Жили деды, с нищетою споря.
Земли обратились в мертвый прах.

От безводья трескались, бывало,
Наши плодоносные поля.
Жутко выли по ночам шакалы.
Дети, о глотке воды моля,
Умирали,
Как цветы, увянув...
Ждал во тьме добычи лиходея.
Гибли в зной десятки караванов,
И лизали волки кровь людей.

Тосковал народ по добром чуде.
Пропадали все труды зазря.
О живой воде мечтали люди,
И земля ждала богатыря...

В Мирзачуле,
Красотою славясь,
Юная Ширин тогда цвела.
Мир еще не знал таких красавиц.
Как луна, была она светла.

Но не только прелестью телесной
Девушка была одарена —
Добрым нравом и душою честной
Покоряла все сердца она.

И задумалась Ширин однажды:
Как избавить от беды народ?
Как спасти поля от страшной жажды?
Кто в пустыню воду проведет?

Много юношей за ней ходило,
О любви твердя ей без конца.
Все они красавице постыли:
Жарки речи — холодны сердца!

И поставила Ширин условие:
Тот, кто напоит поля водой,
Будет награжден ее любовью,
Будь он старый или молодой.

Только все усилия бесплодны —
Как пустыня превратится в сад?..
И тогда явился благородный
И отважный богатырь Фархад.

Не страшился недруга и зверя,
Жажду он терпел и сухостей,
Рыл песок, в победу твердо веря,
Добывая воду для людей...

А злодей Хосров, коварный, ловкий,
Тоже был в прекрасную влюблен...
Камышовые собрал циновки
И пустыню ими выстлал он.

Это ночью было...
Утром рано
Пригласил Ширин к себе Хосров.
Не ждала прекрасная обмана
И доверчиво пришла на зов.

И сказал Хосров:
— Моя царица!
Хочешь ли на чудо ты взглянуть?
Едем тотчас — надо торопиться! —
Собралась она в недалёкий путь!..

— Позабудь навек свое унынье! —
Молвил ей коварный. —
Посмотри! —
В мертвой, выжженной дотла пустыне,
В ярком свете молодой зари

Белые циновки в отдаленье
Показались речкой средь песков...
Дрогнули у девушки колени.
В свой шатер увел ее Хосров...

Но когда погас закат усталый
И разлился тусклый лунный свет,
Вновь в седой пустыне пусто стало,
Блещущей реки пропал и след.

Пасть пустыни воду проглотила!
Мир покрыла траурная тьма,

И Ширин сошла тогда в могилу,
Смерти облекла себя сама.

А Фархад, узнавши о несчастье,
Отшвырнул кетмень свой, говорят.
Сердце вдруг разорвалось на части,
И окаменел навек Фархад...

Задрожали трепетные струны.
Голову склонил бахши седой...
Не один смельчак, горячий, юный,
Жаждал землю напоить водой.

Порознь гибли витязи впустую,
А земля богатыря звала,
Добрым чудом бредила, тоскуя,
Жаркая, сухая, как зола...

Но дождались чуда земли наши,
Пробудилась выжженная ширь.
Жизнь узбеков стала полной чашей —
Это сделал славный богатырь!

Это — дело рук простых героев.
Все осилил богатырь-народ.
Заново природу перестроив,
Он уверенно глядит вперед.

Восстают из мертвых наши степи,
Целина становится ручной...
Встал рассвет во всем великолепье,
Но не умолкает шумный той.

Белый хлопок, словно снег неожиданный,
Радостно сверкает на столах...
Хоть сейчас еще и очень рано —
Песни зазвенели на полях.

Звезды на небе давно уснули.
Влажный ветер трогает листву...
Нынче праздник хлопка в Мирзачуле.
Вижу, слышу сказку наяву.

1956

НА БАХЧЕ

Как сотня лун, сияющих в ночи,
Белеют дыни:
  где ступить стопою?
Тронь черенок — и дивный плод бахчи
К тебе подастся
  как бы сам собою!
Тут бахчеводы потрудились так,
Что все до корки обратилось в сахар:
Кто ни отвеживал —
  тот так и ахал!
Давайте
Поиграем в «ширинрак»...¹

1956

---

¹ Игра «У кого дыня сл

МОЕ ГРЯДУЩЕЕ

Занимается день, разгораясь в шелках
Первомайским рассветом полотниц.
Сегодня я сына несу на руках,
Мы идем с ним на Красную площадь.

Всех в нарядные платья
Одела весна,
Руки ввысь поднимая над нами,
Словно море, колыхается нынче она
И играет на солнце волнами.

И мне хочется сына
Повыше поднять,
Чтоб взглянул
На колонны идущие.
Пусть он смотрит
На наш первомайский парад —
Сын! —
Надежда моя и грядущее.

1956

ГОЛУБОЙ ДУНАЙ

НА ГРАНИЦЕ

Никогда я чужбины не видел,
Но всему наступает свой срок,
Никогда я границы не видел,
А сегодня ее пересек.

Но расскажи: разве это граница?
Так она только прежде звалась.
Разве вправе назвать мы границей
Двух друзей нерушимую связь?

Предо мною раскинулась Тиса,
Как широкий солдатский ремень.
Отражает прозрачная Тиса
Нашей встречи сверкающий день.

И вхожу со словами привета
В этот край, где повсюду друзья,—
Пусть весенней улыбкой привета
Будет песня согрета моя.

Два побережья сияют цветущих
Над лазурной речною волной —
Два огромных букета цветущих,
Перевязанных лентой одной.

А над нами — летящее знамя,
Птицей дружбы его назови,
Словно пламя, колышется знамя
На волнующем ветре любви.

Две державы, два брата свободных
Отражаются в зеркале вод,

Два народа, навеки свободных,
А над ними — один небосвод.

Вон венгерский стоит пограничник
На широком и гулком мосту.
Улыбается нам пограничник:
Здесь доверье стоит на посту!

1957

БУДАПЕШТ

Карпаты позади —
И предо мною
Во всем величье Будапешт встает.
У ног моих Дунай, плеща волною,
Как музыка прозрачная, течет.

Я на мосту
И в тишине глубокой
Гляжу туда, где даль еще смугла.
Вот начинается солнце путь с востока
Жар-птицею, расправившей крыла.

Блещат лучи
На куполах и крышах —
И готика вся в радуге цветной.
Плоды трудов
Тех, кто на подвиг вышел,
Воочию встают передо мной.

События —
За далью лет в тумане —
В моем воображении встают.
То слышится легенда о Стефане,
То чудится Петефи и Кошут.

Увы! На стенах,
Подходя к ним близко,
Я вижу след каленого свинца.
Прибитая к простому обелиску,
Горит звезда советского бойца.

О Будапешт,
Пройдя сквозь пекло боя
И уничтожив вирус мятежа,
Ты встал как богатырь —
И над тобою
Вновь блещет небо, тишиной дыша.

О город древний,
Где живет народа
Душа, вольнолюбивая всегда, —
В дунайские ты загляделся воды,
Как блещущая на небе звезда.

1957

БУДАПЕШТСКИЙ ЗООСАД

В глубинах
зоосада
звериных
глаз засада.

Глядите:
тигр как тигр,
в зрачках пылает пламя
(добычу ли когтит?
рычит ли над полями?).

Пол клетки раскопав
(полклетки стало ямой),
кубический кабан
глядит, сопя, как пьяный.

Соперниц победив,
красотка без изъяна —
вперила обезьяна
два глаза в объектив.

А чья рука свела
на черной морде пумы
две пламенные пули,
два огненных сверла?..

И только этот вот
по собственной охоте
на мир не смотрит
«Хорти» —
облезлый старый волк.

1957

ТОСТ ДРУЖБЫ

Дождливо, сыро за окном...

И вдруг
На нас теплом дохнул холодный зал,
Когда, поднявшись, будапештский друг
С проникновенной теплотой сказал:
— Не случай сводит преданных друзей,
Для друга друг — желанный гость всегда.
А разве дружба может быть верней,
Чем у людей свободного труда?!
В ее лучах расцвел мадьярский край,
Как расцветают майские цветы,
И катит волны весело Дунай
В грядущий день прекраснее мечты.
Там, где вчера оставила война,
Казалось бы, неизгладимый след,
Прошла, как плугом, мирная весна,
И след исчез,

и разрушений нет.

Но, посмотрите, снова шар земной
Объят тревогой,

вновь расколот мир.
Грозит нам Запад атомной войной,
Несет Восток для всех народов мир.
Я верю: не померкнет синева,
Война убита будет наповал.

1957

ПАМЯТНИК СВОБОДЫ

Рассвет над Будой занялся,
И в трепетном сиянье
Зажглось, как факел, над горой
Свободы изваянье.

Еще внизу синела мгла,
А там уже блистали
Победоносные черты
На гордом пьедестале.

Но вот с горы спустился луч,
Как робкая надежда,
И ласковым крылом скользнул
По кровлям Будапешта.
В глаза и окна заглянул,
Согрел сердца людские
И плечи фабрик озарил
И трубы заводские.

Потом позолотил холмы
И пламенным разливом
По свежим всходам побежал,
По бесконечным нивам.
Проснулась, ожила земля,
Теплом лучей согрета,
И разлилось по всей стране
Сияние рассвета.

1957

ТОКАЙ

Приходилось ли пить вам
Венгерский токай?
Он — как самая редкая роза.
Переносишься сразу в заоблачный край.
И тускнеет житейская проза.

А как тонко подобрана, как хороша
Пряных запахов сложная гамма,
И его ароматом волшебным дыша,
Как не вспомнить Омара Хайяма!

Он сказал бы о вкусе токая:
«Как целительна влага такая!..»

Мы летим золотистой долиной Токай,
А в лучах виноградушки блещут

И, суля виноделам большой урожай,
Вырезною листвою рукоплещут.

Средь садов и селений дорога неслась,
Устремляясь в зеленые дали,
И, своей благодатной землею гордясь,
Нас повсюду друзья зазывали.

Да, поистине разнообразны
Были этой долины соблазны!

Перед садом тенистым мотор заглушив
И решив отдохнуть хоть минутку,
Заглянули мы в сельский кооператив,
Задержались же там не на шутку.

Прямодушны улыбки венгерских крестьян,
И, желанью гостей потакая,
Преподнес нам старик, седовлас и румян,
Полновесные грозди «Токая».

Так и мы принимаем гостей дорогих,
Что знакомятся с Узбекистаном,
Да и стол, признаюсь, мог сравниться у них
Только с нашим большим дастарханом.

И скажу вам, друзья мои, прямо:
Был я в роли Омара Хайяма.

1957

ВЕНОК

Здесь советский солдат пал когда-то в бою,
И задумчиво, с братской любовью
На венгерской земле я у камня стою,
Что положен ему в изголовье.

А над нами черемуха в белом цвету,
Вешний ветер гуляет над нами,
И мне кажется, что не венок я кладу,
А горячее сердце с цветами.

1957

ВЕНГЕРСКОЕ МОРЕ

Здесь бродил я, густой синевой опьянен,
Здесь встречал я весенние зори
И постиг, почему голубой Балатон
Называют — Венгерское море.

В тишину было озеро погружено,
Серебрилось спокойно и сонно.
Словно синее море, бескрайне оно,
Словно синее небо — бездонно.

Даже птицу над ним ветерок не спугнет,
Не смутит это чудо природы.
Поднимается солнце над зеркалом вод
И спускается вновь в эти воды.

Говорят, это озеро в бурю черно,
Бьет о берег волной разъяренной.
Словно сила народа, бескрайне оно,
Словно память народа — бездонно.

1957

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Искусство Венгрии кляня,
Они зажгли
Музей народный,
Но не смогли взнуздать коня,
Коня
Истории свободной.

Уже давно погас рейхстаг.
О, эти призрачные тени!
Они и здесь хотели так
Народ поставить на колени.
Но сбросил
Петефи тогда
Гранитное оцепененье:
— Вам не дожидаться
Никогда
От нас коленопреклоненья.

Набатом
В сердце проникая,
Поэта голос прозвучал.
И вот на берегах Дуная
Народ в одном порыве встал.

1957

ЧИНАРА

На окраине Буды
Я видел чинару большую,
Трепетала листва,
Серебрясь, как чеканный металл.
Присмотрелся я к ней
И припомнил, что точно такую —
Молодую, густую —
Я в нашем Ташкенте видал.

С чем чинару сравнить?
Говорят, что на нашей планете
Всех сильнее и выносливей,
Всех долголетней слоны,
Но еще удивительней
Гордых чинар долголетье:
Никакие на свете
Невзгоды для них не страшны.

Пусть ударит мороз,
Налетит ураган разъяренный —
Будут снова они
Шелестеть серебристой листвою.
Так я думал,
Любуясь
Чинары раскидистой кроной,
Об узбекской сестре,
Вспоминая ее молодой.

Две сестры, две чинары —
Они под одним небосводом
Широко распростерли
Свой пышный, зеленый наряд.

Так и наши народы
Под солнцем единой свободы
Поднимаются,
Крепнут
И свежей листвою шумят.

1957

БЕТХОВЕН

Он мадьярку любил молодую,
И, встречая рассвет голубой,
Говорят, что, безмерно тоскуя,
Он рыдал над своею судьбой.

Говорят, что сравниться с Зухрою
И с луной та мадьярка могла,
Что была безрассудна порою,
Но отважной и чуткой была.

Говорят, что мечтал он когда-то,
Вспоминая ее по ночам.
Есть в смятении «Лунной сонаты»
Отзвук бурь, что изведал он сам.

Если б так он любить не умел,
Как бы чувства людей он воспел?

1957

НОЧЬ НА РЕКЕ

В прохладных сумерках тонули очертанья
Задумчивых дунайских берегов.
Плыл пароход...
Тускнели изваянья
Причудливых закатных облаков.

Стоял на палубе.
Ночная тьма сгустилась.
Лишь всхлипывала за бортом вода,

И в черной пустоте
Доверчиво светилась
Голубоватая далекая звезда.

Я вспоминал тебя —
Глаза, улыбку, плечи,
Весенним сумраком задумчиво дыша,
И белой птицею,
Как перед близкой встречей,
Истосковавшаяся дрогнула душа.

Наверно, и тебе сейчас не спится.
Украдкой вышла в сад.
Кругом ночная тишь.
И стоя в темноте
Сквозь влажные ресницы
На эту же звезду и ты глядишь...

Дрожали поручни,
С реки несло прохладой,
Огни ныряли в пенной борозде...
И верилось в тот миг:
Скрестились наши взгляды
На той далекой голубой звезде.

1957

СУМЕРКИ ДУНАЯ

Пленительный вальс голубого Дуная,
Наверное, слышали все вы не раз.
Я снова его берега вспоминаю
В закатном сиянье, в задумчивый час.

Прекрасен Дунай и мостов вереница,
Играет волна, подбегая к ногам,
Всегда на закате гуляет, толпится
Народ по обоим его берегам.

Тут старых рабочих ты встретишь под вечер,
Разносится девичий смех над водой,
И, вольно расправив широкие плечи,
Стоит на мосту штукатур молодой.

С реки ветерок набегаёт упругий,
Платки развеваются, плещет волна,
Задорно порхают ресницы подруги,
Любуется вечером ясным она.

А прошлое вспомнится — сразу сплошную
Багровую тьмой застилает глаза,
И нервы гудят напряженной струною,
И в сердце опять полыхает гроза.

Фашист, как собака, грозитя и лает,
Невинного травят и смелому мстят,
Отчаянье, злоба в душе закипают,
И пули шальные в проулках свистят.

На каждом шагу преступленье и горе,
Смятенье и ужас на каждом шагу...
Но все миновало. И мирные зори
Горят на дунайском крутом берегу.

И годы боев не воротятся снова —
Навеки свободен воспрянувший край.
Сломав навсегда вековые оковы,
Привольно несёт свои воды Дунай.

Особой овеяны здесь красотой
И город, и люди, и отдых, и труд,
А песня, и ветер, и свет над рекою
Одним величавым потоком текут!

1957

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Над побережьем синего Дуная
Льётся песня с вешним ветерком.
Слушаю, невольно замирая:
До того мотив её знаком!

Мне её раздольное звучанье
Здесь ещё дороже и милей,
И дунайских волн рукоплесканья
Радостно и дружно вторят ей.

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...»
И журчит в ответ волна Дуная,
С этой песней породнясь навек.

А кругом все ярче и чудесней
Пышный праздник празднует весна.
Да, едины стали наши песни,
Ибо жизнь и цель у нас — одна!

1957

БАЛЛАДА О СМЕРТИ КОММУНИСТА

Осенняя ночь,
Тревожная ночь,
Кровавая ночь мятежа...
Бушует на улицах белый террор,
От выстрелов стекла дрожат.
По мостовым израненной Буды
Рабочая кровь
Течет...
В тревоге не спит молодая жена —
Мужа с работы ждет.

Бывало, опаздывал он на свиданье,
Сердилась она не раз,
На тихой набережной Дуная
Стояла в закатный час.
Когда ж наконец появлялся он,
Улыбки сдержать не могла...
Но что с ним сегодня?
Черно за окном...
Непроглядна сырая мгла...

Осенняя ночь,
Тревожная ночь,
Кровавая ночь мятежа...
Пули шальные свистят в проулках,
Как яростный рой жужжа...
Взмыла на гребне мутной волны
Хортистская гниль и мразь.

Пьяная свора
С воем звериным
В цех заводской ворвалась.

Стоял у станка молодой рабочий,
Обтачивая деталь.
Вдруг крики и брань,
И прямо в глаза
Глядит вороненая сталь.
Рыжий громила рычит свирепо,
Злобно кривится
Слюнявый рот:
— Кончай работу!
И марш за нами —
Поможешь поджечь завод!..

Молчит рабочий,
Стучит станок.
А взор непреклонен, чист...
— Ты что, оглох?..
Коммунистам продался?
А может, и сам коммунист?..—
И, с вызовом глядя в лицо врагам,
Кулаки тяжелые сжав,
— Да, коммунист я! —
Крикнул рабочий,
Ненависти не сдержав.

Выстрел грянул...
Еще... Еще...
И гордое сердце свинец пробил...
Так в этот миг, в свой последний миг
В партию он вступил.
Шатнулся —
И рухнул возле станка...
Грудь бездыханная кровоточит...
Но не смолкает верный станок —
Упрямо стучит,
Стучит...

Утро встает.
Раздавлен мятеж.
На смерть гидра поражена...
Увы! Не дождется теперь любимого,
Плачет в тоске жена.

На свежей могиле вянет венок.
Молчат цветы,
И плита молчит...
Но слышишь?
Гудит могучий станок,
Стучит, не смолкает верный станок —
Это сердце героя
Стучит.

1957

ЗАКОН ЖИЗНИ

В родильном доме крикнул мальчик звонко,
Но тихо, безутешно плачет мать.
Отец не примет на руки ребенка,
Цветы ей не положит на кровать.

Дрожал рассвет, испуганный и мгlistый,
Стекала кровь с разбитого лица...
На виселицу вздернули хортисты
Веселого народного бойца.

Ночь настает... Беззвучно мать рыдает,
На сердце навалилась темнота.
А мальчик спит беспечно: он не знает,
Что с самого рожденья — сирота.

Достойным сыном будет он, я верю,
В строю заменит павшего отца.
Жизнь возмещает каждую потерю
И мстит врагам за каждого бойца.

1957

В ДОМЕ ПОЭТА МАДАРАСА

Позвал меня он в гости как-то раз.
К поэту старому иду с визитом.
Встречает у калитки Мадарас,
Улыбка на лице его открытом.

Спешим друг другу руки протянуть.
Его глаза горят хорошим светом...
Помялись, постеснялись мы чуть-чуть —
И по-узбекски обнялись с поэтом.

И вспомнились тревожные года,
Страдания, утраты и невзгоды...
Была война.
Пылали города.
Отстаивали жизнь и свет народы.

Хоть эти времена и далеки —
Не позабыты слезы жертв невинных...
Поэт сжимает гневно кулаки,
Припомнив Будапешт родной в руинах...
Огонь и кровь.
И горе. И позор.
И в небе Венгрии — вороньи стаи...
Хозяин снова поднимает взор,
И я в его глазах любовь читаю.

Он, за плечи обняв,
К столу ведет.
Я объясняю:
Мол, домой спешу я!
Не отпускает:
— Дом — он подождет! —
И в комнату мы входим небольшую.

Как много света в ней!
Как много книг!
Задумчиво прихлебывая кофе,
Стал о Ташкенте говорить старик.
В глазах его увидел солнце вновь я.

Он передал привет моим друзьям —
Встречался с ними он в Узбекистане.
Спросил он, как живет Гафур Гулям,
И вспомнил о Хамиде Алимджане.

Потом портреты близких показал:
— Вот мой сынок —
Цветок, что в сердце вырос... —
И, помолчавши, Мадарас сказал:

— В Москве родился сын мой —
В сердце мира.

Вот внук...

А это — правнук. Озорной!

Вот — детище души, как говорится...—

Он рукопись кладет передо мной,

Как седина, светлы ее страницы.

Горя на солнце чистым серебром,

Она дрожит на сквозняке весеннем,

Насыщенная мыслью и добром,

Трепещущая строгим вдохновеньем...

А за окошком — вольный небосвод,

И набегают облака все реже,

И кажется,

Что тихий дом плывет

В цветущее весеннее безбрежье.

1957

* * *

Скорей хотел я в детстве взрослым стать.
О, до чего наивен был тогда я!
Могу мечту ту сбывшейся считать,
Ведь голова моя уже седая.

Свою судьбу держу в своих руках.
Нам никуда от времени не деться,
Не ямочки — морщины на щеках,
Под сорок мне, но нет дороже детства.

1957

ПОЛЯ

Благодатью зеленые дышат поля,
Драгоценны в них воздух, вода и земля,
Как у матери милой, дары их светлы,
Как у матери милой, объятья теплы.
Небо алой зарей над полями расколото.
Хлопок — жемчуг в кувшине из чистого золота.
Завтра щедро прольется чудесный кувшин,
Завтра встанет хирман до небесных вершин,
В том высоком хирмане — желанье народа,
Чтоб росли урожаи от года до года.
Хлопок — хлеб наш насущный и наше дерзанье,
Хлопок — наших отцов и мечта и призванье.
Он недаром вобрал в себя многие хлопоты:
Нити дружбы и кровного братства — из хлопка.
Неразрывен он с бытом родных наших мест,
Ведь из хлопка приданое юных невест,
Хлопок — пища дехканина в голой пустыне,
Хлопок в космосе светит звездой отныне.
Так записано в сердце народном от века:
Хлопок — гордость узбека и счастье узбека.
Знамя мира из хлопка, багряное знамя,
Что горит над Кремлем, как победное пламя.

1957

* * *

К Балтике я подошел на рассвете,
Только тебя там, родная, не встретил.
Море сегодня узнал я с трудом, —
Волны кипучие скованы льдом.

Ты почему не пришла на свиданье?
Впрочем, напрасно такое гаданье,
Если помочь мне бессильна волна,
Та, что с тобою бывала вольна.

Выручи ты ту волну из беды,
Выйди на берег — растопятся льды.

1957

ДУБУЛТЫ

Немало есть на земле чудес,
И все по-своему радуют.
Светло и сладко, когда с небес
Снега на Дубулты падают.

Любая местность тем хороша,
Что непохожа на прочие.
Птицей себя ощущает душа,
Балтика счастье пророчит.

Небо красно, земля бела,
Пушисты леса от инея.
Может, весна и лучше была,—
Дороже мне сказка зимняя.

1957

ЗВЕЗДА

Я звезду, что мерцала в ночной вышине,
Вдруг увидел вблизи, среди белого дня.
Поражен, ослеплен, я стоял как во сне,
Захватило дыханье в груди у меня.
Что за чудо со мной? И зачем синеву
Ты покинула вдруг, украшенья ночей?..

Разве знал я, что здесь, на земле, наяву,
Так прекрасны глаза у любимой моей!

1957

ТАЙНА

«Ты любил бы меня, если б я не любила?» —
Так спросила однажды, шутя, Сурайя.
«Все равно бы любил — и с такою же силой!» —
Так ответил подруге задумчиво я.

И подумал: какое огромное счастье
Быть и в горе и в радости рядом с тобой!
Пусть любовь называют возвышенной страстью,
Я назвал бы не страстью ее, а судьбой.

Не судьбою назвал бы, а вечной загадкой,
Мы, наверно, ее никогда не пойдем:
Ведь с кулак наше сердце, а вся без остатка
Беспредельность любви умещается в нем!

1957

ДВА КОНТИНЕНТА ВСТРЕТИЛИСЬ

*Участникам Ташкентской
конференции писателей
стран Азии и Африки*

Наряд весенний, улицы, наденьте,
Пусть льется радость в наших голосах:
Два континента встретились в Ташкенте,
Два солнца повстречались в небесах!

Я — азиат, я — сын страны свободной,
Я счастлив братьям руку протянуть.
С волнением гостей мы ждем сегодня,
Проделавших такой далекий путь.

Ташкент, Ташкент, о мой любимый город,
На ста наречьях ты заговорил,
И сердце бьется радостно и гордо
В живом потоке этих свежих сил.

Как ты вместить могла, моя столица,
Так много разных мыслей и надежд?
Сиянье дружбы искренней струится
От смуглых лиц и красочных одежд.

Добро пожаловать, друзья и братья,
Глашатаи свободы и добра,
К борьбе за правду вас хочу призвать я,
Отточенного слова мастера.

Заря над Африканским континентом
Слилась с зарей над Азией моей!
Звучат, звучат над утренним Ташкентом
Приветственные возгласы друзей.

1958

РОССИИ-МАТЕРИ

О Россия! Россия!
Я — сын, а не пасынок твой,
Для меня — для узбека —
Ты матерью стала родной.

Я — твой сын,
Я — один из миллионов твоих сыновей.
Счастлив тот,
Кто родился
В семье справедливой твоей!

Был ребенком мой дед,
У порога играл на песке,
Первый русский тогда
Появился у нас в кишлаке.
Это было давно...
Если б жив был сегодня мой дед,
То ему бы весною
Исполнилось ровно сто лет.

Мог бы нам рассказать он —
Свидетель далеких времен,
Как впервые был русский
На праздник в наш дом приглашен.
Это было давно...
С той поры миновал целый век.
С русским братом с тех пор
Навсегда породнился узбек.

О Россия моя!
Я в тебя беззаветно влюблен.
Зимний лес твой люблю
И студень, седой небосклон.
Зной ли пышет в лицо
Или снег обжигает до слез,
Ты всегда мне мила —
И в жару, и в жестокий мороз.

С полуслова всегда
Я желанья твои понимал.
Я творил и сражался
Не ради наград и похвал.
С каждым годом мой долг
Неоплатнее перед тобой,
А доверье твоё —
Драгоценней награды любой.

И когда по полям
Я шагал сквозь грохочущий шквал,
Как святую присягу,
Я имя твоё повторял,
Как тарантулов черных,
Врагов истреблял я в бою,
Хоть на миг, хоть на шаг,
А приблизил победу твою!

О Россия моя,
Слышу сердцем дыханье твоё,
Прикажи — я исполню
Любое Желанье твоё!
Прикажи — я дехканином
Выйду в родные поля
Или сяду к штурвалу
Космического корабля.

Быть хочу только там,
Где тебе я нужнее всего,
Все тебе посвящу:
Вдохновенье, мечту, мастерство.
Я — рабочий в цеху,
Инженер — за чертежным столом,
Я по синему небу
Черчу серебристым крылом.

Позови, — где бы ни был,
Я тотчас откликнусь на зов,
Прикажи, — что ни скажешь,
Я тотчас исполнить готов,
По шагам семилетки
Я сердцем равняться хочу,
В золотой её книге
Хоть строчкой остаться хочу!

О Россия моя!
Я — твой сын,
Твой солдат рядовой,
Я участвую
В каждой победе твоей трудовой,
И когда коммунизма
Придет на земле торжество,
Навсегда в нем останусь
Частицей труда моего.

1958

ОДИНОЧЕСТВО

Как-то спросила подруга: «Все чаще
Вижу тебя в одиночестве я...
Разве любви не нашел настоящей?
Разве тебе изменили друзья?»

Что мне сказать?.. Безотраднo и тесно
Было бы жить в одиночестве мне,
Но ведь рождается новая песня
Лишь с одиночеством наедине.

Снова я мыслями обуреваем —
То погружаюсь в пучину мечты,
То поднимаюсь над солнечным краем,
Землю оглядывая с высоты.

Строчка за строчкой — волна за волною...
Черновиками терзаю тетрадь...
Тот, кто следит в ту минуту за мною,
Может меня за безумца принять.

В сердце как будто прорвало запруду:
Льются потоки взволнованных строк...
Тот, кто с народом всегда и повсюду,
И в одиночестве — не одинок!

1958

ДРУЗЬЯМ-ТАДЖИКАМ

Друг от друга живем невдали,
Породненных соседей семья.
На другом берегу Сырдарьи
Начинается ваша земля.
Удивителен Таджикистан —
Эти горы,

селенья,

поля...

Низко кланяюсь вашим местам —
Тут любая
прекрасна пора!

Родословная песни стара,
А стихия стиха — молода.
И как есть у строки мастера,
Так наставники есть у труда.
Эй, Гиссар,

под седою горой

Речка резко грызет берега.
Там хлопкового поля герой,
Всем известный

Урунджа-ака.

Соревнуются братья в труде,
Светит белая хлопковая звезда.
И недаром видна нам везде
Снежных шапок сплошная гряда.
Урожаем венчается год,
Сделан план —

а ведь был он не мал!..

Сединою с вершинами гор
Спорит каждый колхозный хирман.
Удивителен Таджикистан —
Дать бы волю

высоким словам!

ДУМЫ О ТРУДЕ

Труд! Он когда-то человека создал
Из темных недр слепых природных сил.
На небе разума затеплил звезды,
Сердца мечтой упрямой окрылил,

Нас вывел из невежества и горя,
Дал миллионам свет, одежду, кров
И наших знаний солнечное море
Наполнил год за годом до краев.

Труда боятся только тунеядцы —
Хотят прожить без дела и забот,
Но человеком в праве называться
Лишь тот, кто сам творит и создает.

Я вижу, как, пылая дни и ночи,
Течет металла знойная река,
Как, овладевший знаньями, рабочий
Становится ученым у станка,

Как зреет хлопок, серебром блистая,
Как трактора по целине идут...
Жизнь без труда за жизнь я не считаю,
Жизнь только там, где торжествует труд.

Когда на сборе хлопка жарким летом
Тружусь и я, со лба стирая пот,
Какую радость чувствую при этом
И как душа взволнованно поет!

Жизнь без труда за жизнь я не считаю,
Служу на совесть я родной стране,
Трудиться до последних дней мечтаю,
Пока огнем струится кровь во мне!

1959

по бездорожью
На поиски нефти отправилась
на Палванташ.

И это она
на разведку природного газа
Одною из первых приехала в знойный Газли.
Пустыня упряма, ее разгадаешь не сразу,
Но пласт за пластом раскрывается книга земли.
Трудна эта книга.

Геолог — ее переводчик.
Лишь он понимает земли первобытный язык.
Он видит в пустыне

сокровищ бездонный источник,
Он дерзкой рукою в ее кладовые проник.
Так будь же настойчива, девушка в пестрой
косынке,

По жгучим пескам за собою веди молодежь.
Пустыня упряма,
но ты победишь в поединке,
Дерзай — и добьешься,
Ищи — непременно найдешь!

1959

* * *

Любовь граничит с безрассудной смелостью,
Всегда с надеждою глядит вперед.
Но сможешь ли сберечь ее ты в целости,
Как раковина жемчуг бережет?

Не помню, в вечной верности клялись ли мы,
Но уж теперь огня не потушить:
Мне без тебя и дня прожить немислимо,
Как смертному без сердца не прожить.

1959

МОЕМУ ЛЕЧАЩЕМУ ВРАЧУ

Ты слушаешь, как бьется кровь тугая,
И удивляешься, что перебоев нет.
Не надо удивляться, дорогая,
Уж так и быть, открою мой секрет.

Пусть мне в жилы старость просочится,
Вползет, змеясь, предательский недуг,
Все так же сердце птицей будет биться,—
Неутомим его горячий стук.

И будет до последнего мгновенья
Его биенье молодым всегда:
В нем льется песня, зреет вдохновенье,
А песня — вечно молода!

1959

22 АПРЕЛЯ

Я помню, как 22 апреля
Мы с сыном решили в саду погулять.
Нарциссы, пионы, тюльпаны пестрели —
Тут можно хоть сотню букетов собрать!

Казался мне сад разноцветной картиной.
Я раем назвать его был бы готов...
Вдруг слышу вопрос удивленного сына:
«Откуда такое обилие цветов?»

Как ярко и празднично солнце лучится,
Как много душистых цветов расцвело!
Скажи, почему так восторженны птицы,
Так щедро весеннее льется тепло?..»

«Наш Ленин сегодня родился, сынок мой,
И правда всеобщая с ним родилась.
История смотрит в раскрытые окна,
История смотрит, сыночек, на нас!

Ковры расстилает весна по аллеям,
Тебе посылает охапки цветов...
Сегодня кремлевские звезды светлее
Горят над грядою грядущих веков.

И спутники в небе все выше взлетают,
И новые песни несутся, звеня,
С победами люди страну поздравляют,
Ты ж новой «пятеркой» обрадуй меня...

Смотри, как ликууют сады и поля:
Рождение Ленина славит земля!»

1959

БОКАЛ

Земля пылает углем раскаленным.
Не веет ветер, не журчит арык.
Над морем хлопка, пышным и зеленым,
От зноя солнце свесило язык.

Ну и печет! Кто ищет, где прохладней,
Кто загорает в самую жару,
А для дехканаина всего отрадней
В родное поле выйти поутру.

Где он трудился, рук не покладая,
Теперь хлопчатник спелый засверкал,
И каждая коробочка, сияя,
К нему протянута,
как пенистый бокал!

1960

ПУТЬ

Здесь глохнет крик,
покой на миг
нарушив,
и птицы обрывается полет.
Скакун, свою породу обнаружив,
здесь —
раньше или позже —
упадет.

Дорога без конца и без начала,
путь времени,
что есть тебя длинней?..
А все ж порой,
бессонными ночами,
мечта моя проносится по ней.
Мне чудится, стою я у истока
великого Востока моего,
и столько горя,
слез и крови столько
меж пыльных строк истории его!
Здесь проходил войны двурогий демон,
покой племен преданиям предав.
И потянулась вслед за Искандером
воителей жестоких череда.
Царила смерть везде,
куда ни кинься!
Истории движенью вопреки,
цели заодно
и полчища Чингиза,
и желтые пустынные пески.
Вилась змеей, чернела войска лента,
в ночи горели смрадные огни,
и проносились кони Тимурленга,
полки Бабура,
орды Шейбани...
О, долгий путь!

Не сделаешь и шага,
чтоб не попать забытый чей-то прах...
Скорей всего, не хана и не шаха —
тех, что похмелье —

на чужих пирах!

Враги прошли —

как будто смерч промчался.

Где города?

Следов найти нельзя!..

А время шло, к тому спешило часу,
когда придут на этот путь

друзья.

Того, что было, новое не смыло.

Да, было горе, беды были —

пусть!..

Пришли друзья — и наполнялся смыслом
весь пройденный

необозримый путь.

Дорога без конца и без начала,

что в этом мире есть

тебя длинней?..

Не спится мне,

и долгими ночами

мечта моя проносится по ней.

Тут бесконечным двигались парадом
война и рабство,

рабство и война.

И все-таки к истокам вечной правды,
в долину счастья —

вывела она!

И напоила мучившихся жаждой,

дала голодным хлеб,

глаза — слепым...

Хвала ж тебе, хвала тебе,

вожатый,

что нас повел, назло врагам любим!

Ты с нами здесь,

тебя я прозреваю

в грядущем дне,

и снова — впереди.

И та же даль пылает заревая,

и нет конца,

и нет конца пути!

1960

* * *

Перевидел людей я немало —
и терзался,
        свой жребий кляня:
сколько требуют люди вниманья!
Разве хватит на это
        меня?

Но душа раскрывается юно,
точно ливнем я на поле льюсь,
и чем больше другим отдаю я,
тем богаче
        я сам становлюсь!

1960

НОВОГОДНЕЕ

Старый год и в минуты прощанья
сохранил свою юную стать.
Он с улыбкой стоит на причале
и готовится

вечностью стать.

До отплытья немного осталось,
и —

ищи от темна до темна —
ты не встретишь таких,
кто хоть малость
этой ночью не выпьет вина.
Оглянись же без ложного пыла,
чуть бокал зазвенит о бокал,
все припомни,

что сделано было,
все, чем год уходящий богат.
Не спеши ярлыки повесить,
эта мудрость —

неправды лютей.

Лишь одно остается навеки:
то, что делаем мы для людей.
Оттого и в минуты прощанья
так же юн

этот прожитый год.

Он не ждет на последнем причале,
чтобы время замедлило ход.

Знал он славу,

страду

и отраду.

Урожай его честно пожни.

Новый год,

уходящему брату

его крепкую руку пожми...

1960

ДА, Я — АЗИАТ!

Я — сын свободного Узбекистана,
Советского народа верный сын!
Горжусь своей судьбой,
Хоть это очень странным
Вам, видно, кажется,
заезжий господин.
У вас всегда усмешка наготове,
И, бросив на меня высокомерный взгляд,
Вы приподнимете седеющие брови,
Презрительно подумав:
«Азиат...»
Но что же удивительного в этом? —
Позвольте напрямик
задать такой вопрос.
Мы оба — жители одной планеты,
Пора бы нам поговорить всерьез.
Солидный, грузный,
в смокинге лощеном,
Вы с виду — настоящий джентльмен,
И удивляюсь я,
что в мире потрясенном
Не замечаете вы многих перемен.
Покорный раб,
жить в нищете привыкший,
Трудолюбивый, бессловесный скот,
Притоны,
опиум,
чахоточные рикши,
Нефть, и алмазы, и кровавый пот,
Экзотика лачуг да идолов старинных,
Литые мускулы, подобострастный взгляд,
Лохмотья,
грязь, рубцы на тощих спинах —
Да, вот что значило когда-то:
азиат.

Оковы сбрасывая,
плечи расправляя,
Встают народы
к светлым временам!
Я — сын прекрасного Узбекистана,
Советского народа верный сын!
Теперь, наверно, вам совсем не странно —
Пожалуй, страшно вам,
зловещий господин?
Отвисла челюсть, и глаза застыли,
И проступила дряхлости печать...
О, лишь теперь во мне
вы силу ощутили,
С которой вам вовек не совладать!
Да, не помогут вам ни НАТО, ни СЕАТО,
Ни атомный шантаж,
ни яростная ложь...
Взвились над Азией
лучи зари крылатой —
Теперь ее попробуй уничтожь!
Вот почему горжусь своим происхождением
И, этой гордостью великою объят,
Друзьям — с улыбкою,
а недругам —
с презрением

Всегда отвечу:
— Да, я — азиат!

1960

ПАМЯТИ АРМЯНСКОГО ДРУГА

Дай перо мне, о друг, я продолжу.
Видно, мой наступает черед.
Вот и ветер бессмертный про то же
мне за окнами нынче поет.
Где-то ждет нас в назначенном годе,
день,

молчаньем завешенный весь.

И друзья понемногу уходят —
остается лишь дружба
навек.

Но сегодня мне, в сумерки эти,
вспоминается среди тишины,
как я ждал на недавнем рассвете
гостя-друга из братской страны.
Как стихами приветствовал брата,
эти строки вином запивал
и с Давидом сводил в них Фархада,
с Араратом его рифмовал...
Так недавно! — а даль не измерить.
Словно чья-то за этим вина —
так мучительно каждая мелочь
нынче горьким значеньем полна.
Но с отрадою я вспоминаю,
как вдвоем — армянин и узбек —
мы по нашему ездили краю,
как ты много увидеть успел.
И тебе — из неведомой дали,
из никем не открытой страны —
и нагорья армянских преданий,
и узбекские нивы видны...

1960

ЛЕГЕНДА О ШАХИЗИНДА

Хочу рассказать вам легенду одну —
О том, как терзали народ в старину.
Играя на таре, в вечерней тиши
Об этом поведал нам старый бахши.
Вниманием слушателей завладев,
Неспешно он вел свой рассказ нараспев
О том, как был некогда стоек и храбр
Народ, населяющий Мавераннахр.

В те годы по воле зловещих светил
Неведомый шах Самарканд осадил
И, в город ворвавшись, устроил резню:
Дворцы и святилища предал огню,
Бесчестил красавиц и вешал бойцов,
Закапывал в землю их старых отцов
И пытки неслыханные измышлял:
Шипы из бамбука под ногти вгонял.
Страшны были бедствия этой войны:
Растоптаны всходы, сады сожжены,
Стал мутным, багровым в те дни Зеравшан,
Окрашенный кровью бесчисленных ран.
Страдал наш народ, но не сдался врагам,
Смиренно к чужим не склонился ногам.
Кипел его гнев, как в разгаре весны
Бурливый разлив зеравшанской волны.
И вот, натерев свои лица землей,
Суровые мстители ринулись в бой.
На приступ в бесстрашном порыве пошли,
Изгнали пришельцев с узбекской земли.

Смекнули тогда богачи да муллы:
Народ изнемог и от их кабалы,
Теперь же, успев свою мощь ощутить,
Он сможет клинки против них обратить.
Тогда и решила коварная знать

Любою ценой свой народ обуздать,
Чтоб стал он покорным, как в прежние дни,—
И вот что придумали тайно они:
Как будто не умер воинственный шах,
А к силе прибегнул таинственной шах.
Спустился в колодец и скрылся от глаз.
Но там, под землею, живет и сейчас.
Весь день отдыхает он, а по ночам
Блуждает, невидимый смертным очам.
Все тайны людей у него на виду,
На грешников он насылает беду!

Вот так, мертвецу воздавая хвалы,
Повсюду упорно твердили муллы,
Его объявили провидцем святым,
Воздвигнуть гробницу велели над шим.
Поверил, построил гробницу народ,
Былому врагу стал молиться народ,
Тропой караванной в горячей пыли
К священной могиле паломники шли:
Молили спасти от болезней и бед,
Просили подать благосклонный совет...

Немало воды с той поры утекло,
Богатых и бедных в могилу сошло,
И туч грозовых пронеслось в небесах...
Изверились люди в святых чудесах.
Пришли археологи в эти места,
И все убедились: могила — пуста!..

Правдивое время настало давно,
Легенда уже обветшала давно,
Но в памяти крепко ее сбереги:
Не силой — коварством опасны враги.

1960

* * *

Перед горной грядой не спеши —но
путь представь,

подымающий к ней.

Не забудь, что дороги к вершинам
начинаются

с малых камней.

На минуту замедли с ответом,

если в истину эту не вник,
чтобы после,

на склоне отвесном,

не коситься с отчаяньем вниз.

1960

* * *

От дыхания Новруза
на заре ликуют птицы,
Речка сбросила оковы,
зажурчали ручейки,
И пускай зима-старуха
отомстить еще грозитя,
Злобно скалит льдов разбитых
синеватые клыки.

Отжила свой век старуха:
все погибло, нет спасенья,
Грязной грудой снег последний
умирает за бугром,
И, победу возвещая,
прогремел салют весенний:
В небе молния блеснула,
прокатился первый гром.

Семена зашевелились,
пробудясь в земной утробе,
В жемчугах и перламутре
молодая грудь весны.
На себе седые космы
рвет зима в бессильной злобе
И уходит со слезами:
ливень хлынул с вышины...

Завтра сеять начинаем,
потому что твердо знаем,
Как щедра земля родная,
бескорыстна и честна:
Каждый год мильоны зерен
мы ей смело доверяем,
Каждой осенью сторицей
возвращает долг она.

1960

ЧУТЬ ПЛАТЬЯ КОСНУСЬ ТВОЕГО

Ни панбархата роскошь,
Ни пестрый туман крепдешина
Дрожь в руке не рождали,
Чтоб к сердцу
Мгновенно спешила.
Что же прочь из груди моей
Выскочить сердце грозитя,
Чуть коснется меня
Твой наряд из дешевого ситца?
И надежда моя
С неожиданным страхом
В разладе,
Если сам я коснусь
Ненароком
Цветастого платья...

Все наряды не в счет,
Если сердце
Свиданью не радо.
Ты ж — дороже еще
В обрамленье простого наряда!
Нет на этой земле
Ни сложнее, ни проще
Секрета:
Я люблю!..
Ты сама
Моим вспыхнувшим чувством
Согрета...

1960

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ВОЛНЫ

Я в дальний путь отправился, моря пересекая,
Плывем, покинув Балтику, по Северному морю,
И чудится: могучая красавица морская,
Раскрыв объятья белые, играет на просторе.

Привет вам, волны вольные, в рассветной позолоте
Искрящиеся бликами, катящиеся в пене,
Подобно крыльям беркута, трепещущим в полете,
Вы в сердце пробуждаете порыв и нетерпенье.

Люблю вас, волны шумные, изменчивые волны,
Ваш каждый гребень кажется клокочущей строкою.
О стань, моя поэзия, такой же своевольной,
Упругой и сверкающей, не знающей покоя!

1961

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Плывет теплоход «Эстония»,
Взрывая тугие волны...
Давно берега знакомые
Скрылись в седой дали...
Плывет теплоход «Эстония» —
Плавучий кусочек родины,
Незримою нитью связанный
С сердцем моей земли.

Плывет теплоход «Эстония»,
Над Балтикой ночь редет,
В сырых, предрассветных сумерках
Заря вдали занялась.
Еще не достигли порта,

А чудится: в пенных волнах
Наяды корабль встречают,
Ныряя, плеща, резвясь...

А вот на летучем катере
Несется навстречу лоцман,
На трап перепрыгнул ловко,
Взбирается на теплоход.
Первый посланец берега!
Как друга, его приветствуем.
В объятия большого порта
Он наш корабль ведет.

Что крепче и благородней
Традиций моряцкой дружбы?
Предчувствием близкой встречи
Уже затомилась грудь...
Над Балтикой меркнут звезды,
На вахту выходит солнце,
И звезды и солнце в небе
Сулят нам счастливый путь.

Прибытие в час рассвета —
Для путника добрый признак!
Швеции серый берег
Тянется в сизой мгле.
Стою, прислонившись к борту,
Вглядываюсь с волнением:
Кто знает, какие встречи
Нас ждут на этой земле?

Уже сквозь туман прорезались
Краны стокгольмской гавани,
И чайки, как мысли, реют
Над морем моей любви.
Плыви, теплоход «Эстония»,
Плавучий кусочек родины,
С приветом советской родины
К чужим берегам плыви!

1961

СЛЕПОЙ СКРИПАЧ

Стоял он сгорбленный, с застывшею улыбкой,
В Стокгольме ясным днем, в аллее городской.
О, грустный соловей! Наедине со скрипкой
О чем, отверженный, он пел с такой тоской?

Быть может, он любил... А что потом случилось?..
И молча я стоял, взволнованно следя,
Как в яркий летний день мелодия сочилась
Дрожащей струйкою осеннего дождя.

А сытой публики течет поток ленивый,
И некому вздохнуть над бедным стариком...
Но разве песнь его была б такой тоскливой,
Когда бы плакал он лишь о себе одном?

Наверно, в тайный мир — мир скорби и печали —
Его незрячие глаза устремлены...
Но и за сотни лет он выплачет едва ли
Всю боль, все горести своей родной страны.

1961

СЕВЕРЯНКА

Ты с моря мне русалкой показалась,
Холодной, дерзкой хищницей морской:
Клыками скал в тумане ты вздымалась,
Жемчужным поясом кипел прибой.

И лишь сойдя на берег спозаранку,
Едва туман студеной поредел,
Задумчивую деву-северянку
В твоих чертах я вскоре разглядел.

Да, Швеция, красою прихотливой
На девушек своих похожа ты:
Они тонки, бескровны и стыдливы,
Как северные бледные цветы.

И пусть на западе считают модной
Болезненную эту худобу —

В их утонченной красоте холодной
Я с грустью различал твою судьбу.

Я понял, хоть и пробыл здесь недолго,
С волнением подмечаю каждый знак:
Ты в пасть заатлантического волка
Попалась — и не вырвешься никак.

За пышными фасадами столицы,
Где все богатством показным блестит,
Я видел, что в душе твоей таится:
Уныние, униженность и стыд...

О Швеция! Не ты ли восхищала
Орлиный взор строителя Петра?
Но мощь иссякла, слава обветшала,
Твоих побед давно прошла пора.

Расправь же плечи, оглядись упрямо,
Настало время смело выбрать путь:
Одни тебе стремятся вырыть яму,
Другие — руку дружбы протянуть.

Знай, северянка нежная, мне больно
При виде нынешней твоей судьбы, —
Хочу тебя увидеть гордой, вольной,
Преображенной в пламени борьбы.

О Швеция, страна цветов усталых,
Холодных скал и вековых легенд,
Еще воздвигнешь ты на этих скалах
Свободы величавый монумент.

1961

ПОД ПЛАКУЧИМИ ИВАМИ

Я плакучими ивами залюбовался
В копенгагенском парке, над сонным прудом.
Тихой грустью их шепот в душе отдавался:
Подойди — мы тебе о разлуке споем!

Я стоял у пруда, был немного печален,
Вдруг слышался смех, и над самой водой,

Не заметив меня, появился датчанин —
Рослый парень с подругой своей молодой.

Подбежали, играя, к задумчивым ивам,
Озорные, беспечные, как мотыльки,
Обнялись горячо и со смехом счастливым
Устремились вдоль берега вперегопки...

Юность, юность... Куда эти годы умчались?
Разве не были так же и мы влюблены?
Но ведь мы не под ивами в парке встречались.—
Под свинцовым, дымящимся небом войны.

Были наши дороги тревожной и круче,
Опаленные вспышками грозных зарниц...
И на сердце, как будто от ивы плакучей,
Я почувствовал тень твоих длинных ресниц.

1961

ПРИЗРАК

Над старой Данией маячит призрак...
Кто верит, кто не верит — все равно
Его присутствия тревожный признак
Повсюду люди чувствуют давно.

То грозно в море волны забурили,
То молнии сверкнули из облаков...
Чей это призрак?.. Гамлету в могиле
Не спится ли под пологом веков?

Спи, гордый принц! Истерзанный, бесстрашный,
Свой тяжкий долг ты довершить сумел,
Шатая замков сумрачные башни,
Твой голос горькой правдой прогремел.

Ты выстоял, ты превозмог мученья,
Когда открылись гнусные дела,
Когда с прощальной песней по теченью
Несчастливая Офелия плыла...

Прошли столетья... Превратятся в руины,
Пустые замки беспробудно спят,

И память о трагедии старинной
Лишь камни их замшелые хранят.

Но я успел воочью убедиться,
Что и поныне для простых людей
Осталась Дания глухой темницей,
Как принц когда-то говорил о ней.

Нет, то не волны в море забурили,
Не молнии блещут среди облаков,—
То, тяжело содрогаясь от усилий,
Клокочет мир голодных и рабов.

Над всей Европой виден новый призрак,
Он не скрывает своего лица —
Волнующий предвестник коммунизма,
Надеждой окрыляющий сердца.

1961

ЛОНДОН

Этот город застыл изваяньем спесивым —
Сыр, туманен, знаком по несчетным томам.
Так он, кажется, стар,

что ему не по силам

Встать, встряхнуться,

Пробиться сквозь этот туман.

Заштрихован дождем и туманом все тем же,

Смывшим радугу напрочь с веселых палитр,

Он стоит, перерезанный надвое Темзой,

Как собранье старинных кладбищенских плит...

Как извечно камней этих нагроможденье!

Как упряма безжизненность этих камней!

Это в камень сгустились минувшего тени —

Тени тел или душ, кораблей и коней...

Может быть, это попросту прихоть погоды?

Но в багровом тумане, где ночи горят,

Вижу линии красномундирной пехоты,

Притулившейся к черным афганским горам.

Ах, прости меня, Лондон,

но где же занять мне

Всепрощенья?..

И память позора и бед
Подымает при виде тебя в азиате
Привиденья твоих азиатских побед.
О, поверь, самому мне от этого горше!
Но смотрю я — и вижу сипаев в цепях;
И парламент простер свои крылья, как коршун,
Увидавший вдали беспризорных цыплят...
Все промозгло в округе —

за что ни возьмись ты.

И седеют у дремлющих башен виски.
Опускает суровые своды Вестминстер
Над оплаканным, проклятым прахом людским.
Сколько пролито крови к подножию трона!
Сколько скрыто под ним безымянных могил!
Сын-убийца тут действовал,

сердца не тронув

Видом старца,

который о жизни молил...

И без публики длился спектакль заветный,
Жадно жаждал дотаций кровавый театр;
И почит державная Елизавета
По соседству с казненной Марией Стюарт!
Те, что бились, и грабили, и умирали
Ради жадных подвалов, грабительских жатв —
Эти пэры,

пираты,

купцы,

адмиралы, —

В общей яме истории ныне лежат.
В империи гордой обшарпанный остов
Дотлевет на картах, обшивку содрав,
И стоит на приколе прославленный остров,
Как засосанный мелью дырявый корабль.
И наряд твой державный распродан, о Лондон!
И разорванной сети ничем не помочь...
И встает Гулливер над игрушечным флотом,
Охранявшим века лилипутскую мощь!..

. . . . .
А сегодня —

сегодня Викторин площадь

Непривычно пустыня. Распался туман.
Только ветер какие-то флаги полощет,
Прижимая случайных прохожих к домам.
Что-то в лондонском климате сбилось со счета,

И сентябрь на чужую попал колею.
И иное мне в Лондоне видится что-то...
Просто — Лондон другой я вокруг узнаю!
Это город рабочих кварталов и доков.
Это город наполненных гневом трущоб,
Предъявивший свой давний,
Свой горький, свой долгий,
По-иному, чем в Сити, подписанный счет.
Сколько раз филантропы его находили —
И старались немедля забыть, уходя...
Но живет он,

прикрыт суетой Пикадилли,
За высокой стеной из реклам и дождя!..
...День глядит на меня, неприметно ослаблясь.
Время позднее — что-нибудь возле шести.
В это время, наверно,

по улицам в «Глобус»
Торопился из темной таверны
Шекспир.

В этом городе гордая мысль обитала.
И — великий учитель трудящихся масс —
Нес по улицам этим главу «Капитала»,
И смотрел,
и смеялся,

и гневался Маркс.
Вот мне слышится чье-то трагичное скерцо:
Это горькую строчку нашел Огарев.
Вот ударил в свой «Колокол» яростный Герцен,
Вышибающий головы

из-под корон!
И, в тиши подводя свой итог поколениям,
Перед схваткой врагов отделив от друзей,
Тут часами над книгой просиживал Ленин,
Заходя как читатель в Британский музей...
Этот город —

какую дорогу прошел он!
Этот город —
какие хранит голоса!

И живет парадоксом неизданным Шоу,
И сближает нежданно борьбы полюса...

1961

МОНОЛОГ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Увы, я не смог вместиться
в границы своей отчизны:
В Англии сердце осталось,
в Париже я был зарыт...
Но полон мой дух изгнанника
жгучею укоризной,
Вулканом незатухающим
горечь в груди горит.

О светские лицемеры,
лжецы и ханжи тупые,
Пороки свои вы прятали,
я ж их, смеясь, воспел,
Прозрел я великую душу
неведомой вам России,
Все страны мечтал объездить,
да мало пожить успел.

Бурлила моя фантазия,
плавясь в огне надежды,
Орлиные крылья ширила,
в небо взлететь стремясь...
Тогда, ополчившись дружно,
о яростные невежды,
Ее вы в тюрьму упрятали
и затоптали в грязь.

В руках не цветы держу я —
горькую горстку пепла,
Не лавры чело венчают —
презрение и хула,
Душа истекает кровью,
в чаду клеветы ослепла —
Так много от светской черни
она натерпелась зла.

Уже давно увяли
мои несравненные пери.
Ужели миражем тешился
некогда острый взор?
Ужели под пресной пылью
пристойного лицемерья

Давно потускнели люди,
забыли меня с тех пор?..

Но слава Оскара Уайльда
лишь расцвела в изгнание,
Недаром с богиней Иронией
я заключил союз:
Не выстрадал до сих пор я
всего моего страдания,
А думаете, я плачу? —
Нет, все равно смеюсь!

Смеюсь! Потому что верю,
что смех — это дар бесценный.
Смеюсь! Потому что знаю,
что создал пример для всех,
Что в битве с мещанской спесью
я не сойду со сцены,
Пока еще тонкой шпагой
трепещет мой горький смех.

1961

СВЯЩЕННАЯ СТЕНА

Я цветы положил
Под исклеванной пулями кладкой
И услышал молчание
Старой кирпичной стены.
Много в жизни видал я,
Но дрогнуло сердце украдкой,
Как от песни бахши,
От сказанья седой старины.

Приезжаешь в Париж,
И вручают вам перечень длинный
Многих мест, что священными
Здесь по привычке зовут:
Нотр-Дам де Пари,
Сен-Мишель,
Храм святой Магдалины,
Галереи, музеи —
Обычный туристский маршрут.

Но на этой стене
Нет ни надписей, ни украшений —
Лишь тцеславыю они,
А не истинной славе нужны.
О, стена Пер-Лашез!
Нет дороже ее и священной —
Здесь бессмертие спит,
Возле этой щербатой стены.

Да, под этой стеной,
Что навеки обрызгана кровью,
Спят бойцы-коммунары,
Укрывшись песком с головой.
Молча,
С братской любовью
Стоим мы у их изголовья:
Страшно вымолвить слово —
Так чуток их сон вековой.

1961

ТЕНИ В КАФЕ

Пили кофе в кафе.
А напротив витрина зеркальная
отражала и нас, и машины,
и скаты причудливых крыш.
И казалось, что в ней, о Париж,
и торжественный и неприкаянный,
возвышаешься ты — и паришь.

Протекала в ней улица,
шла, и живая и каменная.
Только вдруг, как две тени,
вызывая смятенье
в кафе,
темных два господина
ворвались в сиянье зеркальное
голова к голове.

Зашептались за столиками.
Дамы прически поправили.

Тут внимания столько
не привлечь
и красоте нагой!
— Это два журналиста...
— Известные...
— Самые правые...
— Да, действительно...
только вот пишут,
к сожалению,
левой ногой!..

Я их тоже узнал —
эти две самописки ходячие,
ядовитые ручки,
зажатые в рачьей клешне.
Двое спринтеров лжи,
выбирающие, какая удачнее,
чтобы в души впечатывать
сотни фальшивых клише.

Словно гарью
запахло в кафе.
Показались окалиной
скаты красные крыши.
Вместо воздуха — дымная мгла!..
Эти двое входили,
как два патентованных Каина,
что огнем клеветы
убивают из-за угла.

1961

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Среди моих парижских встреч
Нельзя и этой пренебречь.

Его в лицо припомнить трудно:
Он весь каким-то тусклым был.
На улице немногочелюдной
Он сам со мной заговорил.
Но сразу холодок недобрый
Украдкой в душу мне проник.

Меня коснулся жалом кобры
Его раздвоенный язык.
И вправду: мой попутчик тусклый,
Насколько я судить берусь,
По-русски говорил, как русский,
А по-французски — как француз.
Как на двуногую загадку,
Я на него глядел сперва,
Но вскоре стало слушать гадко
Его скрипучие слова.
Он возбуждал то гнев, то жалость,
Но — с отвращеньем пополам.
Его душа мешком казалась,
Куда натискан старый хлам.
Но кем он был на самом деле,
Не знаю я и до сих пор.
Дипломатической дуэлью
Был этот странный разговор.
За мной он попросту шпионил?
Хотел иную жизнь начать?..
Одно я вскоре ясно понял:
Такого поздно убеждать.
Лишь по каким-то гнусным слухам
Он, видно, знал, как мы живем...
Расстались мы довольно сухо:
Остался каждый при своем.

Вот так, глазам своим не веря,
В парижском каменном лесу
Еще не вымершего зверя
Я повстречал —
Лицом к лицу.

1961

НОЧНОЙ ПАРИЖ

Днем отсыпается, а в сумерках выходит, —
Как мышь летучая, ночной Париж живет.
За окнами — огней цветное половодье,
Бурлит, волнуется, ждет, на улицу зовет.

Там, перед храмами законного разврата,
И старички юлят, и трется молодежь.

От модной хищницы, надменной и богатой,
До жалкой нищенки — любую здесь найдешь.

Сверкает Плас Пигаль. Мигает лихорадка
Лучей — оранжевых, зеленых, голубых...
Толпятся женщины, смеются, лишнут гадко,
Хватают за рукав — отбою нет от них!

Вон размалеванная дерзко и вульгарно
Вихляет бедрами, с тебя не сводит глаз,
Худые прелести, как на лотке базарном,
По людной улице проносит напоказ.

А чуть поддашься ей — затащит в подворотню
Да чем-нибудь в придачу наградит...
Ведь это Плас Пигаль — развратница и сводня,
Где все продажное, где стыд давно забыт.

Да, не напрасно я бродил ночным Парижем,
Теперь я буду знать: есть и такой Париж,
Гнилой, угодливый, прилипчивый, бесстыжий,
В чьем приторном чаду и вправду угоришь.

Но разве дело в них — в покрашенных и жалких,
Что у дверей всю ночь торчат на Плас Пигаль?
Цветы пропащие, гниющие на свалках,—
Скажу по совести, что мне их просто жаль.

Хочу сказать о тех, кто в жажде чистогана
Честь, совесть, родину — все в жизни распродал:
Писаки, маклеры, дельцы, политиканы,—
Да, вот продажными кого бы я назвал!

1961

СВЕТ И ТЕНЬ

Тихо звезды мерцают, плывет полумрак
Над прохладной рекою осенней.
Как влюбленный, понявший условленный знак,
Направляюсь я вечером к Сене.

Здесь искусство природы с искусством людей
Предстают в сочетании слитном,
И струится река в переливах огней
За прямым парашютом гранитным.

Я стою и гляжу: то ли явь, то ли сон,
И завидую сердцем ревнивым,
Я стою, в романтический мир унесен
Вдохновенья внезапным порывом.

У поэта — всегда непоседливый нрав,
Вечно мало ему впечатлений,
И, от блеска парижских бульваров устав,
Вновь иду я к задумчивой Сене.

Но брожу ли вдоль улиц, где говор и шум,
Или в парке сижу на скамейке —
Всюду штатского вижу: бесцветный костюм
И глаза полицейской ищейки.

Все равно вдоль реки, в эту синюю тьму,
Как ни в чем не бывало иду я.
Пусть он ищет, к чему бы придраться ему,
Я же занят другим — я рифмую.

Пусть он бродит прилипчивой тенью за мной
И бочком пробирается с краю,—
Значит, вправду я свет отражаю земной,
Если тень за собой оставляю.

1961

В АТЛАНТИКЕ

Картиной Атлантики бурной люблюсь,
Восторженной песнею сердце полно.
Так смотрит, наверно, художник, волнуясь,
На гения солнечное полотно.

Хвала красоте первозданной природы!
В ее мастерской ты — простой ученик.
Ударь по куску самой грубой породы,
И в нем самоцвет засверкает на миг.

А волны, как дикие звери, играют,
Седые заливки сгибая дугой,
Резвятся беспечно, на солнце сверкают,
Гоняются с шумом одна за другой.

И чайки то мечутся с гребня на гребень,
То вслед теплоходу плывут по волнам,
То дружно взлетают и кружатся в небе,
Как будто, смеясь, аплодируют нам...

Седой небосвод потемнел к непогоде,
Тревожно кипят за кормою следы...
Но сила любви, разлитая в природе,
Всегда торжествует над силой вражды.

И ясно увидел я в это мгновенье:
Царит и меж ними такой же закон,
Людские сердца — это прочные звенья,
Что спаяны в цепь бесконечных времен.

1961

ЮРИЮ ГАГАРИНУ

Как предсказывал старый пророк
Из глухой, захолустной Калуги —
Первый в мире,
                    маршрут твой пролег
За седым горизонтом науки.
Первым в мире
                    ты пробил упругий
Вековечных небес потолок.
Это наши
                    и разум и руки
То свершили, что гений предрек!..
Пионер небывалых дорог,
Ты ступил за вселенский порог,
Не страшась небывалой разлуки.
В добрый час!
                    Это только пролог.

1961

БАЛЛАДА О СЕРДЦЕ ЛУМУМБЫ

Я видел его
на трибуне ООН.
И на неммыслимом расстоянье
Слушал его, затаив дыханье,
Грозным видением потрясен.
Да, это он,
глашатай свободы,
Распятого Конго бесстрашный сын,
Сердце отдавший
за счастье народа,
Как сказочный исполин.
Да, это он,
орел величавый,
С вороньей стаей вступивший в бой,
Да, это он,
чья внезапная слава
Спутником шар облетела земной.
Да, это он,
живая легенда,
Убитый,
зарытый,
воскресший вновь!
Над пальмами Черного континента
Зарей разливается его кровь.
Витают над Африкой его призраки,
Горячим дыханьем в лицо бьет
И снова,
до боли знаком и близок,
Здесь,
на трибуне ООН,
встает.
Стоит, обличая врагов
на чистом,
Понятном каждому языке.

Стоит — и сердце свое лучистое
Людам протягивает в руке.
Как вдруг
из простертой вперед ладони
Выпало сердце —
и дрогнул зал.
Казалось: вспыхнув на небосклоне,
Густую тьму метеор пронзал.
Падало сердце,
грозно пылая,
Все на пути превращая в прах.
Взвыли враги,
будто волчья стая,
В глазах заметался страх...
В дверях полисмен,
дрожа от испуга,
К месту прирос, отирая пот...
Крича,
грохоча,
толкая друг друга,
К упавшему сердцу
хлынул народ.
Хлынули люди с чистою совестью,
Скопище вражье
втоптали в грязь...
И, поднято бережными руками,
Над потрясенными материками
Вспыхнуло снова
сердце Лумумбы,
В солнце слепящее превратясь!

1961

СЕРДЦЕ НЕ СПИТ НИКОГДА

Засыпаю,— а сердце
                                стучит и стучит над рукою,
Нет, не спит мое сердце,
                                не знает ни ночи, ни дня,
Не завидует мне
                                даже в час тишины и покоя,
Бескорыстно и радостно
                                трудится ради меня.
Прочь гони, мое сердце,
                                обиды, сомненья, невзгоды
И бодрящую свежесть
                                быстрее по жилам струи.
О, не спи, мое сердце!
                                Трудись еще долгие годы,
Не останусь в долгу
                                за бессонные ночи твои!

1961

НАРГИС И КУКЛА

Ах, Наргис, ну что за озорница!
Уж давно пора уgomониться!
Время спать, а ты еще не спишь,
Все на куклу шепотом ворчишь.
А у куклы желтые косички,
Бровки — как испуганные птички,
Платьице — узорчатый атлас.
Дерзко смотрит бусинками глаз.

Друг на друга дети все похожи:
Чем старей игрушка, тем дороже.
С ней давно привыкла дочка спать,
Не ложится без нее в кровать.
Вот с собою рядом на подушку
Уложила верную подружку,
Но у куклы тоже нрав хитер:
Все не засыпает до сих пор.

Долго дочка с куклою возилась,
Даже наказать ее грозилась,
Было им обеим не до сна,
Только вдруг настала тишина...
Что случилось с ними, в самом деле?
Подойдя на цыпочках к постели,
С любопытством я на них взглянул:
Кто же первый из подруг уснул?

1961

* * *

Весна ли тебя опьянила, скажи?
Любимый стоит у тебя за спиной,
Любовью любимого ты дорожи,
Чтоб летней порой не остаться одной.

Не верь ты обманам цветущей весны,
Весенним туманам, родная, не верь.
Они отоснятся, лукавые сны,
А после вернуть невозможно потерь.

Ведь счастье дается одно на двоих,
Прошу, дорогая, тебя потому:
Ты будь постоянна в решеньях своих,
Люби одного, доверяй одному.

Как дым от цветенья, сомненья развей,
Да будут слова и теплы и нежны.
Ты — роза весны, он — ее соловей,
Для сердца другие певцы не нужны!

1961

* * *

Ты одета легко, а сейчас ведь не лето,
Только-только весна к нам спускается с гор,
Как тюльпан, ты в атлас разноцветный одета,
И дрожишь на ветру, и туманится взор.

Не дрожи, мой цветок, не шурши лепестками,
Дай я руку тебе положу на плечо,
Пусть охватит тебя мое скрытое пламя —
Ведь влюбленному даже в мороз горячо!

1961

* * *

Что мне сказать, дорогая? В свой рай
Поосторожнее путь выбирай.
Словом легко, дорогая, играй,
Знай только край,
Только край...
Умную шутку всегда похваляю,
Но не шути, говоря мне «люблю»:
Так как, доверчив, и сам я не лгу,
То и тебе я поверить смогу...

1961

* * *

Не бросай, дорогая, насмешливый взгляд,—
Запоздал мой букет и мои поздравленья,
День рождения твой был вчера, говорят,
Но не стану тебе приносить извиненья.

Не спеши его праздновать — вот мой совет,
А считай, что еще он не скоро настанет,
Пусть еще не один ароматный букет
На столе у тебя расцветет и увянет.

Подожди, ошибись хоть на несколько дней,—
Каждый миг этой жизни для нас все дороже!
День рожденья настанет — ты на год старей,
А пока не пришел он — ты на год моложе.

Что же лучше, подумай? Ведь жизнь коротка,
Стало годы считать нам не очень приятно.
Так зачем же спешить? Наши дни как река,
Что течет и течет, уходя невозвратно.

1961

* * *

Мой дом теперь мне кажется чужим.
Рассвет приходит — не заснул я вновь
и глаз ни на минуту не смежил
за эту ночь,
зоя тебя, любовь.
А утро затевает новый день,
обычный день...

Опять проснулся дом,
снял крепкий чай бессонной ночи тень,
дела пошли знакомой чередой.
Но все ж недостает мне в этом дне
чего-то важного, как и вчера...
И слово, затаенное во мне,
глухое одиночество чела —
все ожидает окончанья дня,
бессонницы ночной и тишины.
Ты очень много значишь для меня,
моя любовь, мой тихий свет луны.

Не петь мне песен без тебя теперь
и музыки веселой не слышать,
пока ты вновь не постучишься в дверь
и в дом мой не воротишься опять.

1961

КРЫМСКАЯ ТЕТРАДЬ

СКАЛА

Перед морем высится скала
И, встречаясь с золотым рассветом,
Кажется изгнанником-поэтом,
Не склонившим гордого чела.

Перед морем высится скала
Девушкой высокою и стройной,
Слышит ветра шепот беспокойный,
Ждет с волненьем своего орла.

Перед морем высится скала,
И на ней однажды ночью лунной
Повстречался я с русалкой юной,
Что из древних сказок ожила.

Перед морем высится скала,
Словно братство наше — монолитна,
Расшатать оплот ее гранитный
Ярость волн и ветров не смогла.

Перед морем высится скала
Величавым, неприступным стражем,
Преградив дорогу волнам вражьим,
Отражая грудь силы зла.

1959

Я ВЫШЕЛ К МОРЮ...

Я вышел к морю. Нет тебя нигде.
Красиво было море в ярком свете.
Любуясь, я смотрел, как на воде
Играют бликов колдовские сети.

И погружен, как в солнечные сны,
В мечты о счастье, шел я вдоль залива,
Бросался вплавь,— но не догнать волны,
Как не догнать красавицы игривой.

Я знаю: труден, долог путь к любви,
Но к ней стремлюсь я, с трудностями споря,
Так пусть всегда живут в моей крови
Волнение моря и терпенье моря.

1959

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Здесь повесть о любви звучит в журчащих волнах.
Здесь говорят со мной далекие века,
И смотрят на меня два нежных и безмолвных,
Рукою Пушкина положенных цветка.

Внимаю звону струй, и, словно из тумана,
Встают передо мной виденья той поры,
Когда пылала страсть в глазах Гирея-хана
И вздохи слышались печальной Диляры.

Вот старец немощный, чьи золотые руки
Из камня создали прославленный фонтан,—
Седой Умар-уста... На рабство и на муки
Когда-то и его обрек свирепый хан.

Затейливых легенд немало на Востоке,
Но этой повести печальней в мире нет,
И если сорок дней рыдал Гирей жестокий,
То как же мрамору не плакать сотни лет?

..Внимаю шепоту старинного рассказа,
И воскресают вновь далекие века,
И смотрят на меня, как два печальных глаза,
Два пушкинских невянущих цветка.

1959

ВСПОМНИННАЯ ТЕБЯ

Где встал над морем кипарис,
На берегу я пил кумыс,
А с моря веял свежий бриз,
В душе рождая нетерпенье.

В порыве юношеских сил
С волнами взапуски я плыл,
Как с другом, с морем говорил
И чувствовал его волнение.

Под вечер я спустился в сад,
Вдыхая пряный аромат...
А где же ты?.. Взглянув назад,
Я так и замер в изумление:

Казалось, ты ко мне идешь,
Но понял я, что это ложь,
И сердца горестную дрожь
Не мог я побороть в смятение.

Я знал, что путь к тебе далек,
Но с этим свыкнуться не мог,
Писал я письма в сотни строк
В неудержимом вдохновенье.

Ветвь кипариса тронул я,
И с новой силой вспомнил я,
Как ласкова рука твоя...
То было лучшее мгновение!

1959

НА ВЗМОРЬЕ

Мне странные мысли пришли в этот вечер,
Бродил я, грустя, будто что-то искал,
И, словно на место обещанной встречи,
На берег спустился, к подножию скал.
А море бурлит, недовольно судьбой:
Тоскует прибой
О встрече с тобой.

Я морю сказал: «Не волнуйся напрасно,
Позволь отдохнуть, тебе все объясню,—
Влюблен я по-прежнему верно и страстно
И образ возлюбленной в сердце храню...»
И море умолкло за пенной чертой:
Томится мечтой
О встрече с тобой.

Сказал я: «Не знаю, поверишь ли чуду,
Ты хочешь спросить: где же счастье мое?
Но знай: дорогая со мною повсюду,
Мне в сердце взгляни — и увидишь ее!..»
Взглянул изумленно простор голубой —
И замер прибор,
Любуясь тобой.

1961

* * *

Я жду... Все глаза проглядел я давно,
А ты и не ведаешь — вот что досадно!
Ах, звездочка ясная, глянь мне в окно,
Не знаешь, как жить без тебя безотрадно.

Тебе я любви не открою моей —
Пусть в сердце томится, как узник в темнице.
Зато не спасись от насмешек друзей —
Влюбленному взору от них не укрыться.

Но пусть даже камни бросают в меня,
Готов я терпеть, каждый час ожидая:
А вдруг на рассвете весеннего дня,
Как солнце, придешь ты ко мне, дорогая!

1961

ПОМНИШЬ ПРОШЛОЕ ЛЕТО?..

Помнишь прошлое лето, наш отдых в Крыму?
В жизни не было нам веселей и чудесней.
А теперь?.. Хоть и грустно мне здесь одному,
Но тобою наполнены думы и песни.

Море лижет края золотого песка,
Море спрашивает о тебе, дорогая,
И, забыв на мгновенье, что ты далека,
Не тугую волну, а тебя обнимаю.

1961

БЕЗ ТЕБЯ

Прошло без тебя сорок дней и ночей,
Лучистое лето уже на исходе,
И звезды ушли вслед за милой моей —
Все меньше их вижу я на небосводе.

Умчался и ветер — тебя догнать,
Мне душно, не чувствую ни дуновенья,
Я сяду писать — бездыханна тетрадь,
Перо обессилело без вдохновенья.

Извелся... Нет силы бороться с тоской...
Но как хорошо, что живешь ты на свете!
Скорей возвращайся!.. А вместе с тобой
Вернутся и песни, и звезды, и ветер.

1961

КОГДА ЦВЕЛИ КИПАРИСЫ

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Сколько солнца, и свежести, и аромата!
Синь залива, курчавая зелень земли —
Где еще так природа богата?
Как чудесно в прибой окунуться с утра, —
Бьет волна голубая, в лицо так и брызжет,
Отбегает и пестрые камешки лижет,
Всюду блеск, всюду красок слепящих игра!

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Там бродил я, горам забираясь на плечи.
Много было друзей, незаметно текли
Беззаботные дни и веселые встречи.

По дороге зайдешь на бахчу или в сад,
Хандаляки лежат, золотясь на припеке.
Сколько солнца и неба в медвяном их соке —
От любого недуга тебя исцелят!

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Любовался подолгу вечерним заливом:
Блещут сотни огней и вблизи и вдали
И по зыби узором бегут прихотливым.
Зачарован игрою воды и огня,
Я мечтой уносился в открытое море,
И как ласково утром лучистые зори
В мир цветущий опять возвращали меня!

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Вечерами внимал я легендам старинным,
И опять предо мною в горячей пыли
Мчались конники в бой по ковыльным равнинам.
В каждой повести целый дастан заключен,
В каждой повести — мужество, гнев и страданья,
И с волнением слушал я эти преданья
О героях недавних и давних времен.

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
По побережью бродил я, охвачен смятеньем,
Жадно в море глядел, провожал корабли,
И в простор уносило меня вдохновенье.
Разве можно в душе вдохновенье унять,
Если чувства клокочут бурливей прибора?
Днем и ночью стихи не дают мне покоя:
«Торопись, дорогой, вот перо, вот тетрадь!..»

1961

ЯЛТИНСКИЕ ВЕЧЕРА

Густая синь раздроблена, расколота,
И тысячи огней глядят в залив,
Как будто с берега стекает золото,
Ночные волны пламенем покрыв.

Подходит теплоход. Звучат внушительно
Его густые, важные гудки,

И крылья чаек машут нам стремительно,
Как резвые сигнальные флажки.

Под мягким ветерком листва колышется,
А аромат садов, как свежий мед.
Во мгле вечерней флейта сердца слышится,
Но лишь влюбленный песнь ее поймет.

Чего сейчас мне только не мерещится,
Когда люблюсь с берегов крутых:
Не отблески огней в прибое плещутся,
А тысячи косичек золотых.

Ах, стать и мне бы волнами игривыми:
С каким восторгом в голубой ночи
Сверкал бы я тугими переливами,
Лаская эти волосы-лучи.

Ведь сердце не желает знать о старости,
И, сбросив бремя прожитых годов,
Приняться за ребяческие шалости
Я и сейчас бы с радостью готов.

И как мне дышится легко и молодо,
Когда гляжу на ялтинский залив,
Где с берега течет живое золото,
Ночные волны пламенем покрыв.

1961

АЙВАЗОВСКОМУ

О художник, где краски ты эти достал —
У закатного моря или утренних скал?
Или радугу с неба похитить сумел,
Или в тайны природы проникнуть посмел?
Если б морю твое показать полотно,
Ревновать бы, наверное, стало оно:
Так с причудливым блеском его красоты
Состязаясь кистью волшебною ты!
Вот оно взбунтовалось, и бешеный шквал
Над угрюмыми гребнями забушевал.

К небу дыбятся темных валов языки,
И летят беломраморной пены клочки.
И как будто в грозу на морском берегу
Я недвижно стою и понять не могу:
То ли вижу свирепый тайфун наяву,
То ли в море бушующих мыслей плыву.

Вот другая картина: в ночной тишине
Тихо зыблется море в таинственном сне,
И как будто об этом просила волна —
Словно круглый фонарь, выплывает луна.
Ты решил подарить океану покой
И рассыпал узоры по глади морской,
И какое задумчивое волшебство
Из бездонного сердца течет твоего!
Но едва ты захочешь, — уснувшую гладь
Налетающий вихрь пробуждает опять,
И бушует, вздымаются тысячи волн,
И кидают захлебывающийся челн...
Все стихии подвластны тебе, чародей!
И, задумавшись перед картиной твоей,
Не пойму: то ли в раме висит полотно,
То ли в Черное море раскрыто окно!

1961

КИПАРИС

О стройный кипарис, что ты молчишь тоскливо?
В каком раздумье ты томительном застыл?
Игривый бриз летит с лазурного залива,
А ты по-прежнему недвижим и уныл.

Любили в старину восточные поэты
С тобою сравнивать красавиц молодых,
Но, честно говоря, мне непонятно это:
Ты темен и угрюм — и непохож на них.

Мне жаль тебя чуть-чуть... И все-таки с тобою
Мою любимую сравнить я не могу,
И тайну грустную тебе я не открою,
О чем сейчас томлюсь на этом берегу.

Моя любимая — как радостная птица,
Как ветер ласковый, как вольная волна,
И красоты своей, как солнце, не стыдится,
А если грустно мне, то не ее вина.

1961

Я НЕ НАШЕЛ ЕГО...

Памяти В. А. Луговского

О пламенный трибун! Сюда, на берег Ялты,
Всего охотнее когда-то приезжал ты.
Где ж трубный голос твой, бровей крутой излом?..
Ушел от нас поэт — покинул этот дом.
Здесь, в парке ялтинском, под сенью лип
столетних,

Мне друг рассказывал о днях его последних
И молвил под конец: «А знаешь, круглый год
Он в Доме творчества по-прежнему живет».
«Как смеешь ты шутить, — я возразил на то, —
И память оскорблять покойного поэта?»

Но друг задумчиво и строго произнес:
«Напрасно сердиться, я говорю всерьез...»
И вниз меня повел, по каменным откосам,
И тихо молвил, встав перед большим утесом:
«Здесь часто он стоял, в морскую даль глядел,
Здесь сердце он свое похоронить велел».
Вздохнул и продолжал, заметно опечалась:
«Мы в Доме творчества нередко с ним

встречались,

Он не щадил себя: ночами напролет
Любил стихи писать, когда весь дом уснет.
Хоть с юношеских лет гранитной был породы,
Но как, наверное, устал за эти годы!
А смерть как вечный сон... Так пусть под шум

морской

Спокойно спит поэт, — он заслужил покой!..»

И молча я глядел на шрам в стене гранита,
Где сердце пылкое от нас навеки скрыто.
Я не нашел его... Лишь место отыскал,
Где гордый дух уснул в тени прибрежных скал.
Уж не заботится о ритме и рифмовке
И не нуждается в литфондовской путевке,
Ушел от нас поэт — и даже не сказал.
В какой далекий край теперь путевку взял...

1961

* * *

Когда надо мной замерла ты, склоняясь,
Лежал я в жестоких объятьях недуга.
Спасибо, что вовремя ты собралась,
А то и в живых не застала бы друга.

И мудрая ласка твоя, Сурайя,
Любого лекарства мне стала полезней,
Шаги твои слушал доверчиво я,
Ища в них спасенье от хищной болезни.

Едва мое тело охватывал зной —
Ты ветром струилась, ласкающим ветром,
Едва меня пот прошибал ледяной —
Ты солнцем всходила, горячим и щедрым.

Груди не хватало дыхания вдруг —
Ты в легкие воздухом чистым врывалась,
Палящею жаждой томился мой дух —
Ты в сердце струей родниковой вливалась...

Вот так и спасла ты меня, Сурайя,
И черные крылья провеяли мимо...
Но честно признаюсь, что нежность моя
С тех пор окончательно неизлечима.

1962

* * *

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
На лице — счастливое свечение,
Словно ты в подводной глубине
Плавно уплываешь по теченью.

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
Я ж пишу до самого рассвета.
Если б смог я выразить вполне,
Чем душа в такую ночь согрета!

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
Это значит: спит мой главный критик.
Тайных мыслей нет давно во мне —
Все равно ведь от тебя не скрыть их.

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
И над сонной красотой твоею
Я шепчу признанья в тишине,
Только повторить их не посмею.

1962

* * *

Будь ко мне справедлива, мой друг.
Я ни словом, ни сердцем не лгу,
И любви моей замкнутый круг
Разорвать я уже не могу.
Был я робок с тобою и смел,
Разделил и богатство и бедность.
Отдал щедро я все, что имел.
Не вини ты безумца за щедрость.
Не гаси моей веры огни,
Не желай себе участь иную
И за ревность меня не вини:
Я люблю — я ревную.

1962

НОЧНЫЕ СТРОКИ

Крадется сон давно к моим глазам,
Смыкаются усталые ресницы,
Но эхо дня звучит во мне —

и сам

В мозгу он сотней образов теснится.
Вся лента дел проносится, рябит.

Стоит луна, в окно мое уставясь.
И мысли, мысли, точно воробьи,
Спешат по крохам всю склевать усталость.
И сон бежит. Включаю свет.

Встаю.

Настойчиво одна всплывает дума.
И я иду к рабочему столу,
Как бы ища лекарства от недуга.
Пора, перо!

Лечи меня, лечи

В бессоннице моей непоправимой,
Лети вперед, перо мое, лети,
Как дождь косой над жаждущей равниной.
А ты, о белый лист,

мой лучший врач,

Ты все узнаешь, что со мной творится!
Тебе вовек я не смогу соврать,
Перед тобой не смею притвориться.
Да будет белизна твоя строга,
Чтоб помнил я,

ко лжи не приспособясь:

Убийственна фальшивая строка —
Как то пятно, что разъедает совесть!..
Перо летит... А рядом бродит сон,
Плывет сквозь тучи лунная пирога,
И образ дня, беззвучен, невесом,
Стоит всю ночь у моего порога.
И что-то словно шепчет мне:

«Не ты,
                  не ты один ночных свершений автор.
Твои ночные строки — близнецы
Несчетных дел, которым имя — Завтра.
Смотри, Восток ночной союз расторг:
Встает заря...

                  А где-нибудь на пашне
Вот в эту ночь проклюнулся росток,
Посаженный на целине вчерашней.
Все стих вобрал, не зная сам о том:
И то, что этой ночью,

                  может статья,
В последний раз уложен был бетон
В плотины величайших гидроэлектростанций;
И то, как, наклонясь прощально над
Кроваткою с беспомощным созданием,
Готовится к полету космонавт
С еще неизвестным земле заданием;
И тень, что промелькнула мимо нас:
Шел юноша походкой легкой мимо,
Шел юноша, впервые объясняясь,
Поверив,

                  что и он владеет миром!..
Все это — ночь, не ведавшая сна:
Громады дел, и чувств, и мыслей ворох...»

Прохладой утра веет из окна.
Стих — как металл,
                  что застывает в формах.

1962

* * *

Лишь в том виновен, что тебя люблю.
И этих улиц тихое безумье,
и этих крон качанье во хмелю —
моей вины огромность обрисуют.

Лишь в том виновен, что тебя люблю.
Свидетель мне — ночное мирозданье,
и чернь воды под лунными мостами,
вину усугубившие мою.

Пускай под мост бросается река,
мелея от невысказанной страсти,
пускай расталкивает берега,
недолгое вымалывая счастье —

лишь в том виновен, что тебя люблю,
что заповедно синими ночами
опять причаливаю, как в начале,
все в тот же порт, подобно кораблю.

Мне никуда не деться от любви.
О, истины и страсти нарастанье,
когда меняются с тобой местами
пустые тени, что у стен легли!..

Пока твой лик из лунной мглы леплю —
в чем казнь моя?

В твоём беспечном смехе?..

Моей вины не исчерпать до смерти.
Лишь в том виновен, что тебя люблю.

1962

ПРАЗДНИК ХЛОПКА

Это цифры говорят,
это радуют нас цифры!
Это выстроились в ряд
полновесно, зримо цифры.
Вот и пролетело лето —
принимай, страна, дары.
Миллионы тонн —
ведь это
тяжелей иной горы!
Эта тяжесть все растет.
Караван вперед идет...
Что встает вдали над ним —
или пыль,
или дым?
Или это флаг алеет?
Или солнце багровеет?
Или облако плывет?
Караван вперед идет...

По полям идет степенный
караван тот драгоценный.
Это жемчуг или пот
трудовых блестит забот?

Это чей там слышен смех,
полон сладостных утех?
Это звезды ли родные?
Девушки ли озорные?
Каждая цветком цветет...

Счастье каждая найдет...
Караван вперед идет...

Растопило солнце льды,
И с потоками воды
радость душу затопила,
радость сердце окрылила,
разлилась по сторонам
и слышна повсюду нам:
и в заветах,
и в приметах,
и в советах,
и в приветах...

Как же весело вокруг!
Шире круг!
Шире круг!
Для танцовщиц огневых,
для танцоров вихревых,
и для скакунов рысистых,
и для песен голосистых!
Нам без песни
                            как без рук,
хлопкоробу песня — друг...

В кишлаке — богатый той.
Место всем на свадьбе той.
И летят повсюду вести,
что невеста рада доле
с женихом счастливым вместе,
а жених, как пламя, в поле!
Торопись,
                            спеши,
                                    беги,
поздравляй от всей души!
Пусть подарки принимают.
Пусть друг друга понимают.
Пусть все ладится у них.
Пусть выходит в круг жених!
Молодой семьи опора,
пусть он победит танцора!
Пусть о нем все люди снова
скажут ласковое слово:

что не любит парень лень,
что не прячется он в тень,
что наполнен делом день,
тюбетейка набекрень...
Новый день к труду зовет.
Караван вперед идет...

Парень тоже далеко,
и дозваться нелегко.
Не догнать карабаира
ради свадебного пира.
Парня ждет еще работа.
О земле его забота.
Парень о земле болеет,
землю нежит и лелеет.
Клятву дал, а потому
надо зябь поднять ему.
Клятву, данную стране,
надо выполнить вдвойне.
В этом кроется отчасти
человеческое счастье...
Пусть невеста вся сияет.
Пусть на свадьбу зазывает
к нам гостей со всех сторон
радостный дарвозабон!
К дастархану путь ведет.
Караван вперед идет...

По полям идет степенный
караван тот драгоценный.
Горожане рады встретить,
рады ласково приветить
необъятный караван.
И взлетает на хирман
сокол, спутав со скалою,
и кружит над белизною,
и кружит над караваном,
над рассветом,
над туманом...
Слышишь, это целый мир
наш туйчи зовет на пир!
С праздником его поздравим
и с подарками поздравим.
Щедрый дар Узбекистана —

караван, что неустанно
всем народом собирали,
в путь далекий отправляли.
Это труд за целый год.
Хлопкороб, как сокол, горд.
И успех его, как крылья,
над странюю изобилья,
и из солнечной страны
горизонты все видны...
Родина подарок ждет.
Караван вперед идет...

1962

* * *

Два дерева в степи широкой выросли,
Красуются над зыбью луговой:
Высокий тополь с липою раскидистой,
Одетые весеннею листвою.

Стоят они, едва касаясь кронами,
Стыдливо, как невеста и жених,
И кажутся счастливыми влюбленными,
Посмотришь — залюбуешься на них.

Как будто под шатрами их ветвистыми
Два сердца пылкой юностью горят,
И, как губами, трепетными листьями
Они друг с другом тихо говорят.

Когда же ветер пронесется по полю —
Весенней страсти радостный порыв,
Сплетаются ветвями липа с тополем,
В объятии восторженном застыв.

Чем их любовь нежней, самозабвеннее,
Тем пыл ее становится сильнее, —
Смотри, как тополь в пылком нетерпении
Склоняется к возлюбленной своей.

А липа тихо на ветру колеблется,
По-девичьи потупив робкий взор,
И стелет к их ногам весна-волшебница
Свой разноцветный свадебный ковер.

1962

* * *

Грибы начинаются после дождя...
Так на земле бывает.
Трава открывает запекшийся рот,
и яростный, сладостный дождь
ее к мокрой земле прибивает.
И сила грибная

дорогу себе пробивает...

Так на земле бывает.
Так — а не наоборот.

Но кто-то хочет, чтоб было иначе:
дожди начинались бы
после грибов!..

Грибы вырастают
с громадными шляпками, полными пепла,
и синее небо
становится страшным, как пекло,
и черным дождем отвечает,
пролившимся еле!..

И каждая капля —
страшнее, чем кубок Сальери,
и десять моцартов может убить...

Дожди начинаются после грибов,
а после этих дождей —
грибов не будет.

Ни белых, ни черных.

И станет земля
общегитием обреченных,
кладбищем многоэтажных гробов.

Разве так на земле бывает?

Кто-то

в зародыше жизнь убивает!..

Но он победит, человеческий род.
Какие бы кляпы ему ни вбивали в рот,
он выплюнет их,
он будет кричать все снова и снова!
Это за ним — последнее слово,
а не за вами, убийцы.
Прячьте проклятые лица!
Вы т а к хотели?
Будет — наоборот.

1962

* * *

Мне твердят: «Ее сердце — как лед,
Ну а ты — молчалив неуместно».
Я же — медлю...

Напиток прольет,
кто хватает бокал неумело.

Да и что с нами будет потом,
коль в себе ты
любви не носила?

Что нам пользы, коль нежный бутон
мы до срока
раскроем насильно?

1963

* * *

Порою мучаюсь, не в силах чувств унять.
Тогда счастливых птиц подслушиваю пенье,
Тогда стыдливых роз разглядываю рденье
И силюсь золото со дна души поднять.

Тогда, любимая, меня не обвиняй,
Не говори, что быть я перестал поэтом,
Нет, лучше помогай заботой и советом,
Изменит песня мне — но ты не изменяй.

Я сам на песнь мою порой кладу запрет,
Едва почувствую, что голос мой не звонок:
Кого обрадует уродливый ребенок?
Пусть не рождается и вовсе он на свет...

Но знай, любимая: пусть мучит много дней
Меня лукавая богиня вдохновенья,
Зато за каждый стих в минуты просветленья,
Как солнцу щедрому, я благодарен ей!

1963

* * *

— О, скажи: ты любишь?.. Да или нет?..
Скажешь «нет» — и отсохнет твой злой язык,
Скажешь «да» — и сгорит твое сердце вмиг,
Выбирай что хочешь — но дай ответ!..

— Всей душою готов я тебе служить,
Мой язык не ведает лжи и зла,
И пускай от любви я сгорю дотла —
Кто не может любить, не достоин жить!..

1963

* * *

У юноши солнце пылает в груди,
Хоть он эту страсть и скрывает усердно.
А если не веришь — сама приходи,
Не будь, луноликая, жестокосердна!
И пусть задушевные речи твои
Недугу его принесут исцеленье, —
Не смейся над тем, кто молчит от любви,
Ведь в сердце его —
                    соловьиное пенье...

1963

* * *

Я слушаю таинственное пенье
И день и ночь, во сне и наяву.
Поэзия, единственная перь,
Предчувствую тебя я — и зову.
Смолкаешь ты — куда тогда мне деться,
Незримым опаленному огнем?..
И вот я снова вспоминаю детство,
И комнатку с малюсеньким окном.
И мальчика у этого оконца,
Который, воздух утренний вобрав,
Упрямо ловит медленное солнце
В нацеленный зияющий квадрат.
Но солнцу в доме места было мало,
Оно сияло в голубом меху,
И говорил я горько:

— Мама, мама,
Никак его поймать я не могу! —
Смеялась мать, а солнце уходило,
И я не знал, едва свой путь начав,
Что,
как на черной пленке негатива,
Его я в черных сохраню зрачках...

1963

СЫНУ

Все друзья меня радовать рады:
повторяют мне с первого дня,
что лицом,
и повадкой,

и взглядом —
всем, как есть — ты похож на меня.
Что же, в этом не вижу я чуда:
все, что в трудной обрел я борьбе —
радость мысли,
наполненность чувства —
без остатка я отдал тебе.

Так питается деревце соком,
что земля ему копит в тиши.
Так ты вскормлен душой моей —
соткан
из обличий отцовской души!..
Ты постигнешь когда-нибудь это.
И поймешь ты: я тешусь не тем,
что с тобой мы — как голос и эхо,
что с тобой мы — как тело и тень.
Мальчик мой, ты мое повторенье,
только я до тебя не дорос,
продолженье мое,

проторенье
мною самим не открытых дорог.
Вот я все начинаю сначала.
Это я у подножий стою.
Все, что чаял найти и не чаял —
предо мной в бесконечном строю.
Снова сердце упруго, как мячик,
и по пройденным скачет
годам...

Выбирай, все отдам тебе, мальчик,
лишь моих неудач
не отдам...

1963

ИНДИЙСКИЕ НАПЕВЫ

ИНДИЙСКОМУ МАЛЬЧИКУ

Смуглое чудо индийской земли,
мальчик,
                  росточек на жаждущей ниве!
Пусть еще годы недолги твои —
тысячелетья влекутся за ними.

Древний в дороге устал караван,
пламенем пышет очаг небосвода.
Но посветлели и небо и воды:
это очнувшийся гений свободы
очи народа
пооткрывал!

С неба ли пламя, со всех ли семи —
взоры слепит синевою и диском?
Крепни, расти,
                  о росточек индийский!
Щедрое Завтра тебя осени...

1964

МОСТ

К. Чугунову

Когда над рекой, что бурлит и клокочет,
Направиться по мосту путник захочет,
Пусть с благодарностью вспомнит о том,
Чьи руки трудились над этим мостом.
Ведь если б не мост, что поделать он смог бы?
Быть может, на лодке поток пересек бы
Иль бросился вплавь и клокочущий круг
Прорвал бы упрямыми взмахами рук.
Быть может, отчаясь душою бесстрашной,
С волнами не справясь в борьбе рукопашной,
Пропал бы пловец, переплыть бы не смог,—
Когда бы не мост через бурный поток.

Стоят берега, словно верные братья,
А мост — их сердечное рукопожатье.
Так в Индии дальней, в потоке людском,
Для нас переводчик был крепким мостом.

1964

ЛЮБОВЬ СИЛЬНА

Когда красавицу Шираз своим кумиром изберу,
За родинку ее отдам и Самарканд и Бухару.

Хафиз

Загрустил я, как только приехал в Бомбей.
Что с мной? Захворал? Чем-нибудь недоволен?
Нет, иною болезнью сегодня я болен:
Трудно сердцу в разлуке с хозяйкой своей.

О моя Сурайя! Сколько рек и хребтов
Без тебя пересек я в далеком скитанье,
Видел мрамор гробниц, видел пышные зданья,
Видел пестрые толпы больших городов.

Был огромен мой путь... Но слились навсегда,
Как два горных ручья, наши чистые судьбы.
Мне сейчас не на древние храмы взглянуть бы —
В глубину твоих глаз, где мерцает звезда.

Яркий день за окном... Шелест пальм, голоса...
Там заманчиво, шумно, пестро, многолюдно...
Но сегодня со мной будет городу трудно:
Без тебя не милы мне его чудеса.

Никогда еще не был я так одинок,
Как в красивом, бурливом, крикливом Бомбее...
Сердце молит о встрече с хозяйкой своею, —
Нам сейчас повидаться бы хоть на часок!

Да, за то, чтоб сейчас быть с тобою вдвоем,
Весь Бомбей я бы отдал — весь красочный город,
А в придачу и все Гималайские горы!..
Лишь в разлуке мы силу любви узнаем.

1964

* * *

Что делать?.. От общей судьбы не уйти...
Ушла красота — твоя гордость былая.
Не мучься, вернуть ее тщетно желая,
Она, как и страсть, угасает в пути.

Ушла красота... Но осталась мечта,
И сила, и верность — все то, что сначала
В себе не ценила ты, не замечала:
Души нестареющая красота!

1964

* * *

Ах, только юности не изменяй —
Первой любви обещаю святому,
Розе весенней на зависть сияй,
Смейся на зависть ручью озорному.

Самое меньшее — дважды живи:
Юность вторая, как солнце второе,
Взор твой наполнит лучами любви,
Радостью — сердце твое молодое.

Дважды живи, ни о чем не скорбя,
Дважды умру — за тебя и себя!

1964

* * *

Под вечер девушки ушли собирать тюльпаны,
А следом юноши — красавиц догонять...
Остался лишь один с подругою желанной —
Решился в первый раз ее поцеловать.

Смутилась девушка — тюльпаном запылала,
А с нею запылал земли далекий край...
О солнце, не спеши гасить свой светоч алый,
Дорогу к радости влюбленным озаряй!

1964

* * *

Вставай, сегодня, дочка, день рожденья.
Исполнилось тебе шестнадцать лет.
Не спрашивает время позволения,
Неся нам увяданье иль расцвет.

В такое утро долго спать не стоит,
Спускайся в сад, под сень ветвей густых,
Беги на луг, где солнце золотое
Всем дарит платья из лучей своих.

Вставай, твои тропинки на рассвете
Устелит мир ковром листвы и трав,
Из-за горы подует теплый ветер,
Слегка твои косички растрепав.

В начале дня живет остаток ночи,
Уже рассвет, но, выгнувшись дугой,
Луна за горы спрятаться не хочет,
Как будто хочет стать твоей серьгой.

Во сне ты улыбаешься, родная,
Тревожные тебе не снятся сны,
А я тревожусь, потому что знаю,
Что и тебе тревоги суждены.

Я знаю, в жизни к сильным или слабым,
Ко всем печаль приходит на порог.
Дороги не бывает без ухабов,
Как жизни не бывает без тревог.

Но я тебе желаю в день рожденья
Как можно меньше боли и невзгод.
Пусть счастье, не вместившись в сновиденье,
Тебя своей волною захлестнет.

От зависти пусть сохнет злоба злая,
Застлать не в силах пред тобою свет.
В твой день рожденья я тебе желаю
Все, что желали мне в шестнадцать лет.

1964

ТВОРЕЦ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Трудный век — девятнадцатый век...
Сквозь него,

из грядущего призван,
Над толпой убеждений и вер
Коммунизма проносится призрак.
Под напором растущей волны
Содрогается мир капитала,
И дрожат они, страха полны,
Обветшалых судов капитаны.
Но в восстаньях и ропоте масс
Им слышны не бесправье, не голод:
Им повсюду мерещится Маркс,
Агитатора грозного голос!
Это он замышляет сломать
Вековых порядков махину.
Это он сочиняет слова,
Что, как заступ,

ей роют могилу!
Трудный век — девятнадцатый век.
Рабство древнее дышит на ладан...
Где-то умер большой человек.
В долгом трауре пасмурный Лондон.
Бунтаря величайшего нет,
Что такое внушал беспокойство,
И печальный хозяин — Хайгет
Приютил бородатого гостя.
Но все глубже тюремщиков страх,
Все сильнее обездоленных натиск.
И звучит над десятками стран:
«Пролетарии,

соединяйтесь!»
Заглушают басы канонад
Небывалого пенья раскаты.

«Запевают «Интернационал»
Миллионы бойцов баррикадных.
И становится знаменем масс,
Что казалось мечтою сначала,
Потому что писал это Маркс,
А история продиктовала!

...Нынче в Лондоне я побывал,
Там, где Сити раскинуло сети.
Так же зданий любезен оскал.
Так же хмуро на сером рассвете.
Но ходил я как будто в огне,
То и дело мой шаг замедлялся.
Мне казалось — в каком-то окне
Я увижу сидящего Маркса.
Погрузился он в чтение весь.
Взгляд рассеянно вдумчив — и точен.
Вот он вновь перечел манифест,
Вот поставил последнюю точку.
Что ни фраза — как мощный таран!
Что ни слово —

как золото, веско!

...Нет, в новейших редакторах
Не нуждается стиль «Манифеста».
Толкований не терпит он двух,
Недоступен для умысла злого.
Единенья великого дух
Проникает в нем каждое слово.
Мы верны тому духу. Сплеча
Мы не рубим.

Мы смотрим далече.

Мы с тобою, отец Ильича,
Нашей эры бессмертный предтеча!
Мы грядущего строим дворец,
Подвиг твой — этой стройки начало.
Мы твой путь продолжаем,

творец

Мирового Интернационала!

1964

* * *

Хочешь — добуду луну с высоты,
Хочешь — в букет соберу, как цветы,
Звезды на синем небесном лугу?
Все, дорогая, сумею, смогу!
Плеч моих только с любовью коснись —
Вырастут крылья, помчат меня ввысь!

Пусть посмеешься ты вновь надо мной —
А фантазер ведь и вправду чудной.
Скажешь:
«В мальчишество впал ты, поэт!» —
Лишь улыбнусь я на это в ответ.

Сердцу послушен я в певчей судьбе,
Певчее сердце стремится к тебе.
Рядом со мной или там вдалеке —
Все мое счастье ты держишь в руке.
Доли другой на земле не хочу!
«К солнцу!» — ты скажешь,
Я к солнцу взлечу, —
Лишь бы с победой в сиянии дня
Первая ты поздравляла меня!

1965

* * *

Был юноша влюблен,
Был с каждым днем печальнее,
Но боль своей души от девушки скрывал,
И, лишь прощаясь с ней перед дорогой дальнею,
Ее он в первый раз тайком поцеловал.

Взглянула на него — и вспыхнула красавица,
Он чувств нахлынувших
Впервые скрыть не смог...
Так озеро в горах весною разливается
И превращается в клокочущий поток.

1965

* * *

О звезды, не светите в этот час,
Мне светят и без вас лучи любимых глаз!
В зрачки таинственные жадно не глядите —
Душа от ревности пылает всякий раз.
О звезды, не светите в этот час!

1965

ДОЧЕРИ, КОТОРОЙ СЕМНАДЦАТЬ

Девочка, тебе уже семнадцать.
Я едва заметил их, прости:
Стали годы у меня сменяться,
Словно полустанки на пути.
Девочка, какой волшебной властью
Мне опять перенестись туда,
Где, как ненадеванное счастье,
Примеряешь ты свои года?..
Ветерок к тебе стучится в окна,
Солнце шьет одежду из лучей,
И луны недреманное око
Стережет бессонный мир ночей.
Первый плод, ударившийся оземь,
Явственно алеет на тропе,
И кидает золотая осень
Все богатства под ноги тебе...
И пока, подушку смяв щекою,
Утром спишь, виденья торопя,
Полумесяц нежною серьгою
Остается в небе для тебя!
И над утренним, беспечным миром,
День еще не вызолотив твой,
Неизведанная встреча с милым
Ждет тебя — как солнце за листвою...
Девочка, но жизнь не только в этом,
Путь не только розами увит.
Ты молчишь — тебе еще неведом
Шрам незабываемых обид.
И какой бы редкою судьбою
Мир тебя отметить ни хотел —
В этой жизни не избежать боли
От невосполняемых потерь.

Девочка, пока тебе семнадцать,
Чувствами учишь повелевать,
Над бедою мелочной смеяться,
Трудности всерьез одолевать.
Девочка, учишь, пока не поздно...
Смолоду морозы учат сад.
Так смелее в жизнь иди
и звезды
Одевай, как бусы, Корсач!

1965

НОВОЕ

Новогодье звоном начинается,
Я внимаю звону не дыша.
Через край вином переливается
И моя счастливая душа.

Мне сейчас никак не сладить с нею.
В празднично украшенном дому
Я от аромата роз пьянею,
И вино мне нынче ни к чему.

Даже семь цветов высокой радуги
Новый смысл сегодня обрели,
Потому что нету выше радости
Обновленья ласковой земли.

Потому, что нынче всюду весело,
И везде, куда ты ни взгляни,
Небо звезды яркие развесило,
Кишлаки зажгли свои огни.

Потому, что все сегодня новое —
И молитвы древних стариков,
И Ташкент, чье мужество основой
Вижу я для мужества веков.

Новы наши свадебные тои,
Новы наши мысли и дела,
Нашей дружбы крепкие устои,—
Все, чем наша родина светла.

На восходе солнце новой рани,
Значит, мне за новый труд пора,
И от нового рассвета грани
Новые на острие пера.

1966

* * *

О любимая, смехом дари,
Смейся ты от зари до зари,
Улыбаясь, со мной говори,
Пусть рекой разливается смех,—
Значит, много у сердца утех...

Красоте твоей смех этот нужен,
Потому и прошу я, любя:
Пусть с тобой будет вечно он дружен,
Никогда не покинет тебя.

Ты, как солнце высокое, смейся!
Как луна в лучшей сказке, смейся!
Как звезда лучистая, смейся!
Ты, как день самый светлый, смейся!

1966

СЛОВО

«Ташкентская правда»,
В утренний этот час
Прошу трибуны.
Слова прошу у вас.
Прошу, редактор,
Колонку хотя б одну,
Чтоб с урожаем
Поздравить свою страну.

Рано проснулся,
Яркий чапан надел.
Ждет меня нынче
Много хороших дел.
Радость поет в груди,
Рвется наружу.
Я воздержанье —
Давний обет свой — нарушу.
Знаю, простится
Эта моя вина,
Что обойтись не смогу
Я без глотка вина.

Сам удивляюсь:
К чему мне нынче вино?
Разве оно, как счастье,
Душе дано?
Разве оно —
Волнение,
Желанье,
Свет?
Разве оно —
Вешнего сада привет?
Разве оно —
Пенье свирели в саду?

Губы любимой
В сладком густом меду?
Гляжу на небо —
Пышен восход и ал,
То поднимает небо
Солнца бокал.
Я поднимаю чашу,
Ибо от века
Небо примером было
Для человека.

Нынче,
Покуда хватит дыхания,
Я говорю
О счастье дехканина.
Надели люди
Одежды нарядные,
На висках —
Коробочки хлопка парные.

Вот проходит
С невестой жених,
И любятся все на них.
Это им
Все подвластно отныне.
Это они
Покорили пустыню.
Это они недра земли открыли,
Это они всюду первыми были,—
По проводам
Отправили ток,
К новой жизни
Воззвали Восток.

Дайте слово,
Прошу я снова
И снова!
Уж пролиться
Песня моя готова.
Мир и счастье
Вашим домам богатым!
Только парные
В рощах
Рвите гранаты!
Пусть приносят овцы
Ягнят по паре!

Кишлаки гордиться
Достатком вправе!

Ждите,
Ждите, люди,
Хороших вестей!
Ждите,
Ждите в дом
Веселых гостей!
Выше чаши с вином золотым.
Выше!
Новый праздник
В дорогу вышел!
Дайте слово
И полную дайте чашу
За победу,
За волю,
За долю нашу!

1966

НА БЕРЕГУ

С тобой мы у моря стояли вдвоем
на камне прибрежном.
Светало в просторе,
  во взоре твоём,
спокойном и нежном.
И дальние мысы нам были видны —
но самую малость.
Я только что плывал. Упорство воды
во мне отдавалось.
И были прохладны, и были теплы
и волны, и ветер.
Стоял я на камне — и все еще плыл
в стеклянном рассвете.
И видели волны,
  в нечетком строю
у ног приземляясь:
спешу ли еще или рядом стою —
к тебе устремляюсь.
И вал набежавший над галькой воздвиг
лихие седины.
В тебе мой минувший и нынешний миг
слились воедино.

1966

СМОТРИ НА ЗВЕЗДУ

Смотри на звезду, дорогая, грусти в тишине,—
Блестит она в небе, подобная доброму чуду,
Я тоже глядеть на нее в одиночестве буду,
Не спит мое сердце — томится в тоске и огне.

Смотри на звезду: далека, но зовет и горит,
И, словно у друга, дрожат ее губы, ресницы...
А с близким бывает, что другом твоим притворится,
Но сердце его холоднее, чем мертвый гранит.

1967

БАЛЛАДА О МОЕМ СТАРОМ ДРУГЕ

Перед рассветом
В темени жидкой
Старый приятель
Стукнул калиткой,
Товарищ детства,
Один из тех,
Кто был мне когда-то
Дороже всех...
Что с ним такое?
Помятый,
Понурий,
Стоит у калитки
И смотрит хмуро,
А был ведь лощеным,
Гордым таким,
Когда я на днях
Повстречался с ним.
Быть может,
Бессонница измотала,
Крыса-тоска
Ему сердце глодала,
Мучил всю ночь
Неотвязный кошмар?..
Что с ним случилось?
Какой удар?

А как мы в юности
С ним дружили!
Вместе радовались
И тужили,
Забот — по горло,
Тревоги жгли,
А мы друг без друга
Дышать не могли.

И вот он стоит,
Потупясь, у входа,
И вспомнилась юность,
Пылкие годы,
И словно в душу
Вошел кинжал —
Упрек
До боли
Мне сердце сжал.
Где жаркие споры,
Мечты,
Тревоги?..
Давным-давно
Расплелись дороги,
Ведь каждый
Свой путь
Выбирает сам.
К разным стремились
Мы полюсам.
Он — к шуму и блеску,
Я — в тишину,
Он — к высям надменным,
А я — в глубину,
В недра сердец,
К тайникам людским...
Все реже,
Случайней
Встречались мы с ним.
К вершинам он рвался,
Как дерзкий сокол,
На наших глазах
Воспарил высоко,
В своем честолюбье
Не знал преград.
Но странно:
Я был за него не рад.
Я жил,
Напрягал
Всю страсть и разум,
В людском океане
Я стал водолазом.
В глубины стремясь,
К сокровенному дну,
Добыл я жемчужину

Не одну...
Вот так,
Незаметно,
Ширясь с годами,
Холодная пропасть
Росла между нами,
Чужим и далеким
Дружок мой стал,—
Я вглубь стремился,
А он взлетал.

И вот в полутьме,
Полусонной,
Жидкой,
Нежданно он скрипнул
Нашей калиткой,
Во двор мой вошел.
Тишина кругом,
Спали домашние
Мирным сном.
Лишь капли росы
На кустах дрожали —
Последняя влага
Ночной печали.
Вот так же сквозь слезы
Горьких минут
Томятся глаза —
Утешения ждут...

Молчит мой друг,
Вздыхнул сокрушенно,
Я тоже молчу
Да гляжу удивленно:
Просить ли о чем,
Получить ли совет
Ко мне он пришел
Через столько лет?
Отравлен тщеславьем
И нетерпеньем,
По судьбам шагал он,
Как по ступеням,
И, тлевший в душе
Полумертвым огнем,
Нежданный стыд

Разгорелся в нем?
А может, взлетев,
Напрягая крылья,
Внезапно почувал он
Ужас бессилья
И понял впервые,
Что собственных сил
Не рассчитал
И не оценил?..

Молчанье меж нами
Крыло простерло...
Спросить я хотел —
Пересохло горло,
В глаза поглядел,
А глаза красны,
Уж не от слез ли
Воспалены?..

1967

* * *

Не хочу с тобой встречаться никогда!
Понапрасну мое сердце не тревожь!
Нет в речах твоих ни чести, ни стыда,
Надоела мне твоей улыбки ложь!
Надоели уверенья, разговоры!
Мне с большой своей дороги не сойти!
Испытанье — не всегда овраги, горы...
Что ж ты выбрала окольные пути?
Не могу речей я сладких слышать снова,
Не скажу тебе я, все-таки любя, —
Предпочел бы даже горькое я слово,
Лишь бы правду в нем услышать от тебя!
Нам с тобою правда — лучшее лекарство,
Будь со мною откровенна ты хоть раз.
Пусть отступят прочь и хитрость и лукавство,
И да здравствует правдивость без прикрас!

1967 .

ПОЭЗИЯ

Что же делать?
Я пленник поэзии —
радостный пленник.
Точно частою строчкой
пристрочило к ней душу мою.
Мой язык неискусен
в плетении
сложных полемик,
неуклюже оружие
в пешем словесном бою.

Но когда подо мной
этих строчек
крылатые кони —
свет врывается в очи
и даль размыкает уста.
Точно ловчая стая,
пластаются строфы в погоне —
может, вправду
добыча
мерещится им
неспроста.

Да,
я данник стиха.
Безотказный
сокольничий слова.
О Поэзия...
мне
не уйти от тебя ни на миг.
Но везде и во всем
я ищу тебя

снова и снова —
животворный источник
меж скалами истин немых.

То в себе
я ее ощущаю,
как силу взрывную,
то, как русло — реку,
и несу и вмещаю ее,
то с собою равняю,
то горько,
мгновенно ревную,
когда строчкам чужим
отдает она сердце мое.

Но опять тишину
расстиляет она
надо мною,
и ресницами звезд
моих мыслей коснется в ночи,
и предвестьем строки
под серебряной
вспыхнет луною,
и прикажет опять —
устремиться,
искать
и найти...

И летят мои кони!..
Вы, отчие степи...
Ты, чистый
небосвод наших лет!
Разве пели бы стрелы мои,
не храни в себе память
всего,
что зовется Отчизной,
не таи в себе сердце
вращенной эпохой
любви?!

И усталость уходит,
и горечь.
Да славится бодрость
каждодневных трудов!

И находок
негаданный дар!..

Нет,
свой радостный плен
за свободы любой
беззаботность,
за иную судьбу —
никогда,
ни за что не отдам!

1967

ДУЭЛЬ

Поры осенней двойственна краса.
Кружит листва в ковровой карусели.
И вновь и вновь встречаются глаза
все с той же грустью,
как строка в газели.

Земля медовой щедростью полна,
но осени неугомонный возраст
опутывает щедрые поля,
как паутинки
поседельный волос.

Пиши, перо спешащее,
пиши,

пиши пока,

до объявления срока!..

Дуэль времен — как столкновение рока
с расцветшим миром
пушкинской души.

1967

ЕСЛИ...

Если,
с совестью не в ладах,
льстец
подольстится к тебе
умело;
если
лести
ты волю дашь —
и она вознесет тебя
свыше меры,
хвалу,
как на лифте,
стремя неизменно
все вверх да вверх,
с этажа на этаж —
опомнись,
встряхнись,
разгляди лицемера,
нацелив, как пику,
лихой карандаш!

Корпит клевета,
прикрываясь тряпьем —
но лезть,
не спеша,
без шипенья и крика,
к тебе подползает
почти открыто,
мутно-прозрачная,
как скорпион.
Другие, мол, жалят,
а я-то проста,
приятную правду
и молвить приятно,

другие, мол,
истину прячут,
а я-то...

И слушаешь ты,
не предчувствуя яда —
ядом налившегося хвоста!
И впрямь это с виду
мягко, как воск...
Как воск, в котором
прячется жало!
Как жаль,
что природа
в нас яд удержала,
когда наш пращур
утратил хвост!..
Вроде
такому
нет места уже —
как вдруг
засвербит внутри,
оперясь,
злобы отросток
в нашей душе,
своекорыстья
лихой аппендикс.
Где же ты,
совесть,
суровый хирург,
умеющий
управляться круто?
Не для твоих ли это рук —
зло удалять
из людского круга?
Одна ты
умеешь в душу влезть,
власти собственной
не пороча.
Одна ты...

Если только лезть
и тебе
не застлала очи.

1967

СОН

Мой сон

растолкуй ты мне, мама!
Приснилось: я где-то в пути,
и будто бы времени мало,
а надо до цели дойти.
И воля моя не слаба — и
осилит любую беду,
но всюду опущен шлагбаум,
куда только

я ни пойду!

Везде перекрыты дороги —
в машине спешу

или пешком.

И путь, что всего мне дороже,
уже засыпает песком.
И жизнь — отказавшей машиной
заглохла;

среди немоты

я вижу: умершие — живы,
а эти, живые —

мертвы!

И знаю: нельзя на попятный.
Как быть в этой странной возне?..

И все до того непонятно,
как может быть только во сне.

И стены растут постепенно —
и знаю:

в исходе лбом

я должен пробить эти стены, —
не громом, не ломом —

так лбом!..

Я бью — но упругостью ватной
преграда отвечает мне,
и все до того непонятно,

как может быть

только во сне.

Я чувствую: надо коснуться
чего-то,
что скрыто во всем.
Я чувствую: надо проснуться!
Но все продолжается сон...

Прервался кошмар мой обманный,
лишь утра заслышав привет.
Найди ж толкование, мама,
тряхнувши
копилкой примет!
Грехи ли мне душу затмили,
иль, некоей ложью влеком,
заброшен за многие мили,
я мучился в мире
другом?..
Весь день
меня жуть донимала,
езде
проступала,
во всем...
Найди ж толкование, мама,
скорее развей
этот сон!..

1967

ГРАНИ

Выходит утро из-за круч,
и первый, ранний,
на острие играет луч,
на резкой грани.
Как будто он за краткий миг,
упавши сверху,
нашел живущий в них самих
источник света.
Как будто издавна,
бела,

скрывая имя,
неистовая глубина
жила под ними...

А кто-то, с ними не в ладу —
опасны, дескать! —
все тщился сгладить остроту
и резкость...
И если бы хватило сил
исполнить это —
он наперед бы погасил
сиянье света!..
Выходит утро из-за круч.
Чем круче грани,
тем в них быстрее вспыхнет луч
рассветный, ранний...

1967

* * *

Я скажу своей жизни спасибо,
я восславлю ее наперед,
если ноши в дорогу —
по силам —
полной мерой она наберет,
и в пути не застонет устало,
не растратит до времени пыл,
верблюжонком,
отставшим от стада,
в неосевшую кутаясь пыль...

Пусть бы в чем-то порою грешила —
ей простится иная вина,
лишь бы главное дело вершила
и себе оставалась верна;
лишь не впала бы в жалкую зависть,
в чем-то маленьком не преуспев,
не унизилась,
тайно позарясь
на чужое добро и успех.
Лишь бы,
славе заслуженной рада,
сторонилась удачи такой:
за чужие заслуги награда,
за чужою спиною покой...

И за то, что не дулась спесиво,
не терялась, без толку мечась,
я скажу своей жизни спасибо,
как настанет
прощанья час.

1967

УТРО ПОД НАМАНГАНОМ

Трава от росы намокала.
Подобием девичьих глаз
глядел из листвы Намангана
пронзительно черный чарас.
А может, под нежною грудой
таился в зеленой тени
сладчайший, как женские губы,
алеющий шивилгани...

Я вышел в поля на рассвете.
Округа, казалось, спала.
Райхон в небывалом расцвете
поил ароматом поля.
Так было просторно и чисто,
так было светло впереди,
что думал я:
вот и Отчизна,
Отчизна твоя во плоти!
Под ясной небесною сенью,
не знающей встреч и разлук,
возьми обними эту землю
всей силой сыновнею
рук!..

А свет еще ширился немо.
Блаженным пожаром горя,
в полжизни,
в полмира,
в полнеба
текла и вставала заря.
И в свете, плывущем оттуда,
вся высвобождаясь от сна,
рождалась, как пенное чудо,
хлопковых полей белизна.

И, словно бы в облачном небе,
не чувствуя всей высоты,
шагал я в таяющем снеге,
легко раздвигая кусты...
Я чуял: иной, чем доньше,
во мне нарождается стих,
а белые звезды дневные
скользят между пальцев моих,
и в памяти неодолимо
теперь я тебя сберегу —
тебя,
золотая долина
в торжественном нежном снегу!

А свод над долиною росной
был светел уже и высок,
и хлопком, как белую розой,
седой я украсил висок,
и понял, что все это — к счастью:
и утро, и хлопка звезда.
И счастье:
быть малою частью
народа, земли и труда!

1967

СКАЖИ

Разделяешь ты пропастью разве
то, что в слове —

и то, что в душе?

Что же взор твой так пусто бесстрастен,
как окно на чужом этаже?

Что же вид твой так холодно ровен,
словно прятать под ним ты привык
не биенье бунтующей крови,
а сплетенье

дорог непрямых?

1967

ШУТ

Довольно, шут, кончай игру!
Нас не смешит
смешенье красок.
Ты топчешь даром старый круг —
и пестр, и груб,
и жалок разом.
Былые зрители растут,
избиты старые мишени.
Пустых орехов перестук
уже не льстит воображенью.
Бывало иначе?..

Ну что ж,
Так было, было в нашем детстве:
твоей повозки
жадно ждешь,
в твои обноски
рад одеться.
Сбегалась шумно махалля —
ты детворе казался богом!
Как будто старая земля
к нам обращалась повым боком...

Судьбы вертелось колесо,
на месте души не стояли.
Менялись мы. Менялось все —
дома,
привычки,
расстоянья.
А ты все тот же, бедный шут!
Как будто век короче суток,
ты вновь на наш выносишь суд
набор
все тех же тощих шуток!

Вот трюки те, что ты ломал,
а мы кругом
от смеха мокли!..

Ну, до чего ты нынче мал —
как в перевернутом бинокле.
Довольно, шут!
Пока места
пустеют в зале постепенно,
с тобою —
хуже, чем пуста,
вот эта старая арена.

1967

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

В лесу — полутемно, нетрудно заблудиться,
Деревья застыт свет, пытаюсь обмануть...
Но лишь бы белую березу-чаровницу
Хоть мельком увидеть — и заприметишь путь.

Пусть, на нее косясь, сердито пень бормочет,
Зато на белый ствол любитесь сосна...
Ведь если у одних душа чернее ночи,
То, к счастью, у других — открыта и честна.

Береза белая, люблю твой облик стройный,
Даруешь ты душе тепло, надежду, свет,
Лишь боги, говорят, премудры и спокойны,
А я совсем не бог — влюбленный и поэт.

Бываю резким я, упрямым поневоле,
Ведь всем не угодишь, — характер мой таков!
Направо — темный лес, налево — степь, раздолье,
И жизнь моя течет меж этих берегов.

Да, жизнь моя — поток: о берег бьюсь я смело,
С любой преградою вступаю в дерзкий спор, —
И как мои глаза еще остались целы,
Как целой голова осталась до сих пор!..

Береза белая, люблю тебя не даром:
Ты светишься в лесу — указываешь путь,
А если пошатнусь, подкошенный ударом,
Ты, белоствольная, моей опорой будь!

1967

НОЧНЫЕ ОГНИ ТАШКЕНТА

Опять мой город полнится огнями.
Глянь с высоты — и кажется:
они
его сквозь ночь
в грядущее угнали,
и мчат его,
и мчат его огни.
Зарею века
вырван он из теми...
И, отразив недавнюю напасть,
от горького соблазна запустенья
руками дружбы
он спасен опять.
Мы в рублища страдальцев не рядились —
мы строили,
под солнцем и дождем!
Вот город наш, в котором мы родились:
теперь он
нами
заново рожден.
В ночную даль, что тает и трепещет,
любимая,
как в книгу, загляни:
в той черноте, в ее просторах вещей,
все новые рождаются огни.
По мелочам себя не разбазарив,
вся эта мощь, как некая звезда,
сливается в славнейшее из зарев —
сияние
над городом труда.
Летит и тает ночь,
летит и тает.

Наводит утро дальние мосты.
И фонари, как лебеди, взлетают
над золотыми слитками листвы.
И улиц ширь
                                охвачена огнями.
Прикрой глаза — и кажется:
  они
нас вместе с ней
                                в грядущее угнали,
и все вперед
уносят нас огни...

1967

* * *

Пусть критик, точно лев, когтит газель,
Пирует над поверженной строкою
И, растерзав, порочит смысл и цель,
В боренье чувств

открытые тобою.

О, чудо из чудес — строка жива!..
И, может быть, не так уж странно это:
Он рвал на части смертного поэта,
Но не задел

бессмертные слова.

1968

* * *

Аскаду Мухтару

Сады укрыли молодость листвою,
Стоит молчанье лунными ночами,
Как будто прячет давний облик твой
И бесшабашный хмель первоначальный.

Еще любовь тоскует по тебе,
Еще молва упорствует, судача;
Плеснет арык, захлебываясь в плаче
О некоей несбывшейся судьбе.

И, кажется, ты все уже постиг
К исходу этой тишины всенощной,
Ты понял все,
и, ежели вернешься —
Любовь и молодость тебя простит.

Но утром вновь кубышка дел полна,
И день восходит
строгим властелином,
И чем бы почь сады ни застелила —
Белым-белы
Осенние поля.

1968

БАБУШКА

За позабытыми дверьми
В забытое переодеться...
О бабушка,

                                скорей верни
Мое потерянное детство!
Его в сознании одна
Хранишь нетронутым

                                не ты ли —
В давно припрятанной бутылки
Пожар забытого вина?..
Сыщи его на самом дне —
И, как когда-то, по заказу,
Перескажи мне снова сказку
О позабытом обо мне...

Я помню,
                                как даль оглядывала,
Когда меня спать звала,
Как нежно меня укладывала
И сколько слов извела.
Я помню белые бусинки
Дешевого ожерелья...
Бабушка, бабушенька,
Руки —

                                не ожпрели!
Иссушенные заботами
Дома,
                                кухни,

                                двора —
Работали, работали:
Все утра,
Дни,
Вечера...
Чуть вспомню —

п запах дивный

Твоих несравненных яств
Из кухни темной и дымной
Мгновенно меня обдаст.
И лик твой,
                                сухой и суженный,
Так явно предстанет взорам.
Травы аромат
                                насушенной
Степным опашнет простором!..
Читаешь роман —
                                и тащится,
Как выпотрошенный, сюжет.
А ты
                        была рассказчица,
Каких и на свете нет!
Седины твои растрепанные —
И
                        слаще шербета речи...
Какими летел я тропами,
Стоило только лечь мне!
Какие свершались подвиги,
Какие глотались шири,
Как враг ухищрялся, подленький,
Покуда не порешили!..
Ведь был же, стократ проверенный,
Закон той жизни знаком —
И все ж ты,
                                ей-богу,
                                .   верила
В доброй сказки закон.
Зло искрошая в крошево,
Как меч, опуская слово,
Ты знала силу хорошего,
Извечную слабость злого.
Белели белые бусинки,
Чернели, как швы, морщины,
И ты казалась,
                                бабусенька,
Сильней любого мужчины!..

О, если б мог я еще раз
Войти
                                в твоих дней предел!
Иль ты хоть в малую щелочку

Увидела

нынешний день...

Ты б забыла былую сдержанность,
Чувств восторженных не тая:
Ведь отчетливой явью сделалась
Самолучшая сказка твоя!..
Не нужны ни дрова, ни спички —
Знай полеживай на супе:
В белой кухне

готовит пищу

Чудо-печь

Сама по себе!

И от холода самого-то

Дом

без дров тебя охранил,
И быстрее ковра-самолета
Ввысь уносит

сказочный ИЛ!

И без грамоты, без науки

Все и жить не хотят,

спеша!

И свободны от груза руки,

И без горя —

легка душа...

Но глуха твоя даль немая,

Ты упрятана под траву.

И зову я тебя — и знаю,

Что напрасно тебя зову.

Что же снишься ты мне ночами,

Дней и песен моих начало —

И мерещишься наяву?..

Пусть же дней не смолкает музыка,

Щедро сыплет судьба события —

Бабушка,

бабусенька,

Век тебя не забыть мне!..

1968

ПЬЮ ДО ДНА — И КЛЯНУСЬ

Этот поздний, волнующий час —
Это время равенья
На величие лет,
на мечту,
на сияние глаз,
На любовь, окружившую нас,
На людей и на время.
Этот вечер — итог и исток.
Отодвинут засов,
Дверь открыта,
Глядевшая так нелюдимо...
Сердце мчится, как птица,
Но замерли стрелки часов,
Словно стрелки весов —
Вот сольются они воедино!
Словно двое влюбленных,
И жаждут и медлят они —
В нетерпенье, в боязни.
Это встретиться медлят
Вчерашний и завтрашний дни,
Эта встреча — прощанью сродни...
Ярче свечи, сильнее огни:
Нет минуты прекрасней!
Новогодние трубы,
ударьте сверкающий марш!
Начинается год!
Начинается время сначала!
Новый год — пусть идет:
Нетерпением радиомачт
Ждут его города, кишлаки
И суда у причала!
Дастархан наготове,
Друзья собрались,

Звон бокалов рождается в руках поминутно,
Чтоб при первом же слове
Торжественно ринуться ввысь...
А минуты сменяются нудно!

Но откуда же ты, нетерпенье мое?
И куда я спешу —
Ведь и так мои коротки сроки,
И уносятся месяцы гроздьями в небытие,
И пестрят мои дни,
Как листва на осеннем потоке!..
И грубеют морщины,
Густеет висков седина,
Словно иней ложится —
И разве бывает иначе?
Точно галька со дна,
Все ясней подоплека видна
Неизбежным решеньем задачи.
Если, свет и беда,
И нескитанных лет череда
Отпускаются нам по заранее
Сверенной смете —
В чем же правда тогда?
Разве мы, подгоняя года,
Не торопимся сами к сгоранью
И смерти?..
Нет, я с тем не смирюсь!
И пускай это глупо и пусть
На устах моих времени вкус
горьковатый —

К черту грусть,
Я ведь вовсе не смерти боюсь:
Я за жизнью страшусь
Не поспеть, обгоняющей даты...
Чу! Удар...
Наконец!
Это полночь гудит.
Это стрелки сошлись на мгновенье,—
Им опять расставаться, черту перейти,
Новый круг, новый труд,
Новый день впереди,
Небывалых мостов наведение.
А покуда — миллионы встают заодно
За громадным застольем,

И звезда оголтело мигает в окно,
И стреляет и льется вино,
И сиянием небо полно
Над бескрайним простором.
И двенадцать морей
Ударяют в свои берега,
Вторят недра полей аккуратно,
Далека и близка,
Льется медная эта река:
Громыхают куранты!..
Слушай голос Кремля,
О земля!
Этот миг, этот час —
Кто к нему непричастен?
Сдвинем чаши, высокому чувству участь!
Бил двенадцатый час!
С новым счастьем...

Ну-ка, снова налей, тамада,
Многозвонный бокал.
В этот вечер ясней и ясней
Нашей веры основа.
Пью до дна, как всегда,
И клянусь — не богам, не богам! —
Вам, друзья, мое слово.
Пусть вращается шар
И безудержно годы спешат
Под пучиною звездной стоокой —
Я клянусь не отстать,
Соразмерить свой шаг
С неумемной эпохой.
Где б меня ни застал
И каков бы мой ни был итог,
Подводимый последней истомой,—
Я, другие ничьи не топча,
Отыщу мой цветок
В самой глубине садовой.
Пью до дна!
Чтобы дней мне не ведать пустых.
Пью за то, что когда-то
Будет день, будет стих —
И пойму я, что цели достиг:
Не уйду без возврата.
Эй, налей, тамада!

И на миг попроси тишины.
Мы прислушаться рады.
Бьется в окна звезда,
А сердца до предела полны
И гремят, как куранты...

Этот миг, этот час —
Он уходит во мглу —
Но как свет! И, лучась,
Озаряет былое.
Кто примолк там в углу?
Мы грустить не позволим сейчас!
Этот миг, этот час
Да сияет над мглою!
Это светлой эпохи приказ,
Что красна без прикрас.
Это время равенья
На величье лет,
на мечту,
на сияние глаз,
На любовь, окружившую нас,
На людей и на время.

1968

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег замелькал,
Застучал в окно,
Первый снег,
О котором скучал давно,
О котором почти забыл,—
Белый-белый снег...
Каждая ветка
                                отяжелела,
  чуть наклонилась...
Это невеста-зима явилась —
Желанная,
                                долгожданная,
Красавица в шелковом белом платке,
С белым букетом в руке,
В белоснежном платье.
О мать-природа,
                                шире раскрой объятия,
Рассыпь серебро
                                на земную грудь,
Щедрую будь!
А вот и мороз-жених
                                на коне летит,
У подножья гор ослепительно снег блестит,
И за горами
                                чудится мне гроза,
Молнии ослепляют глаза...
Там солнце и вьюга переплелись:
То потемнеет,
                                то снова сверкает высь —
Это игры свадебные начались...
Разгулялись ветры,
                                гудят, будто в бубен бьют,
Будто песни свадебные поют!..
Первый снег,
Долгожданный снег —

Блестит, ворожит он,
с сердцем моим играет,
Как будто — весна,
на ветвях — белизна,
урюк расцветает...

Вблизи и вдали — повсюду снега легли,
Горбы за горбами,
И чудится с первого взгляда:
Белых овец и коз
отдыхает большое стадо.

Это в мой край
явилась опять
Та, о которой давно скучал,
О которой стал забывать, —
Зима явилась!
Она по морям шагала,
Шла через горы —
от перевала до перевала,
С материка на другой материк
На белых крыльях перелетала,
И вот наступил этот миг,
Словно все началось сначала:
Повсюду — снег,
На земле и на небе — снег,
И кажется, мир застыл и уснул навек...
Вон во дворе у соседки
Чинара, склоняясь, задремала —
Не может подняться,
выпростать ветки
Из-под пушистого покрывала.
Есть игра у нас —
называется «снежным письмом»:

В день первого снега
Приятель зайдет в твой дом,
Посидит, поболтает,
рассказом тебя позабавит,
А уходя,
незаметно
записку с приказом оставит,
Например, такую:
«Будь завтра готов —
К тебе с друзьями приду на плов».
Если записку найдешь
лишь после его ухода,

Завтра же в доме твоём
Будет полно народа,
И если плов

и вправду не будет готов,
Хозяину стыд и позор —
Уж таков уговор!
В день первого снега
Может и юноша в дом
К любимой своей

прийти со «снежным письмом»,
Тихонько подбросит записку,
А в ней — шуточный приказ...
Но что за приказы

влюбленные шлют друг другу —
Это уже не касается нас!..
Дверь распахну я настежь —
Выйду на улицу быстро,
Как неожиданный выстрел.
Думы мои рассыпались,

словно косы моей любимой...
Дом, где я дни и ночи сидел,
Где время струилось неощутимо,
Теперь позади остался,
Исчез, не оставив следа,
Как будто его и не было никогда!
Нет для любви преград!
Послушный ее приказу,
Не опозорился я перед нею

еще ни разу!
Да, я — влюбленный,

я — из страны любви,
Звезду призываю мою:

— Явись ко мне! Позови!..—
Где же моя звезда,

чьи лучи негасимо блещут?
Спрашивать буду сердца,

чьи струны так же трепещут!
День первого снега настал.

И вот со «снежным письмом»
К любимой в дом

хочу прийти тайком.
Этот старинный обычай

дорог мне до сих пор:
В этой игре шуточной —

Молодости задор!

И впрямь я,

как в юности,

начинаю сходить с ума:

Погляжу — зима,

Погляжу через миг — цветник,

Снова мир солнцелик,

а в сердце — волны желаний...

Что поделаешь,

если мечты разыгрались,

Будто весною ранней?

И в «снежном письме» моем —

не холод снегов,

А радостный зов,

тепло задушевных слов!

Если б это письмо

сумел я вручить любимой,

Если бы в эту игру

сегодня сыграть могли мы —

Под пение вихрей снежных,

Бушующих на дворе!..

И в этой зимней игре,

Лукавой игре

Не выиграть —

проиграть я готов заранее,

Тебе проиграть хочу,—

удивительное желание!

1968

Я НЕ ГРУСТЕН

Нет, я не грустен в этот долгий вечер.
Иду один, и, надо мной скользя,
Горят в годах,
                                  как звезды в сонме Млечном,
Мои незабытые друзья.
Иду один — сквозь лета, зимы, весны,
Сквозь темень, тишь и листьев суету...
И дальних душ сияющие звезды,
Как факелы, пронзают темноту.
И этот мир, мне отданный навеки,
Ко мне в ночи повернутый лицом,
В нежданный свет сгущает вдохновеень
И шлет в года пронзительным лучом...
Не говори, что страсть моя потухла,
Не говори: любовь моя не та...
Высоких строк седая повитуха —
Вот эта даль,
                                  и тишь,
                                  и темнота!
И в тишине, и в звездном свете вечном,
Среди чинар, шагающих гурьбой,
Я не один —
                                  я в этот долгий вечер
С друзьями,
                                  с миром,
                                  с юностью,
                                  с тобой!

1968

СМЕШНО И ГОРЬКО МНЕ

(Сонет)

Люблю поэзию всей пылкою душой,
Дня не могу прожить без тайного волнения:
Не отвернулась бы богиня вдохновения
И откликнулись бы сердца на голос мой!

Сперва считал стихи забавою простой,
Теперь огнем пишу свои стихотворенья, —
Ведь нет поэзии без страсти, без горенья,
И страстно мучаюсь над каждою строкой.

А где пылает страсть, найдется и убийца!
Порой над строчками моими друг глумится, —
Уж лучше умный враг, чем сто друзей таких!

Поэзия! Я весь — в твоей певучей власти.
Смешно и горько мне, когда мой пылкий стих
Осмеивает друг, не знавший этой страсти.

1968

СЕРДЦЕ И РАЗУМ

Всей
сокровенной нашей сути
не различивши
до конца,
вотще
гадатели и судьи
заглядывали
нам в сердца.
Вотще делили мир
на атомы —
и вновь судили
вкось и вкривь.
Вотще взрезали грудь
анатомы,
последней тайны
не раскрыв.
Бесплодно
взблескивали скальпели,
напрасно
щурился рентгѐн,
и кровью сердца
мир закапали,
не покоренного никем.
Как ни искали путь
по-разному,
как ни вникали —
нет, никак
не поддавалось сердце
разуму
ни в опытах,
ни в дневниках.
И —
что за долю
рок ни выделил,

какой там боли
ни лечить —
кто сердце собственное
видел
и мог от прочих
отличить?..
Такого не было
ни с кем-таки!
И, всем надеждам
вопреки,
ворчали
и глумились скептики —
презрительные старики.

А нож хирурга,
добравшись до сердца,
дрожал
и, как колокол,
глухо гудел.
Сносилось сердце —
больной переселится
в мир иной...
Всего и дел.
Сердце раз навсегда —
одно.
С сердцем беда —
всему на дно!..
Не только от лишнего градуса —
бывает,
рвется от радости,
а уж от боли —
тем более.
Что ж это значит —
человек
весь мир иначе
который век,
змею вынуждает
плясать в руках,
звездные дали
берет напрокат,
к чужим мирам
посылает ракеты,
а власти
над собственным сердцем —

нету!
Какне-то там уколы,
если нехорошо...
Хоть от позора
на голову
печной одевай горшок!..

И сколько в тебе
упустили еще
того,
что влекло и томило,
о сердце людское,
вместилище
всей боли
и радости мира!
Сколько поэты ни черпали,
сколько врачи
ни лечили,
сколько всего
ни начертано —
мало
тебя изучили!..

Но вот —
замечательный год.
Эй, древний хулитель
Авиценны,
пусть ты давно
ушел со сцены,
глянь-ка:
наука — не вера! —
чудо свершила:
воскрес человек!
И это станет обыкновенным
делом,
не ждущим
высоких словес...

И пусть
пока
лишь один-единственный
живет
с этим новым сердцем
в груди —

мы видим,
как врачеванье действительно,
мы верим,
что чудо еще — впереди.
Слава вам,
человечьи чаянья!
Дней уходящих
больше не жаль.
Жизнь предстоящая —
необычайней,
чем даже в детстве я
воображал.
И это не удача разовая,
за которую рок
готов покарать.
Сердце впрямь
покорилось разуму,
чтобы
любовью
его покорять.
Но,
доктор Бернارد,
пересаживая заживо
мотор человеческий
от старца или юнца —
помните одно:
спасайте,
пересаживайте
только честные
и чистые сердца!

1968

В ГОСТЯХ

Максиму Танку

Поэзия была лишь поводом, друг мой.
Эгей! Я на коне, я уж в пути.
Немало и дорог легло передо мной,
От удивления и слов мне не найти.

Во все концы раскинулись просторы,
Холмы тянулись, лес вставал,
Его сменяли пашни и угоры,
Озера, реки я одолевал.
О Белоруссия, священные края,
Большая богатырская страна,
Цель странствия, которой верен я,
Геройскою ты славою полна!
К тебе я гостем прибыл, но себя
Хозяином в твоих я чувствую объятях,
Пью воду родников, иду в поля,
И все, кого встречаю я, — мне братья.
А каждый камень твой на берегах Двины —
Свидетель мук и вражеских насилий,
Закат пылающий похож на кровь войны,
Которую сыны твои пролили.

О Белоруссия! Прекрасный край,
Природы дочь, какой не знал я краше,
Я пьян вином любви к тебе!

Мне дай

К твоим губам припасть, к заветной чаше.
Вот я нашел тебя,

попав в плен красоты,

Власть твоего изведаль обаянья,
Любовь, поэзию и лучшие мечты —
Все отдаю тебе, прими мои признанья!

Дарить тебе стихи мне разреши —
Ведь я причастен к племени поэтов;
А десять дней — тетрадь моей души,
Где каждый лист — восторг моих приветов.
Ты светлый день в моей судьбе,
Ты из своих садов цветы мне подарила.
И я вспоминаю о тебе,
Как сердце, сохраню, в котором жизни сила.

1968

* * *

Я не считал своих счастливых дней --
И вот часы считаю здесь,
В разлуке!
И замерло,
Застыло сердце в муке,
И с родины донесшиеся звуки,
Чуть слышные,
Любых громов слышней...

1969

* * *

Парк опустится в море сумерек;
в мире сонного ветерка
кто-то глянет в город насуспенный —
и рубильник включит рука.

Сотни лампочек в хмурых аллеях
вспыхнут тысячами свечей.
Будет плавиться вечер,
белея
в этом мареве белых лучей.

Глянут улицы не мигая:
ах, как площади хороши!..

Поспеши ко мне, дорогая,
так я жду тебя —
поспеши!

О.любовь моя безобманная,
без тебя мне и света нет,
и душа, как лампочка малая,
ждет,
когда ты включишь в ней свет.

1969

ИМЯ ДОЧЕРИ

Детство — царство!
Черной короной
Улеглась надо лбом коса.
Смотрят ясно и удивленно
Распахнувшиеся глаза.

А в глазах — глубоко, бездонно!
Неподсказанные, ничьи,
Потаенные бродят думы,
Как подземные роднички.

Нету власти моей над ними!
Для меня ты еще — мала.
Я еще выбираю имя:
Корасач или Камола? ¹

Словно имя — сосуд готовый:
С ходу выберешь — и не тот!
И который из них, который
Примет солнечный мой цветок?..

А в движеньях, улыбках, жестах,
Как предметы из темноты,
Незнакомого совершенства
Проступают уже черты.

То осознанней, то наивней,
То подыскивая слова,
Как старинное платье, имя
Примеряешь себе сама...

---

¹ Буквальное значение этих имен: Корасач — чернокосяя, Камола — совершенство.

Но навряд ли и впрямь случится
Подсмотреть этот странный миг:
Мой кусочек, моя частица
Отделяется, входит в мир...

Пусть уносятся дни, как ветер,
Но с какого пойму я дня,
Что давно уже ты на свете
Существуешь и без меня?

И тогда, уязвлен годами,
Занавесивши зеркала,
Притворюсь я и загадаю:
Корсач или Камола?..

1969

ЖИЗНЬ ВЕЧНА

Видим время
                    в нежданной вечности:
это память
                    уводит вспять...
Четверть века —
                    как четверть вечности!
Необъятные двадцать пять...
С объектива пылинку сдунувши,
глянем в годы,
                    как в дол с высот:
это целая жизнь ли юноши,
чьей-то зрелой поры кусок?..
Все равно: суровы — и бойки,
это — лета одной эпохи,
величайшей среди эпох!
В календарные
                    глянь
                            пометы:
легендарная
                    длань
                            победы
сводит заново
свой итог.
Вспомнясь каждому
не однажды,
что подскажут
потомкам нашим
наши верность и маета?..
А пока что —
полнее чаши:
полни чаще их,
                    тамада!
И давайте сядем пошире,
чтобы в этот вместились круг

те,
кто с нами в пути спешили,
на всесветном сгорев ветру.
Те, с кем мы делили походы, —
работящие Дон-Кихоты,
бессребреники, борцы,
что под кровом любой погоды
вдаль смотрели,

вперед за годы,
но, пылая в огне работы,
не имели к чинам охоты,
невзыскательны и горды...
Впрочем, были иные души:
луж не глубже,
вспокоенней клуши,
жиже студня при громе гроз —
каменевшие вдруг, как лужи,
что неожиданно сковал мороз...
И еще таких мы знавали,
что меж злом и добром сновали,
как работающий челнок,
и отделялись словами,
будто вправду в одно сливали
то, что бело
и — что черно...
Мы их в этом кругу —

не вспомним.

Чаши полним —
за первых, тех!
И клянемся звенящим полднем:
неисполненное — исполним,
чтобы стала жизнь наша
полным

подтверждением
их правоте...

Сотрясаются стены люто —
глядь,
и стол отшагнет на пядь!
Это радостный гром салюта:
десять...

двадцать...

двадцать пять...

И гремит обновленный город,
точно все обретает голос —

и веселой травы побег,
камни улиц,
деревья,
стены

просят слова,
пространства сцены,
продолженья своих побед!
Все растет в этот день весенний,
да и мы ведь растем со всеми,
вопреки увереньям лет,
и становимся все могучей:
чуть еще — и заденем тучи,
как Фархад
или Геркулес!
И вот-вот опрокинем вехи
и — уже в двадцать первом веке
у грядущих стучим ворот!
Что ни думать и как ни делать,
но с тех пор эта цифра «девять» —
наша гордость: минуты те ведь —
неизменный ее исток.
Этот день, полыхнувши алым,
накатился девятым валом
и, как вихрь с девяти вершин,
вздыбил тень девяти чинарам —
словно заново начинал он
и по-новому жизнь решил.
И, я помню, хотелось очень,
чтоб,
покуда тот день не стих,
ровно девятью девять строчек
уместил мой победный стих...

Даль годов
и пространства родины
озаряются светом тем:
все, что прожито,
все, что пройдено,

продолжало
победный день!
Тьмой ли
завтрашний день окутан?
Кто-то лжет ли,
бранясь, темня?

Но горит,
вознесен на купол,
яркий факел майского дня!
Календарную
дань
поэта
может ветер развеять злой.
Легендарная
длань
победы
въявь простерта над всей землей!
Ибо это — не призрак: это
вековая победа света
над грозящей извечно мглой...

1970

НАСРЕДДИН И ТИМУР

Тимур спросил однажды Афанди,
в халате сидя после жаркой бани:
— Чего я стою?.. Ну-ка!

Погляди —
и цену назови без колебанья!

Сказал — а сам с усмешкою следил,
как вывернется хитрый Насреддин.
Но Афанди не выказал смущенья.
Он поглядел, прищурился:

— Ага!

По правде-то... без преувеличенья...
я б выложил не больше ста таньга!
— Ну, ты! — сказал эмир. — Ума палата!
Да это же всего

цена халата!

— А я о чем с тобою речь веду?
Его я только

и имел в виду!

— Наглец! Мошенник!.. Но, хвала аллаху,
за меньший грех

я отправлял на плаху!

Немедля объясни мне свой ответ,
не то, клянусь, придется Насреддину
и впрямь

на плахе стать на середину...

Был Насреддин — ан, глядь,

уже и нет!

— За что? Пускай другие льстят...

а я-то

тут за собой не чувствую вины —
то и сказал, что всякому понятно:
тебе, о величайший,

нет цены!

— Ну, вот, ну вот... совсем другое дело.

Такое бы меня и не задело.
А все ж, представь... ты вышел на базар —
в базарный день... или в обычный даже...
и вот меня приводят на продажу.
Ну? Признавайся — сколько б ты сказал?

— Да я тебе о чем же и толкую!
Ты — знаешь сам — для подданных не мед.
Кто ж цену даст?

Пойми: напасть такую
никто себе и даром не возьмет!

1971

БАЛЛАДА О ТРЕХ ГЕРОЯХ

Словно кувшин драгоценный
разбился...

Словно на землю,
Как сыч,
опустился

Мрак.
Три прекрасных
погасли звезды,
И никуда не уйти
от беды!

Словно
орган полнозвучный
расстроен...

Было их трое!
Было их трое!
Словно на клавишах
Белых и черных
Переплелись
в этих судьбах
тревожных

Смерть вместе с жизнью,
А счастье с несчастьем,
И изменить
ничего
я не властен!

Где три звезды?
Уж три дня
И три ночи
Сердце тоска беспощадная
точит...

В трауре люди,
Приспущены флаги,
Точками слезы мои
на бумаге...

Точка...
 И хватит!
 Возьмем себя в руки!
 Хватит!
 Забудем про горе разлуки!
 Их беспредельное мужество
 Вспомним,
 Гордостью
 воспоминая наполним!
 В памяти светлые
 их имена:
 Георгий Добровольский,
 Владислав Волков,
 Виктор Пацаев —
 Будут храниться
 во все времена!
 Вспомним мы,
 как экипаж корабля
 В путь провожала
 родная земля.
 Двадцать четыре,
 Двадцать четыре
 Дней и ночей
 словно не было в мире
 Темы иной для бесед
 и для споров,
 Кроме героев
 вселенских просторов.
 В космос все дальше
 Они удалялись,
 Силой земною
 Их нервы питались.
 Очень неясно,
 как будто в тумане,
 Видели мы их на телеэкране,
 И через множество
 Разных помех
 К нам долетали
 Слова их и смех.
 Вспомним
 Высокий восторг
 тех моментов.
 Шли поздравленья
 Со всех континентов.

Мы и вздохнуть-то
Не успевали —
Землю герои
Вокруг облетали.
Сверху
    все страны,
                    точно игрушки,
И на Земле,
Как на мягкой подушке,
Белые пуговики
Двух полюсов
Плотно пришиты
С обоих концов.
А на Земле той —
Базы военные,
А на Земле той —
Ракеты прицельные,
А на Земле —
Империалисты,
А на Земле —
Дороги тернисты,
А на Земле той —
Ветра беспокойны,
А на Земле —
Продолжаются войны.
«Быть
    или не быть...» —
Лозунг
    для многих стран.
«Быть
    или не быть...» —
Лозунг
    для всех партизан!
А коммунисты
Недаром от века
БЫли ответственны
За человека.
А коммунист —
                    на переднем крае.
Легких дорог
    он не выбирает!
И коммунистами
                    были все трое:
Георгий Добровольский,

Владислав Волков,
Виктор Пацаев,—
Соколы наши,
наши герои!

В космосе
Делали важное дело,
Делали то,
Что отчизна велела.
Помню я Кремль
И писательский съезд.
Люди из многих
Приехали мест.
Не удержал
Удивленного возгласа —
Вдруг голоса
Прозвучали из космоса!
Помню —

приветствия не было выше,
Те голоса
и поныне

я слышу,
Слышу —
Дыхание жизни в борьбе,
Слышу
Сердец их бесстрашных
биенье...

Кто мог утрату
Представить себе
В то потрясающее
мгновенье?

Нет!
Я не верю
В подобную смерть!
Перечисляя их всех поименно,
Помню лишь только,
Как вздрогнула твердь,
Красная площадь,
Стена
И знамена...
Помню —
три гроба,
Три гроба в цветах,
Словно весна
Им раскрыла объятья...

И имена,
Что у всех на устах,
Словно шепчу
и шепчу,

Как заклатья...
Дарит земля им
Последнюю ласку
В этот печальный,
Торжественный день.
Бросила смерть
На правдивую сказку
Черную,
Черную,
Черную тень.
Не остановит —
Лучи свои льют
Звезды,
И света они

не жалеют!

Не остановит —
«Союз» и «Салют»
В космос летят,
Горизонты светлеют!
И луноход
Продолжает свой путь!
С этой дороги
Нам не свернуть!
Не повернуть!
Трем героям
Хвала!
Вечно да будет
Их память светла!
Пусть установит, поставит
Навек
В космосе
Памятник им
Человек!

1971

ПРОСЛАВЛЯЮ ТЕБЯ

Прославляю тебя,
Ибо ты — убежденность моя,
Ибо мне без тебя
Невозможно представить и дня,
Ибо ты мне дала
Мою совесть,
И разум,
И честь,
Ибо ты для меня —
Все то лучшее,
Что во мне есть!
Моя дружба
И щедрость,
Душевность моя
И любовь,
Моя верность тебе,
Моя жаркая, алая кровь,
Радость праздника,
Ярость
И ненависть злая к врагу,
Все, что я написал,
Что еще написать я смогу,
Все награды,
Что я получил,
Жизнь...
И смерть...
Прославляю тебя!
Как мне это словами суметь?
О мать-партия!
Кланяюсь низко тебе!
Ты звездой путеводной
Всегда мне светила
В судьбе.
Над моей колыбелью
Склонялась,
Растила,

Дорогою правды вела.
Ты заботливой нянькой,
Наставницей мудрой была,
Моей матерью!
Та, что меня родила,
Мне на счастье,
Поныне живет.
Хоть за семьдесят ей,
Но она хлопотуньей слывет.
Если старость
Ее не пригнула к земле,
Если вдоволь всего
На ее хлебосольном столе,
В том заслуга твоя!
Что еще мне сказать?
Чем мне преданность,
Чем мне любовь доказать?
Только вера — порука.
В дни славы,
В дни горя
Ты — мое вдохновенье,
Моя неизбывная доля!
Моя доля из доль!
Мне не надо иной.
Делай все,
Что ты хочешь,
Со мной.
Посылай меня в воду.
В огонь.
Или в вечность веди!
Вижу завтрашний день
Впереди!
Мы шагаем вперед,
Весь народ
В этом строе едином.
Поздравляю тебя,
Моя Мать,
Моя мама,
Онам¹,
Онагинам...²

1971

---

¹ О нам — мать.

² Онагинам — матушка.

ДРУГУ-ХУДОЖНИКУ

Р. Азмедову

Ты художник,
И ты влюбленный!
От кисти твоей
Звезды цветут
и цветы...
И природа
вопрос задает
Удивленный:
Кто их создал —
она или ты?
Горы-камни
оглушены
Твоими печальями...
Эту линию ты начертил
Иль комета
Пролетела над далями?
Кто же
главный тогда
творец?
Чье чудесней
воображение?
Что же подлинник —
образец
Или изображение?
Ветер и люди
Гуляют в саду...
А ты?
Ты — дома,
Словно в бреду.
В тишине
ведешь бой
С самим собой...
Заблудился
в мечтах.

То, что знал,
   повторяешь.
 Ищешь цвета в цветах —
 Себя теряешь...
 Краски — твоя любовь.
 Нет пути назад!
 В любви ты Фархад,
 Бехзад!..
 Холст — пеленка,
 Младенец в ней,
 Что растет
   от твоих забот,
 От опеки твоей,
 От трудов...
 И растет мечта,
 Мадонны
   нежней,
 Новая высота!..
 Мне ведь тоже
   даровано
 Это чувство.
 Я ведь тоже
   влюблен
 В искусство...
 Я грущу,
 Я ответного чувства
 Ищу!
 Перед Репиным,
 Перед Роденом
 Я замираю:
 Ведь любовь
 Для влюбленного сердца
 Подобна
   и аду
 И раю!

1971

ЗАСТОЛЬНАЯ

Н. Грибачеву

Новый Ташкент созывает на той
Братьев своих на рассвете.
Спорит заря с предрассветной звездой,
Город по-юному светел.
Новой пленяет он всех красотой,
Светится праздничной чашей.
Наше сраженье с недавней бедой
Стало историей нашей.
Выпьем, друзья, за победу свою!
Братство навек нерушимо.
То, что в одну нас сплотило семью,
Вечно останется живо.
Нынче на празднике — дружба сама,
Мы не останемся немь!
Выпьем за новые наши дома,
Новые наши поэмы!
Спорит заря с предрассветной звездой,
Ранний тревожится ветер...
Новый Ташкент созывает на той
Старых друзей на рассвете!

1971

* * *

Не говори, что молодость прошла,
Что больше не вернется к нам с тобою,
Златым песком меж пальцев протекла,
Водою просочилась голубою...

Не говори — ведь сладкая тоска
Жива, и росы на луга стекают.
Не говори — ведь в небе облака
По-прежнему коней своих стегают.

Не говори — ведь с давней той поры
Сады густые так же плодоносят,
Все так же крылья бабочки пестры,
Все так же пчелы в улья мед приносят.

Не говори — ведь волосы твои
Все так же вьются прядью непокорной,
Все так же пишут песни соловьи
В тетрадь души твоей многоузорной.

Не говори, что молодости нет, —
По-прежнему всеильна наша воля,
По-прежнему прекрасен этот свет,
По-прежнему прекрасна эта доля.

Не говори — не согласится дом,
И не найдешь ты у подруг участия,
Не согласится мать, с таким трудом
Вскормившая, взрастившая для счастья.

Ты говоришь, что молодость прошла,
Но почему ж цветут цветы земли?
Но почему ж надежда так светла,
И я — Меджнун, а ты — все та ж Лейли?

1971

К ЧЕМУ ЖЕ ЭТИ ЧЕРНЫЕ ОЧКИ?

Плывет лицо, как чистая луна.
Глаза на нем — две тучки, две тоски.
Тебе такая красота дана,
К чему же эти черные очки?

Прости, коль провинился без вины
И поспешил с вопросом удивленным,—
Твои глаза и так черным-черны,
Зачем же прятать черное под черным?

Неужто влюблена ты в этот цвет?
Неужто стала ночь дороже дня?
Очки тебе идут, в том спору нет,
Но что они скрывают от меня?

Ты и в очках мне, милая, мила.
Не обмануть меня таким обманом.
Я знаю — сердцем ты всегда светла
И звезды глаз сияют за туманом.

1971

14 НОЯБРЯ

Приходи,
дорогая,
радость моя,
Мне
владычицей сердца
тебя назвать бы.

Приходи!
Как прежде,
друг друга любя,
Встретим
светлый день
нашей свадьбы.

Чара в руке.
Волненье в груди.
Здравствуй,
здравствуй!
У нас еще все впереди.
Дни совсем не похожи
на дни.

Мне порой
безразличны они,
Но порой
жду их ночью
бессонно...

Календарь неуклонно
В чем-то меня обвиняет,
Когда лист торопливый роняет...
Да!
Оставили годы
морщинки,

Оставили годы
сединки
В волосах — —
Это годы шутили...

Ну,
а вдруг
это правда?
Вдруг
душа отдохнуть будет рада?
Вдруг
и впрямь
ее бури сломили?
Может,
в том мое горе
И в том-то все дело,
Что утихло то море,
Которое в юности пело,
И что берег
Теперь под ногами лежит,
И что берегом
Сердце не дорожит?
Нет!
Шум волны в ушах
до сих пор!
Может быть,
не о том разговор?
Жизнь спешит,
перевалов много.
Впереди —
большая дорога.
Приходи!
Мое сердце ранено!
Нет!
Все у нас,
как было ранее:
Солнце в зените,
В разгаре лето,
Много событий,
И снова где-то
Озера, холмы...
Это судьба,
что встретились мы!
Я одинок
в море юности был,
Как парус, скитался,
надеждой горя,
Но все утраты свои забыл,

СОНЕТ

О молодость! И вот ты позади.
И кажется в короткий миг унынья:
Осталось сердце там, в твоей груди —
А здесь лишь эхо отдается ныне.

Но что же это значит — «пятьдесят»?
Ведь путь есть путь. А там, за перевалом,
Опять долина, сад, плоды висят,
И бьет родник, и дарит счастьем шалым...

И жизнь во мне, как прежде, молода,
И возраста уже не властны чары.
О молодость! Пускай идут года,

Пусть меньше сил — и это не беда:
Ты здесь, со мной, покуда, как всегда,
Еще я все могу начать сначала.

1971

СТИХИ О БОЛЕЗНИ СУРАЙИ

Дрогла ветка под ветром пугливо,
Плыли стекла слоями слюды.
Дождь дырявил корявую глину,
Оставляя на сердце следы.

В сад я выглянул. Мокнул у двери
Кустик роз, как больное дитя,
И серели и никли деревья
Под жестокою плеткой дождя.

И казалось — нигде ни просвета.
И казалось — куда ни пойдешь,
Всюду будет безвыходность эта:
Та же осень, и темень, и дождь...

Что же было так серо и сиро,
Словно в клетку весь мир заточен,
Отчего мне ненастье грозило
Жить в душе до скопчанья времен?

Вся во власти жестокого жара,
Погрузившаяся в немоту,
Третьи сутки ты в спальне лежала,
Словно солнце
за тысячью туч...

1971

* * *

Фото детства,
Забывтое фото,
Краткий миг босоногой отваги...
Почему мне заплакать охота
Перед этим кусочком бумаги?
Словно где-то зарницы сверкнули,
Но, как молнии, грудь обожгли...
Почему же мне фото вернули,
А вот детство вернуть не смогли?

1971

БЫВШЕМУ ДРУГУ

Так долго мне казался другом ты —
и разом сделался

врага враждебней!

Доверье вспыхнуло, как свет звезды,—
и кануло навек в ночные дебри.

Мне ни к чему свидетель черных дел —
мне их самих довольно!

Так по стуку
узнаешь гостя. Ты ж не захотел
найти название своему поступку.

Ужель ты так успехом опьянен,
что собственной не видишь черноты
и совесть перечеркиваешь лихо?

Иль видится она тебе сквозь сон
туманным ощущением беды,
видением обугленного лика?

1971

* * *

Я странствовал и в лете и в зиме —
Текла жара и холода стояли;
Я одолел немало на земле
Отчаянных преград и расстояний.

Я распахал небесные поля
И хляби перепахивал морские,
И здесь — равнина подо мной спала,
Там — горных кряжей дыбилась стихия...

Я прошагал по тысяче дорог —
То в облаках, то в черных коридорах
Но ни устать, ни сдать я не мог:
Ведь каждый путь мне
Легок был и дорог...

Так отчего, мучительно мечась,
Мне застилает взоры недоверье
И так бессильно медлю я сейчас
У этой вот полуоткрытой двери?

В песке ли вязну иль тону в снегу,
А сердце задыхается в тревоге,
И одолеть никак я не могу
До глаз твоих коротенькой дороги...

1972

СЕРДЦЕ, К БИТВЕ ГОТОВЬСЯ СНОВА

Обманул,
                        обманул
  я тебя!
В первый раз
                        солгал,
  но любя...
Так
                        мне
                                разум велит.
Мое сердце
                        болит,
Я по лесу уже не брожу,
За столом не сижу,
Не могу сочинять стихи,
За какие
                        такие грехи?..
Болен я.
                        Ты меня
  прости,
До тебя
                        мне
                                сейчас
  не дойти.
Моя доля из доль,
Не могу
                        разделить с тобой
  боль.
Ночь...
                        Уже три часа.
Острой боли прошла полоса,
Хорошо бы
                        поспать...
Но опять,
                        но опять,
  но опять...

В сердце струны, видать, неисправны,
И мелодия сердца все глуше...
Может, это старые раны?
Что же я его ритм нарушил?
Среди множества дел
Поддержать не успел,
Подлечить не сумел,
А теперь вот таков мой удел,
Сам я,

сам я себя наказал.

От тебя это скрыл,
не сказал!

Уберечь хотел
от беды,

Замести хотел
все следы...

Я со смертью боролся
в тот день

И в ту ночь,
На меня надвигалась тень,
Не прогнать ее прочь!
На подушке моя голова,
И невнятные слова,
слова...

Смерть — как море.
Я — лодка на сильной волне.
Утонуть мне придется вскоре,
Только что-то трепещет во мне...

Ложь, совсем не пустая,
Ложь, святая,
Ложь во спасенье
Осенила меня своей сенью.

Эту ложь я к тебе несу:
«Я гуляю, родная, в лесу,
в лесу...»

Ты поверь,
ты поверь,
черноглазая,

Ведь тебе не солгал
ни разу я!

Но прошу,
ты сама не звони,

Извини,
                  извини,
                                  извини!
Мне вставать не позволил врач...
Ты не плачь,
                                  любовь,
  ты не плачь!
Если
                  встать бы
                                  я только смог,
Не жалея ног,
Я к тебе бы
                                  дошел тогда,
Я остался б
                                  с тобой
  навсегда.
На плечах моих
                                  столько
  заботы!
Мной не сделано
                                  столько
  работы!
Нужен я еще
                                  тем,
  с кем дружен,
И народу,
                                  и дому
  нужен!
Быть врагом
                                  хочу
  я врагу!
Перед родиной
                                  я в долгу!
В этом
                                  жизни моей
  основа —
Сердце,
                                  к битве
  готовься снова!

1972

* * *

Мог другом стать,
но дружбу ты ценил
Ничуть не выше капельки чернил:
Все это было для тебя —
пустое!

Ты ль сам себя,
Тебя ль я сочинил?
Глубь оказалась
просто пустотою...
А сердце раскрывал я — как бутон.
Я ждал тепла!

А тыдохнул морозом.
И день глядел, прищуриваясь грозно...
И, жизнь свою проживши разное,
разно,

Ты вспомнишь это.
Где-нибудь.
Потом.

1973

БЕРЕГИТЕ ЖЕНЩИН

Р. Гамзатову

Берегите вы женщин,
ласкайте,
лелейте!

Эй,
мужчины,
для них
Ничего не жалейте!
Мой совет:
Королеву скорей изберите,
Без нее королевству не быть...
Или так уж бедны
ваших жизней событья,

Что возможно
совсем не любить?

Нет, вокруг расцветает весна,
Полновластна недаром она,
Словно солнце,
ясна и сильна...

Завоюйте женщину!
Коронуйте на царство!
Сердце женщины —
государство:

Есть охранники,
Есть посланники,
Свои странники
И избранники...
Женщина — такое создание:
Слаба и нежна порой,
Возводит огромное здание,
В космосе — герой...
Женщина — сама красота,
Сладкозвучны ее уста,
День ее — вечность,
Зов — бесконечность...

Если нужен пророк тебе,
Пророком будет в судьбе...
Сегодня путь ее быстр:
Рабочий,

колхозница,
ученый,
министр,

Женщина — мать,
сестра,
подруга...

От нее теплеет округа.
Но когда разобьется
пиала любви,

Ты напрасно
Мастера не зови.
Не склеить ее, не спаять,
Не вернуть твою радость опять...
На любовь нет суда.

Любовь — беда.
Любовь — это счастье,
Забота, участие...
Кто боли любви не знал?
Сердце — мотылек,
любовь — свет...

Кто крыльев не обжигал?

Таких влюбленных нет...

Женщина!

Женщина!

Как прекрасны

Певцы твои:

Пушкин,
Хафиз,
Лутфи,
Навои!

Но еще не создано
то творенье —

Самое главное
стихотворенье,

Но еще не дописана
та поэма,

Где любовь —
это главная тема...

Слышу слов восхищенный гул...

Все поэты — влюбленные,
в их числе — Расул...
Эй, мужчины,
для них
Ничего не жалейте!
Берегите женщин,
ласкайте, лелейте!
Это в вашей,
мужчины,
Власти,
Отвести от женщин напасти!
Повторяю я вновь и вновь:
В вашей власти
ваша любовь!

1973

ХВАЛА
(Экспромт)

Не уставайте,
милые друзья!
Щедра еще
тугая неба просинь,
хотя,
седыми космами тряся,
по белым грядам
вскачь несется осень.
Не уставайте,
милые друзья!
Вам,
что держать
свое привыкли слово,
минуты лишней
потерять нельзя —
ее в страду
не наверстаешь снова!
И все ж
пускай дойдет до вас привет,
с которым
обращается поэт...

Авось и стих,
явившийся со мной,
вас не оставит
до конца похода,
о пахари,
герои посевной,
уборки
капитаны и пехота!
Ведь у строки,
попавшей в ритм труда,

надежда есть
остаться навсегда...

Удачей вас
страда не обошла.
Но что за труд
итожат цифры эти,
когда опять
из кишлака в кишлак
несется весть
о трудовой победе!
Республику
недаром обежал
твой рапорт вдохновенный,
Андижан!

В нелегком,
хоть и радостном году
держа весь парк,
все силы — на ходу
(как ход работ
ни путала погода),
ты самым первым
оседлал страду
и поднял выше
все отметки года.
Трудясь весь год,
недаром,
Андижан,
ты славную победу
одержал!..
А добрая
не кончилась пора,
и хмури пока
златую ткань не застит.
И хлопок
не вмещается в поля,
и ширь полна
коробочек глазастых.
И отдыха
вы не дали себе:
в работе — руки,
всадники — в седле!..

Мне не забыть,
как вашу воду
пил
на берегу стремительного сая.
Мне не забыть
работы
вашей пыл,
всю страсть,
что вы
не замечали сами.
Мне кажется,
что я с собой увез
твою частичку,
Ленинский колхоз!
Моя —
не с вами ль связана судьба,
друзья мои,
Маннон и Магруба,
хлопковой шири славные Герои?
И если б я роман писал,
Кучкар,
другого бы героя не искал!
А я о том подумывал,
не скрою...
Не уставайте ж,
милые мои!
Еще разгар страды
по всем приметам.
И для Сурхандарьи,
Кашкадарьи,
для молодых колхозов Сырдарьи,
для братьев всех,
вблизи или вдали —
вы в эту осень
служите примером.
И ваши «голубые корабли»
пускай плывут
в седых морях хлопковых —
вперед,
на рубежи
свершений новых,
в просторах
нашей радостной земли!

Победы весть
летит по всей стране,
как будто нам
напоминая снова,
что от страды —
от дела основного —
никто не остается в стороне!
И, силою играя,
как Аму —
дает начало слову моему...

1973

* * *

Плавают в небе лохмотья
От разбежавшихся туч.
Талы в усталой дремоте
Хмуρο безмолвствуют тут.

Все притворяется сонным
В тайной тоске по лучу.
Ах, если б вздумалось солнцу
В сердце
затецлить свечу!

Чтобы от ветра сквозного
Снова
Пути пролегли —
Жизнь нашу высветить снова
Радостным светом любви!

1974

* * *

Смолкла летняя флейта скворца,
Облетели багровые канны,
Пахнет снегом,

и с гор без конца
Надвигаются туч караваны.
Речка, синие очи смежив,
Серой пленкой подернулась с лету.
Урожайную ношу сложив,
Погружается поле в дремоту.
И, последнюю ноту вписав
В эту рукопись песни осенней,
Куст багряный

венчает пейзаж
Увядания горьким весельем...

Но сквозь всю эту хмурость и грусть,
И болезненность всю, и унынье,
И сейчас разглядеть я берусь
Очертанья и краски иные.
Там, где стылая серость видна,
Где в полях растворились тропинки —
Чуть лишь теплые дунут ветра —
Снова встанут

зеленые пики.
И горящих тюльпанов волна
С горных склонов
Покатится в поле;
Как олень златорогий,

луна
Зябкой ночью пойдет к водопою.
И, от пара земного дрожа,
Встанет синь

над мятежным простором,

И, смирив этот дух мятежа,
Солнце косы уронит в озера...
И в скворешни
Из дальней земли
Вновь жильцы возвратятся нежданно,
И весну понесут журавли
В сладко-горестном
крике гортанном.

1975

* * *

Очищена ширь полевая,
И желтые листья висят,
А все
                  небеса поливают
Печально скудеющий сад...

И сыплется дождик осенний,
Как будто доселе, увы,
Надеется на воскресенье
Давно пожелтевшей листвы.

1975

* * *

Опять под снег упрятана весна —
еще на свет как следует не глянув,
еще едва очнувшись ото сна
и не успев

на торжество тюльпанов.

Зиме, казалось, не собрать костей —
так шли потоки, ей наkostenявши! —
и вот опять постлали ей постель
ее невидимые кастелянши.

Таков природы подлинный приказ:
будь все опять под белым слоем скрыто! —
чернь мокрых почв,

упавший абрикос —
с пустым дуплом, как старое корыто.

Как будто в пробудившемся саду
невмоготу
ей видеть стало просто
то ль голых этих гряд неkrасоту,
то ль мыслей чьих-то

скрытое уродство.

Но снег так слаб,

так жидко серебрист
и так готов истаять и умчаться —
как некий заключительный каприз
идущего на пенсию начальства...

Зажги же лампу, солнце!

Пусть горят
снега в лучах,

пускай земля нагая,
от страстной нежности изнемогая,
с надутыми от ветра облаками
плывет вперед,

как парусный корабль...

1976

* * *

Дождь летит, наконец-то упавший.
Плети жесткие землю секут.
И сухие дорожки и пашни
набухают за десять секунд.

Дождь летит на межи и пригорки,
кров зеленый
дырявя везде,
лишь бы почвы, сухие, как корки,
размочить в поднебесной воде.

Пряжи ткущейся непрерывней,
струи мчат, зарядив до зари,
из бутылочной глади арыка
выколачивая пузыри.

Дождь летит,
жажда, безграничный, как чудо:
паром до неба дойдя,
возвращается снова оттуда
проливным океаном дождя.

1976

ЯНТАРЬ

В некоей книге камней инвентарной
Ничего для себя не найду
Драгоценнее
  капли янтарной,
Словно полдень хранящей в меду.

Есть прекраснее, есть и невзрачней.
Но какая бездонная даль
Изнутри освещает
  прозрачный,
Раскаленно-прохладный янтарь!

С непостижностью вечностью в споре
Этот запертый сгусток огня.
Это-прошлое в солнечной споре
Уцелело
  до нашего дня.

Как осадок ни портил,
  и как бы
Пузырей ни вздувало тепло —
Но какой оно чистую каплей
На прибрежные камни
  стекло!..

Нет,
  немыслимы вечности числа.
Но, сегодняшним жаром горя,

Разве мы не должны поучиться
У высокой судьбы янтаря?

Чтоб потом,
        когда смолкнем и канем,
Сгустком света вернуться смогли,
Как вот этот сияющий камень,
Этот ком
        допотопной смолы...

1976

КРАЙ КАРЕГЛАЗЫЙ

Стихи о Болгарии

ОТ АВТОРА

Два года назад я около трех недель провел в Болгарии. Эти недолгие в долгой жизни дни памятливы мне особенно. Прежде всего потому, что это были сплошные встречи с друзьями — прежними и новыми. Еще потому, конечно, что то была не такая уж и краткая, а скорее обстоятельная встреча со страной, которую я полюбил нежно и навсегда — не оттого ли, что нашел в ней столько сходного с родиной: и со всей моей великой советской Отчизной, и с милым моим Узбекистаном в особенности? Этот кареглазый и черноволосый Юг, с его горами, долинами, полями, с его говорливым городом и молчаливым, улыбочивым, вечно работающим селом, то и дело напоминал мне далекую Фергану, обликом или именами.

И, честно сказать — еще потому так запомнились эти болгарские недели, что мне там удивительно легко и много писалось. Обычно впечатления отлеживаются в душе, прежде чем начинают рваться в строку; здесь же было иначе. Цикл стихов о Болгарии я написал тогда же, в Болгарии. Помню, эта легкость самого меня испугала. К отъезду в двух тетрадках было записано двадцать три стихотворения!.. Я вспомнил вдруг, что великий болгарин Христо Ботев оставил всего-то двадцать три стихотворения, написанных за всю жизнь, и это совпадение словно бы уличило меня в чем-то. В дороге и дома я снова и снова обращался к своим болгарским стихам, перекраивая «Кареглазый край»,

правя и снова восстанавливая строки. В конце концов я понял, что это были стихи, рожденные первым впечатлением — первым, и, как многие думают, самым верным. В этом качестве я и решаюсь представить их читателю.

НА ПУТИ В БОЛГАРИЮ

1

Бегут, как снега,
  облака за окном.
Каким нас простором почтили!..
Летит,
                                заревым озаренный огнем,
ТУ-154.

Сидим, застегнувши послушно ремни,
но в каждом рождается что-то,
что —
                                хочешь не хочешь —
  немного сродни
высокому чуду полета.

Сидишь, проверяешь: «не трушу ли я?..
А там,
                                над пространствами снега,
пуховой дорожкой лежит колея
за нами летящего следа.

Он, впрочем,
непрочен,
                                сияющий дым.
Таким его небо рождает:
еще и до цели мы не долетим,
а след наш
                                бесследно растает.

И вот говоришь поневоле себе:
природы не переупрямить;
как ни возносишься —
  лишь на твердой земле
оставишь надежную память.

Живи, поверая и дни и труды
души прозорливостью вещей,
чтоб там, на земле,
ты оставил следы
вот этих дымов долговечней...

2

Режут облако блестящие крылья,
ровным гулом прочерчен полет...
И земли моей тонкою пылью
неприметно покрыт самолет.

Пыль Отчизны!..
Представлю — и разом
сознаю в голубой полумгле:
пристегнувшийся к креслу —
привязан
я тем самым и к отчей земле!..

Нет привязанности дорожке,
нет устойчивости верней!..
И подспудная смута дороги
потихоньку стихает во мне...

КРАЙ КАРЕГЛАЗЫЙ

О море Черное, о бархатная гладь,
старинное вино в необычайной чаше!
Как будто бог морской,
с рассвета пир начавши,
наполнил, оглядел —
но не успел поднять...

Позволь мне хоть глоток — и не кори меня
за неумелый стих и дерзкое сравненье.
Да будет мой восторг тебе не в посрамленье —
как вздох,
как первый тост в немом застолье дня.

Так далеко мой дом и ширь моих равнин!
Я в братские края сегодня прибыл в гости

и вот спешу любовь
открыть в наивном тосте...
А этих строк квадрат мы после ограним!

Я мир избородил — и вечная езда
вошла в мой беглый быт, как кочевой обычай,
хотя за сменой мест, наречий и обличий —
все та же тяга к вам,
родимые места...

И ты бодришь меня, о родственная ширь,
не только схожестью с моим родным простором:
соленой воли дух,
простор мечтам и взорам,
и крови быстрый бег в переплетенье жил!

Пыль родины несу на кончиках ресниц,
сюда перенесен стремительно, как в сказке.
Привет земли моей
тебе, о край болгарский,
как долгий звук струны,
в мозгу моем звенит.

О море Черное, о кареглазый край,
круг неба и воды, в сто тысяч уст воспетый,
прими и этот дар —
певучий дар узбека,
и бликом солнечным ответно заиграй...

* * *

Спины у скал одинаково моя,
к двум побережьям скользишь, не спеша.
Черное море, просторное море!
Два у нас тела — едина душа.

Страны — как сестры. Стрелюю прямою
наша дорога сквозь годы видна.
Черное море, просторное море!
Два у нас сердца — да кровь-то одна...

* * *

Эти звездные гроздья —
Или окна погасли?.. сгубил ли их град или ветер?
Лишь горящие взоры я в утренних сумерках встретил.
Только сердце горящее жаждет рождения дня.

Просыпается все. Белой пеной буруны венчает.
С черной простыни моря немолчный доносится гул,
одаря блаженством на волнах качавшихся чаек
и тревожную радость
рождая на всем берегу.

Этот час изначальный — пускай бы он длился подоле!
Сколько надо успеть вопреки краткосрочной судьбе!..
И цветы в цветнике — как упавшие звезды в подоле —
через тысячи верст я несущ в моих строчках тебе.

* * *

Словно сумерки пали в долину —
дымен моря отрезок немой.
И луна серебром одарила
темный бархат со снежной каймой.

Свет низринут незримой лавиной.
Даль в единую гамму слита.
Но мгновенье — и неуловимо
вся картина меняет цвета.

Мир извечно — в тревоге исканья.
И в итоге — я вижу —
у ног
стебелек прорастает из камня,
вырастает из камня цветок...

Видно, не только столицы и села
сблизит дорога.

Путники, путники...

Все мы въезжаем
в дружбы высокую область!
Мчит по дорогам зеленого мая
красный автобус.

ИВА НА БЕРЕГУ

Дождь уходит в радужную арку.
Небосвод — прозрачнее стекла.
Берега сияющую карту
смуглые усеяли тела.

Блик с волны срывается, как искра —
влажный мир зажечься не готов,
и к тому же ветер затаился
где-нибудь в объятиях цветов.

А вдали от берега,
стыдливо
хороня усталые мечты,
вдовая, потерянная ива
стынет среди пышной красоты.

Локоны повисшие печальны,
отсвета на листьях не найти.
Мчатся к ней отчаянные чайки —
и летят обратно с полпути.

Пусто,
пусто,
пусто рядом с нею,
море однотонно говорит.
Может, ей с того еще грустнее,
что над миром
радуга горит?..

* * *

Море вздрогнуло, чайки взлетели...
Или чья-то бездонная мысль
встрепенулась в немом запустеньи,
и слова неумело взвились?

Солнце выплыло краем громадным,
низким ветром мне очи слезя,
и за свежим цветов ароматом,
мне казалось,
я встречу тебя...

У ПРИЧАЛА

Шли по сходням и вещи вносили.
Судьбы разные
в шапку легли.
Но отплыл пароход — и на сини
слился в точку
со всеми людьми.

Ау, странники!
Та иль не та вам
в этом море дорога дана,
но у нас говорили не даром:
в общей лодке — и доля одна...

ШИРИИ

(Стихи в шутку)

Лениво в море, жарко,
и ветра слаб запас...
Но девушка-болгарка
подбадривает нас.

Огонь в ресницах — вот он! —
его не утаишь.
Я мог бы щелкнуть фото
при вспышке
глаз твоих!

Любовь неповторима,
но имя — повторим:
ты говоришь — «Ирина» —
мне чудится «Ширин»...

МОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДИРЕКЦИИ ДОМА ТВОРЧЕСТВА

Чайки летают на берегу.
В доме простуженно млеют поэты...
Я это сердцем принять не могу,
что-то во мне — негодует на это!

Жажду высокую не утолят
те, что себя в кабинетах закрыли.
Каждому нужен особый талант,
а вот поэтам — надобны крылья!..

Чайки вольготно летают внизу,
а у поэтов — хлопают ставни...
Я предложенье простое внесу:
что, если им поменяться местами?

Впрочем, я чаек оставить готов:
пусть продолжают паренье простое.
А вот поэтам, и с грузом годов,
вправду пора
побывать на просторе!

Чтоб вхолостую впредь не палить,
чтоб не впустую очи печалить...
Если ж кому не под силу парить —
пусть хоть вблизи-то
глянет на чаек!

У СТАЛЕВАРОВ

Вот побывал я
и у сталеваров.
Видел, как варят болгарскую сталь.

Нет, незаметно, чтоб устаревала
эта стальная

рабочая статья.

Словно корабль в богатырской оснастке,
входит бригада, на дверь наваялась.

Вижу:

наследникам этих династий
долго и прочно

хранить свою власть!

Вот прохожу я по улицам чистым,
словно и сам я здесь век вековал.

Вспомнились мне

сталевары Отчизны,
чисто подметенный наш Беговат.

Что-то в них общее, в рыцарях стали!..

Нет, не в забралах,

в лицах, глазах...

Труд их, ей-ей, молодит, а не старит,
учит вперед их смотреть,

не назад.

Глянешь — и видишь:

какое же благо —

будней рабочих страницы листать!

Вот и похоже,

что каждая плавка

только крепит

богатырскую статью...

ОТВЕТ ЕВТИМУ ЕВТИМОВУ

Что скрывать?..

По душе похвала нам —
хоть не ждет похвалы соловей,
и не нужно похвал пахлаванам,
что уверены в силе своей.

Но признаюсь: и в сердце и в слухе
звонкий тост твой останется весь,
где мои ты исчислил заслуги
и меня

превознес до небес.

Что ж, спасибо! С ответом не медлю
и в прочувствованном стихе

с тем же самым размахом — не менее —
я сегодня скажу о тебе...

Ибо оба мы помним и знаем
в час застолья торжественный тот:
мы не столько за нас поднимаем,
сколь за родину
радостный тост!

Выпьем,
выпьем, товарищ, снова!
Будь же счастлив в стране своей,
пахлаван золотого слова,
о болгарский мой соловей!

* * *

Косари, косари, косари...
Как богата Болгария травами!
На лугах от зари до зари
варят воздух,
травой приправленный!

Песни девушек, рокот реки,
далеко ли до луга, до лога ли?
Словно легким касаньем руки
мою душу поющую трогали.

И косили, глазами кося,
продвигались к невидимой осени,
и у ближней — взлетала коса
вместе с длинными
острыми косами...

У НАМЯТНИКА ТОЛБУХИНУ

Каждый кустик нам ветками машет,
словно кажет
дорогу туда,
где торжественный каменный маршал
неприметно плывет
сквозь года.

Но ничто не забылось за годы,
то же чувство во взоре прямом:
он — как символ
той гордой свободы,
что с боями сюда и привел.
Он остался не каменным гостем —
здешней памятью,
вечно живой...

И букеты к подножью подносим,
и стоим
заодно с тишиной.

* * *

Море молча песка касается.
Золотой и лазурный плен.
День оденется, приосанится,
и бредут по песку красавицы,
в этом золоте до колен...

Налетающий ветер охает —
хороша ты, девичья стать! —
И вздыхает вокруг да около:
моя спутница черноокая —
всей окрестной красе под стать!

Прошагали мы по Болгарии,
песни приняли на уста.
Море Черное, очи карие,
не туманились, не лукавили,
улыбались нам неспроста!..

• День истаёт, за море спустится,
за расплавленный окоем.
Звезды падают — что-то сбудется?..
И посмотрит, и спросит спутница:
«Хорошо ли в краю моем?»

— Хорошо в твоём крае, милая;
голубая небес пола,
горы гордые, доли мирные...

Хорошо в твоём крае, милая,
но на родину мне пора!

Пусть красоты я видел столько,
что заполнят душу мою —
в тибетейке я, и с Востока я,
и такая же черноокая
ждет в далеком моем краю...

ПИАЛА

Сестричка,
не с тем, чтобы множить хвалу,
несу тебе песню мою:
привез я в подарок тебе пиалу
от друга, что в дальнем краю.

Вкусней в ней вода,
ароматнее чай,
хмельнее — любое вино.
Подарок гласит: «без меня не скучай,
но помни меня —
все равно...»

Присмотришься —
профиль хлопковый на ней
белеет, как снежный цветок,
и берегом сини, что моря синей,
блестит золотой ободок.

И круг возле губ нестираемый тот
напомнит, подобьем кольца,
о крае далеком,
где хлопок растет
и близкие бьются сердца.

КАЛИНА МАЛИНА

*Калине Малине
Болгарской поэтессе*

Слова твои были, как сказка,
рассказанная ребенком,
пришедшая на уста ему
из давних забытых дней;

слова твои были, как песня
(не та ли — «Калина-Малина»), —
как песня, пропетая девочкой:
так были они простодушны,
и веселы, и добры!

Как отчая речь, живая,
как гроздь легенд и присловий,
ты шла по берегу моря
и говорила со мной.
И мне на миг показалось:
не ты говоришь со мною,
а это море, и скалы,
и пляжи, и небеса!
На миг обретшие голос,
твердили они по-болгарски,
на чуточку непонятном,
но родственном языке...

Откуда столько задора,
любви,

невянущей страсти?

Ты — как ручеек с предгорий,
с его бессмертной речью
и пенною сединой!

Родник освежающей влаги,
неумолимо чистый,
спасибо тебе,

спасибо

за этот чудесный час...

НА ШИПКЕ

Пламя на Шипке — дым на Балканах...
Впрочем,

и сам убедиться изволь:
где-то доселе осталось в болгарях
горьких столетий

щемящая боль.

И ночевали здесь, и дневали
орды насилия,

банды беды.

Но, о захватчики, все же не вами
главные вытоптаны следы!..

Была судьба неумолимой рукою,
лучшие гибли — тужи не тужи!

Слезы текли полноводной рекою,
а не вода по долине Тунджи.

Сколько печалью страниц ни заполнишь,
сколько ни вспомнишь
трагических дат!..

Так бы и шло —

но явились на помощь

братство исконное,

русский солдат.

Много их пало — под Шипкой и кроме...

Скольких за сутки рок обегал!

Так что действительно

братья по крови —

внуки тех русских и тех болгар.

Сами на Шипке снимаются шапки

перед обилием славных примет.

Выше при каждом возносится шаге

вечной признательности монумент.

Пламя на Шипке — свет на Балканах!..

Тут убеждается,

впрочем,

любой:

вечно она остается в болгарях —

эта признательность их

и любовь.

Трудно история наша вершится,

вновь,

как домой,

возвращаясь сюда.

В этом столетии видела Шипка
подвиги те же

и тех же солдат.

Шрамы видны, и свидетельства вески,
хоть не измерить тягот

на вес...

Словно за родину, воин советский
бился под сводом

болгарских небес!

Сколько их пало — рядом и кроме!

Горечь и радость

идут сквозь года...

Символом вечным братства по крови
памятник славный
возносит гора.

* * *

У Болгарии — радостный взгляд.

Села веселы,
улицы шумны.

А вблизи, под зеленою шубой,
на кладбищах

солдаты лежат.

Те, кто пал на исходе беды,
в перебежках последнего боя,
кто погиб,

прикрывая собою
поколений грядущих ряды.

У Болгарии радостный взгляд.

Но за каждой счастливой судьбою —
недолюбленные любви

на кладбищах лежащих солдат.

Нескончаемых надписей ряд.

Вот и сверстники,
однополчане.

Но недаром вы смерть повстречали!

У Болгарии —

радостный взгляд...

ВАРНА, ПРОЩАЙ!

Варна,
прощай!

До свиданья!
Мы остаемся на «ты».
Пусть под другими следами
наши не сгинут следы.

Срокам истекшим покорный,
я уезжаю назад,
но протянул в тебе корни
памяти радостный сад.

В круглом окошке монетном
чайка мелькнет невзначай,
море становится небом...
Варна, прощай!

БОЛГАРИИ

Синева — как в хрустальном бокале.
Распускается солнца цветок.
И от синего неба Болгарии
отпиваю громадный глоток.
— Здравствуй!
— Здравствуй...

Входи!

Ты откуда?

— Я к тебе из далекой земли,
где такое же синее чудо
и такие же горы легли.
Так же лето проходит погоже,
с тем же запахом варится плов,
да и очи чернеют похоже,
да и взгляды понятны без слов...
Расстояние — дело седьмое!

Мы не зря

за штурвалом сидим!

Но твое поседелое море
там сменяется

полем седым...

Мы родня!.. Мы по южному блеску,

по труду и по духу —
родня!
По моей тибетейке узбекской
ты, конечно,
узнаешь меня...
Ведь и нас ты не маской плакатной —
силой дружбы звала,
далека!
И опять потянули к Балканам
пролетающие облака...
И не зря меня даль поманила!
Погляжу:
как старатель с лотка,
это Черное море намыло
полосу золотого песка.
Боль и рабство в былом обогнали
светлый облик болгарской земли.
Как же счастлив я знать,
о болгары:
вы достойную долю нашли!
Все обманное или плохое
вымел прочь
этот солнечный дом.
Что в подполье пророчил Благов —
рождено неустанным трудом.
И в земле миллионнометровой,
на пространствах свободной страны
гордый дух и мечта Димитрова
в каждом
явственно воплощены.
И в расцвете болгарского лета,
где на землю я с неба сошел —
продолженье великого света,
что Ильич над планетой
зажег!..
...Ходят волны на море покато,
и корабль в просторе таком —
как твой пахарь на поле богатом,
твой рабочий за добрым станком.
Я и впредь тебе счастья желаю,
света щедрого
с синих высот,
и волну я к груди прижимаю,
и целую горячий песок.

Среди многих, тебя не забывших,
ты не зря меня другом зови!
Ведь для истинно полюбивших
нету старой и новой любви...
Не спеши, золотое мгновенье —
я запомнить хочу навсегда
край свободы и вдохновенья,
вдохновенья,
                                надежды,
  труда!

1976

* * *

Поля по краям перелеска,
машины под сенью берез...
Не эти ль
                                картины без блеска
так верно ты
в сердце берег?..

Но гляну —
                                и, так же небросок,
над ширью ферганских полей —
почудится в русских березах
привет
от моих тополей...

1976

* * *

Утро мира — все дальше, все раньше...
Где ж ты долю свою возлюбил,
человек, неустанный ныряльщик
в черноту
                                заповедных глубин?

Бродят чудища, ужасы шепчут,
тайный мир не изведен людьми,
но сердца отдают тебе жемчуг
правды,
                                мужества,
  веры,
  любви.

1976

* * *

Нет, не смерти я боюсь,
а дня,
что настанет, возрасту послушный:
чья-то боль застонет близ меня —
и в ответ

вздохну я равнодушно.
Я боюсь не смерти, а поры,
что подстерегает в отдаленье:
дня, когда на все твои дары,
жизнь моя,
взгляну без удивленья!

1976

* * *

Леса и гора, отражаясь в реке,
«Моя!» — говорят ей с лаской.
И степь, что гола — отражаясь в реке,
«Моя!» — говорит ей властно.

И горе-печаль, завладев душой,
«Моя!» — говорит сурово.
И радость, в свой час овладев душой,
«Моя!..» — говорит ей снова...

1976

* * *

Кажется, юность взмахнула крылами
только недавно...
Но седина на остывшее пламя
пала недаром.

Как же нам быть?..

Одолеть эту бездну

нам не по силам.

Жизни, сгоревшей под ветром неизвестным,
скажем «спасибо».

1976

* * *

Не остановится буря в зените,
разом сама не утихнет —
не жди!

Ливня потоки, секущие нити,
ветер и оползни —
все впереди.

Но и не трусь...
В этой ярости бури,
где безопасного выхода нет,
может быть,
вправду ты вступишь в борьбу — и
силу свою обнаружишь,
поэт!

1976

* * *

Кольца на пальце
   обручальный круг.
 Твоей руки, твоей любви порука —
 и знак тобою брошенного круга
 в часы беды,
   что налетела вдруг.

Круг жизни. Круг любимого лица.
 Круг наших рук, не знающий крушения.
 Да, я в кольце!
   И пусть из окруженья
 не выйду я до смерти, до конца...

1976

* * *

День свадьбы минул, дорогая,
 от поцелуев не устал.
 Они, в душе не догорая,
 еще пылают на устах.

День свадьбы минул, догорая,
 за ним и годы пролегли.
 Но с уст не сходят, дорогая,
 слова негаснущей любви.

1976

ТАНЦОВЩИЦА

Взмах крыла? Иль паденье звезды?
Или тень убежавшей газели?
Или луч соскользнул с высоты,
не бывавший в долине доселе?

Или милый нашел меня взгляд?
Что за вихрь обрушился в душу?..
Или в ней я любовь обнаружу,
словно в танце — мелодии лад?

1976

У ФОНТАНА СЛЕЗ

Зло былого во дворце пустынном
долгих лет одолевает числа.
И фонтан с исправностью постылой
каплями солеными сочится.

Но ведь женщину похоронили!
Чьи же это слезы
сквозь столетья?..

Или с нею и в глухой могиле
та же боль,
и чайня,
и плети?

1976

* * *

Так резко задел за струны нахун,
едва мы успели рассесться,
и разом взыграл, как ярый Джейхун,
тамбур, похожий на сердце.

Так музыка бьется, так строится стих,
взрыхляя пласты — и трамбуя,
пока ты играешь, великий артист,
на сердце своем —
тамбуре...

1976

* * *

Капли падают, падают капли...
Их едва ли фиксирует взор.
Но не будь их — подумайте:
как бы
Налились
эти чаши озер?

1977

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Как сердце стучащее радо
родимые встретить поля,
привычно почувствовать рядом
простор твой,
родная земля!

Но где бы,
какою земною
красой
меня путь ни завлек,
Отчизна, ты вечно со мною
в сплетениях долгих дорог.

Твоими ль пространствами еду
иль странствую где-то вовне —
так страстно я чувствую это:
Отчизна,
ты вечно — во мне!

1977

* * *

Еще черны
Земля и поднебесье,
И тьма вокруг,
но юный ветер — свеж,
И, чуть взглядысь,
поймешь его известье:
Уже рассвет на краешке,
рассвет...

1977

ВОЛНА И Я

Перегнуть и осилить волну,
задохнуться в отчаянном крене,
вместе с ней устремиться ко дну —
и взлететь

на сияющем гребне.

Пусть в ликующей повести дня
этот миг — только малая малость;
пусть волна подзадорит меня:
— Не догонишь меня,

не поймаешь! —

я прижмусь к ее мокрой щеке,
возносимый слепым ускореньем,
и, как лист, расстелю на песке
белой пены распластанный гребень.
Пусть уйдет она в жадный песок,
унося посеревшую пену —
все же радости чистый кусок
записать я на сердце успею.

Пусть смывает следы на песке —
лишь бы очи навек удержали,
словно горсточку гальки в руке,
остановленной жизни

скрижали...

1977

ВЕЧЕР СПУСТИЛСЯ

Вечерело. Затлел горизонт.
Солнце свило гнездо на чинаре.
Облака, как под жарким резцом,
по бокам
                                пламенеть начинали.

Горизонт вдалеке вечерел,
пламень ширился,
                                быстр и жалящ.
И на фоне далеких пожарищ,
как обугленный, сад почернел.

Вдалеке полыхал горизонт,
Загалдела галчиная стая.
И с полей наутинка простая
сединою легла на висок.

Догорал горизонт, как всегда.
И над нашей равниной закатной —
В старой бытности новой загадкой —
Пронеслась и исчезла звезда...

1977

* * *

На лбу — печать прошедших лет —
Морщин таинственный автограф...
Чего ж ты морщилась, поэт?
Ведь без следа — и шага нет!
Приняв, что было, иль отторгнув,
Ты не сотрешь упрямый след...
Закат

    не обратишь в рассвет,
Былое в скобки заключая!..
Пусть критик, с пиалой чая,
Ликует, заглянув в ответ;
Что впредь ты извлечешь из лет,
Пока не пала тень ночная —
Вот суть задачи
                    и секрет.

1977

* * *

Звени,
    мой новый стих,
                    под Новый год!
И грустен чуть — и праздничен обычай
Так отмечать
                    идущей жизни ход.
Прими любое из ее обличий —
И буду я
                    подобьем этим горд.
Звени, мой стих,
                    звени — пока в тиши
Все, кажется,
Итог подводит году
И с будущим беседует
                    по коду
Взволнованной надеждами души.
Покуда ночь внушает мне:
                    «Пиши...» —
И тихо подвигается к уходу,
Дыши морозным воздухом,
                    дыши,
Звени, мой стих,
                    грядущему в угоду —
Лишь нотою фальшивой не греши...

1978

МОРСКАЯ НОЧЬ

Морская ночь мрачна.
Как войско кочевое,
Несчетные в ночи
Белеют гребешки.
Как будто, как ни тщусь,
Не встречу ничего я
За черным рубежом
Теченья и тоски.

Но вот восходит мыс
Громадою безмолвной,
И —
                    древний добрый бог
С фонариком в руке —
И гаснет и горит
Огонь неугомонный
На выстроенном кем-то
маяке.

Мне кто-то тянет свет,
Как дружескую руку,
Через безлюдье волн,
Через безмолвье лет —
И тем преподает
Высокую науку:
Воздвигни и зажги
Другим
Хоть малый свет...

1978

ПО ВЫСОКОМУ СЧАСТЬЯ ЗАКОНУ

Сердце слышит призыв —
отзывается музыка!
Надо...
Телетайпы эпохи
стрекочут
шеренгами строк.
И побегу стиха,
дерзновенней мечты космонавта,
ищут место в строю —
и находят
в положенный срок.
Белый парус раздумий
скользит в неоглядном просторе.
Рифм сигнальных флажки
возникают на мачте мечты.
Слышишь гул голосов?
Чуешь мыслей громадное море?
Нашей жизни Закон,
безраздельно
им властвуешь ты.
Все в тебе учтено:
грохотанье таежного БАМа
и степной
Каршинстрой мой,
КамАЗа могучий близнец;
золотой урожай
в поле мирном —
не минном, не бранном! —
и шаги посевной
по широкой
и светлой весне;
и высотные зданья,
чьи первые сваи забили,
и добротные крыши

колхозных домов небольших,
и массивы морей,
и свободные реки Сибири,
что вот-вот напоят
истомленную южную ширь.
Есть высокая мудрость,
что долг уравнила
с правами,
чтобы путник в пути
сорамерил с пространствами
шаг.

Груз не бросят в дороге —
не зря снаряжал караваны
многомудрый учитель
и опытный,
верный вожак.

Испытаешь в пути —
каждый час,
приближающий к цели.
И под силу нам все —
и дорога любая,
и взлет.

Славься,
старт Октября!
Не тогда ли мы
в небо взлетели?
И команды нам вслед
он доселе
точнейшие шлет.

Посмотри, как везде
отчий край развивается бурно!
Смелый труд и мечта —
наших планов
живые крыла.

Остается в сердцах
Двадцать пятого съезда трибуна —
эта нива надежды,
что новою славой
взошла.

Славься,
кровная общность
и чувство единства святое!
Он заложен в тебе,
пятилеток бессмертный успех.

Я — советский поэт,
в этом все,
и не спрашивай,
кто я:
сын казаха —
иль русский,
грузин,
украинец,
узбек...
Посмотри:
словно жемчуг —
в моих озаренных долинах.
Изумрудны кусты —
золотой мирахмедовский сорт.
И родная земля,
в жажде творчества неодолимой,
на груди, как дитя,
урожай предстоящий несет.
Человеку пера —
это все мне
так сладко знакомо!
В этом — песни напевность
и точной науки расчет.
Так на нашей земле,
по высокому счастья Закону,
драгоценное завтра
свободно
и мощно растет...

1978

5 000 000

Пять миллионов!
Слышите?
Пять!
Губы твердят опять и опять:
пять миллионов
в итоге года!
Убрана поля последняя пядь.
И повторяет сердце гордо:
хоть нас и вспать
тащила погода,
не прекратили люди похода,
не отступила славная рать.
И подчинилось время покорно:
пять миллионов!
Слышите?
Пять!
Последний куст,
как подросший ребенок,
поднял зрелости аттестат.
Ряды кустов,
как бойцы, стоят.
Знамена
подняты окрыленно.
Проходит могучих машин колонна.
Окончена битва. Идет парад!..
Флаги над улицами парят —
а вдалеке трактора гудят!
Это значит — поля не спят...
И, вспоминая год прошедший,
снова и снова мы прошепчем:
пять миллионов...
Подумайте:
пять...

Да, этот год был нелегок,
братья,

сколько пройдено
трудных дорог,
засуха жадно
раскрыла объятия,
жажда
незваной
пришла на порог.
Жаждали губы —
и жаждали всходы,
юные пасынки
знойной погоды!
Солнца катился
злой самокат.
Слышишь, как стонет в жаре
Самарканд?
В мареве тонут далекие горы...
Видишь,
душит подушкой жара
зелень посевов твоих,
Бухара?
Нету ни днем
ни ночью покоя
людям страды!
И посевов беда —
это их горе, личное горе.
Труд их — страда.
Жизнь их — страда.
Пот проливают над каждым кустом.
Если бы не был пот наш
соленым!
Всходам зеленым
влаги хватило б
на поле пустом...
Как изнывает
джизакская даль!
Облако сохнет
над краем горящим!
Солнце
глаза огневые таращит,
влагу последнюю
тянет, как дань.
Влаги — ни капли
в Карпинской степи.
Как на пожаре вселенском,

дехкане —
уж и забыли, когда отдыхали.
Все полыхает,
куда ни ступи.
Засухи пламя
шарит подряд.
Значит, и планы
наши — горят?
Нет!

Не будет такого!
Данное слово — твердое слово.
И Андижан,
как первопроходец,
весь караван
из прорыва выводит.
Черной беде наперерез
славный выходит следом
Хорезм!
Кто не слышал
о победе Сурхана?
Золотом белым заводы полны!
И Фергана — не отдыхала.
Выполняла наказ страны!
Родине труд даря,
рядом стоят
наш Наманган, Сырдарья —
словно сестра и брат...
Светом победы,
золотом белым
край твой богат,
каракалпак!
Так же и вас
осенила
победа,
о земляки
из родного Ташкента!

Что же, слава!
Слава тебе, страда.
Жизнь — работа.
Годы —
вехи труда.
Трудятся все —
и люди, и почва, и небо.

Трудится вся планета.
Но мы,
свободных народов семья,
трудимся для себя!
И оттого-то —
одолеваем трудные годы.
У всего на свете
свой закон.
Солнце светит —
дождь под замком.
А вот и зима
запрягает коней.

Снега —
иль хлопка груди?

Нет, не просто будет ей
справиться с этим грузом!

Пять миллионов!

Легко сказать:

пять миллионов!

Пять!..

Как пять лучей

нашей звезды,

как пальцев пять

нашей руки.

Как высший балл

за наши труды,

засухе вопреки.

Пять миллионов!

Рекорды все перекрыты.

Пять миллионов —

«Хамса», пятерица,

пять поэм...

Народ —

их бессмертный автор.

Он снова пишет,

он нынче пишет

то, что мы прочитаем завтра.

Поэт величайший,

поет он о том,

как звездно хлопком лучится:

наши пять миллионов тонн

в сокровищнице

Отчизны!

1978

* * *

Солнце белое в синем утре.
Поле белое — в центре дня.
Золотой кукурузы кудри —
золотых колосьев родня.

Сколько щедрости! Сколько блеска!
И по лентам каких дорог
не пошлешь ты, простор узбекский,
драгоценных своих даров?..

Мне всего
и не вспомнить кряду.
Твой каракуль...
шелков краса...
А созвездия винограда,
затмевавшие небеса?

Но — награда
за труд нелегкий,
дар первейший земли моей —
это море Большого хлопка,
разливанней любых морей!

Дорогой сединой белея,
распростерлась ты, мать-земля,
неоглядной гладью полей —
и,
как подарок, твои поля!

1978

* * *

Любовь — неверующих божество!
Ты — не кумир с гирляндами на шее.
Твое подчеркивают торжество
невидимые жертвоприношенья.

И жертвой, не подверженной ножу,
без мишуры и образного сора —
прими меня,

когда я подношу

тебе

моя молитвенные взоры...

1978

* * *

В тот день, в тот вечер —
Дрогнула душа,
Утратившая мужество гранита,
Оскал скалы перед безумьем волн.
Вокруг нее — кипело все,
И пена
Забрасывала щупальца на грудь,
Валы волнения дыбились посменно,
Грозя низвергнуть
или захлестнуть.

О море чувств смятенных!
Жидкий гелий
Разутых и отчаявшихся мыслей,
Чудовищной планеты океан...

Любовь моя оставила меня —
Так мне казалось — и в ответ на это
Я отыскать не мог ни объяснений,
Ни утешения, ни ясных слов,
Чтоб выразить
Мой долгий скорбный час...
И под руками не было бумаги,
Ни авторучки, ни карандаша,
И весь свой бред,
Смещенный мир двоякий —
Куда не знала выплеснуть душа,
Без спутника
Блуждавшая во мраке...
В тот день,
В тот вечер в глубине былого
Я ощутил впервые
жажду слова.

1978

ВЕСНА

1

Холод сходит понемногу,
Свет синее, даль ясна...
Издалека в путь-дорогу
Собирается весна.

Сад так призрачно-прозрачен.
Что же серая стена
Глазом пялится незрячим
Неоткрытого окна?

Что ж ты, соня, утро застишь,
Застишь дали
                                сам себе?
Настежь окна! Двери настежь!
Выходи!
                                Конец зиме...

Все друг другу внемлет чутко,
Все — на тайном рубеже.
И клубящиеся чувства
Просыпаются в душе.

Так за облаком летучим
Тучка тянется —
                                и вот
Закипающие тучи
Весь обложат небосвод...

И над нами надо всеми,
Над сплошным земли ковром
Первый,
                                радостный,
  весенний
Наконец-то грянет гром!

Снова в узор бесконечный
Ветви деревьев сплетены.
Молодость кажется вечной
В легком дыханье весны.

Снова просторно.
И снова
Воздух пронзительно чист...
Древнее,
вечное слово
Словно впервые звучит.

1978

ОБЪЯТИЯ НОЧИ

Чернь на золоте,
Злато — на черни?..
В небе слиток висит золотой.

Красота
Не дает насыщенья.
Никогда
Я не сыт красотой.

В окнах свет запоздалый потушен.
Прибережная простынь — пуста.
Прижимаюсь щекой не к подушке,
А к шершавым полотнам песка.
И опять не один,

и опять я

Неизбывную чувствую мощь,
И легко принимаю в объятия
Необъятную
южную ночь.

1978

ПАМЯТИ ФАРХАДДЖАНА

Я старался все плавать и плавать,
Состязаясь с тяжелой волной,
Чтоб умять жестокую память,
Устремлявшуюся за мной.

Но на пляже широком песчаном,
Средь немыслимой всей тесноты,
Вновь, казалось, она различала
Прошлогодние наши следы.

Что же делать?

Язык мой немеет,
Смысл и силу теряют слова,
И об этом сказать не умеют,
И о прочем бормочут едва.

Сотни волн пропадали за мысом,
Тыщи жизней исчезли за год,
Только твой оставался немыслим
И нелепый и горький уход.

На песке, после пенного вала,
Среди пляжной людской тесноты --
Снова место твое пустовало
И твои возникали следы.

Как себе ни твердил я:

несметен
Сонм ушедших в ночные края --
Сочетаться не смела со смертью
Всемогущая юность твоя.

И вдали,

или рядом со мною,
Боль мою растревожить спеша,
Раздавался твой голос у моря
И стремительный слышался шаг...

1979

* * *

Как деревья шумят на земле
Перед бурей, грозой или градом!
Но спросите их — словом и взглядом:
Я не старший ли в этой семье?
Не стою ли я долгой зиме
Рядом с ними заботливым братом?
Или тополем, с рощею рядом,
Стрелы молний манящим к себе?
Вы спросите их — словом и взглядом!

Или — слышите: песня звенит,
Безутешная песня ущелья.
То как будто прорвется в зенит,
Возвестив торжество и прощенье,
То заденет о скалы — и в них
Перетрется высокая нить,
Застонав в нестерпимом мученье...
Этот голос рыдающий — чей он?
Вот вам скалы — спросите у них!

Здесь — несчастный живет человек,
Лучшим другом бессовестно предан.
Позабыть он не в силах об этом,
Все вокруг ему кажется бредом...
И не я ли с ним — рядом и следом,
Чтобы он этот мир не отверг
И нашел свой достойный ответ:
Мир — душе и забвение — бедам?..
Вот он, рядом — спросите об этом!

В кишлаке есть девчонка одна,
Что безжалостно брошена милым.
Все бывшее ей кажется мигом,
Промелькнувшим в квадрате окна.

Как звенящая льдинка, она.
Но не я ли мирю ее с миром?
Говорю ей: вернется весна,
Мир оживший оттает до дна,
А бывшее — покажется мигом...
Расспросите — расскажет она!

О высокая должность моя!
О мое нестерпимое бремя!
Но могу ли быть рядом со всеми
И повсюду — поспею ли я?..
Нет,

откроюсь я вам не тая:
Это стонущие деревья,
Эта песня, рыдавшая рея,
Та девчонка, в тоске и боренье,
Тот, кого обманули друзья —
Это я,
это я,
это я...

1979

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Над городом луна была бела,
Блестела стен полночная полуда.
А мне казалось: жизнь моя пила
Последний свет скудеющего чуда.
Казалось мне: кончается луна,
Исчерпался мой век неповторимый
И прочь идет —

                                дорожкой, торимой
Сквозь заросли отбеленного льна!
А мне так долго оставалось жить...
Так много лет до нынешнего мига!
И жизнь была — нечитаная книга,
И даль была —

                                немеряная нить...
О, если б времена переменить!
Когда б я знал, что мне теперь известно,
Как я б ценил тот миг,
Тот час,
То место!
Так длительно все то, что предстоит,
И так мгновенно, что осталось сзади!
Я был вчера польщен, когда сказали:
«Да хватит вам!

                                Какой же вы старик!..»
А может, жизнь моя, за пядью пядь,
И впрямь еще

                                пойдет мелькать годами?
И этот час мне вспомнится как давний
Когда-нибудь —

                                и сызнава тогда я
Сам позавидую себе опять...

1979

БАЛЛАДА ЛЮБВИ

Двух стихий столкновенье
Я видел —
                        две грозных игры:
Моря в бешеной пене
И в пламенной лаве
                                горы.

И над ними, калеча
В полете
Два мощных крыла,
Рвалась буре навстречу
Упрямая воля орла...

С буйством в бешеном лоне
Равнялась безумием
Бысь.

Чем орел непреклонней —
Тем яростней вихри вились.
И летело, и пело,
И гибло вдали, и росло
Мира бренное тело,
Как лодка, теряя весло.
И как странник,
В дороге
Следящий смещение светил,
Я в смятенье, в тревоге
За ходом сраженья
Следил.

Но, взрываясь,
                        стихая
И смыслом не смея блеснуть,
Замыкались стихии
И прятали некую суть.
В белом молнином свете
Сгорала их тайна,
                        светя.

И молил я: «Ответьте!
Я той же природы дитя...
Что ж тут скрыто такое
И чем эта повесть горда?
Нет у моря покоя —
И мира не знает гора;
И, застыв, ускользает
Все,
Что бы ты здесь ни обрел,
И покоя не знает,
Не зная движенья,
Орел...»

Сгинул миг ускользавший
И замер
Нахлынувший миг,
Словно, это сказавши,
Я в самую тайну проник.
Точно вырвал причину! —
И бури поникла орда,
И упало в пучину,
Бессильное,
Тело орла,
Тишина осмелела,
Гора испугалась суда,
Глубина обмелела,
Утратила даль
Высота...
И такая усталость! —
От битвы,
                                кипенья,
                                огня
Ничего не осталось —
Как будто не стало меня!
Только небо латают
Простором,
                                лишенным забот,
Только чайка летает
Да мир
На поминки зовет!..

А ведь только что пена
Так жарко лобзала скалу;
Море страстью кипело,

И высь отдавалась орлу;
Ибо морем и небом,
И лавой земной,
И людьми,
И борьбою, и гневом —
Всем двигала
                                сила любви!

...Возврати мне ту силу
И дай мне орлиный простор,
Чтобы в льющейся сини
Я гордые крылья простер.
Воздух с губ моих выпей
И в бурю швырни или бой —
Лучше крах, лучше гибель,
Чем жизнь без тебя,
                                о любовь!

1979

АФГАНСКОМУ ДРУГУ

Свет ли вспыхнул в окне соседнем —
лучик лег

и в моем доме.

Горе

ближних накроет сенью —
я смятения
не уйму.

Ясный день иль глухая полночь,
вор иль ветер принес беду —
я не жду,

пока ты напомнишь:
я иду, о друг,

я иду!

Дружбы вечное ускоренье
гонит к свету и в темноту.

Так меня воспитало время:
я не медлю, друг —

я иду!

Я и сам ведь дружу с такими,
кто, с событиями наравне,
не промедлит —

и не покинет,
поспешит на помощь
ко мне!..

Бессердечным,

нестойким в вере
не доверюсь и на мгновенье,
и извечно мой путь прямит,
бесконечна, как гладь морская,
та взаимопомощь мирская,
на которой держится мир!

Я за то, о чем
молвит эхо —
пролил кровь,
а не слякоть слов.

Я заточен

в точильне века,
чтоб точнее
ударить зло.
Не могу я усесться
немо,
когда рвется сердце
от гнева,
не умею и на бегу
не заметить
друзей беду!
Потухает резьба по ганчу,
уходя
из-под солнца в тень.
Верный другу — других богаче:
у него есть

завтрашний день!..

Я — такой,
и не мне пугаться
жаром пышащей клеветы.
Ветер лжи — не страшной «афганца»,
иссушающего кусты.
Ведь недаром же нас с тобою
повязало общей судьбою,
и в земле твоей,

в глуби лет,
мой схоронен когда-то дед!
Чистой страстью слова горят — и,
подтверждая

стихи мои,
смотрит зорко со стен Герата
несравненный наш

Навои!

Друг, душе твоей подвиг ведом!
Не смирялся ты —

и не зря
революции алым светом
разгорелась твоя заря.
В ясный день и в глухую полночь
ты отстаивал правоту.
Правде этой спеша на помощь,
я иду, о друг —

я иду!

1979

ДЕВУШКИ ТАНЦУЮТ ЛЯЗГІ

Обещает отраду обычай,
звонкий голос возносится вдруг,
и в предвиденье пляски девичьей
меж гостей раздвигается круг.

Замолкают застольные судьи,
смех,
и звон,
и плесканье вина,
и на круг выплывают плясуньи —
чернокосые все, как одна.

Как идут они, милые — гляньте!
Так медлителен их хоровод —
точно стая лебяжья на глади
заповедных, нетронутых вод.

Но отрезок вступленья недлинен:
выдаст бубен заветную страсть —
и косичек стремительный ливень
им на плечи обрушится всласть.

Все сменилось сверкающим вихрем
так мгновенно
и радостно так,
что едва в перемену мы вникнем,
отбивая ладонями такт.

В безоглядном блаженном движенье
нам без слова внушает лязги,
как от сладких минут отрешенья
дорогие свершенья
близки!

Ах, надолго ль вам силы достанет,
о красавицы?..

Нет, погоди,
ты же видишь — не кончился танец,
остается навеки в груди!

В этом долгом движенье упругом
совместится недаром,
не вдруг
со стремительным девичьим кругом
рукоплещущих зрителей круг...

1979

Но, как Золушка в новой одежде,
Все являет свою красоту!

Точно чье-то прочел описание,
Точно глянул впервые

вокруг!

Все ты видишь другими глазами,

Словно их

одолжил тебе друг...

1979

* * *

Снова, колесами прелесть сминая,
мы по степи неумоно спешим.
Лента проселка —
как первая майя,
что с убегающих сходит машин.

Где бы мы вышки свои ни втыкали,
где бы ни поторопились пройти —
вновь укрывают весенние ткани
наши стоянки
и наши пути.

Только природа старается слепо,
лишние шрамы стирая с лица —
ведь ни единого нашего следа
ей невозможно стереть
до конца!

Так это было издревле — и ныне:
где по земле разореньем пройдешь,
травы возрастают немного иные,
хлопок пожиже,
безжизненной рожь.

Вал ли военный бесчинствовал, громок,
так что доселе обрывы круты?..
Вот и сегодня на месте воронок —
незарастающие круги.

Так же и сердца блаженная почва,
что потревожил обман иль навет:

где этот след
в неё врезался прочно —
радости прежней не будет навек.

Все прошагали, не вялы, не робки,
что бы нам сердце порадовать?

Но,
как ни запахивай место воронки,
как ни старайся —
... * не всходит зерно...

1979

* * *

Уже начинало смеркаться.
На улице, странно нагой,
за домом с ближайшей сберкассой —
кончался закатный огонь.

Пожар дотлевал несвирепый,
окна угасала свеча.
Лишь голос пожарной сирены
в мозгу отдаленно звучал.

Троллейбусный провод качался,
людей караулила темь.
Кончался,
                    кончался,
                                    кончался
еще один прожитый день!

Истраченный глупо впустую,
он сгинул —
                    и вот почему
так страшно входить в негустую,
еще бесфонарную тьму.

Лишь горечь от планов осталась,
лишь тень —
                    от надежд на труды,
и мучит пустая усталость
пожарным сигналом беды...

1979

* * *

Сада остовы, елок пики.
Голой ветки лихой зигзаг.
На изгибе глухой тропинки
призрак лета мелькнет в глазах.

Но ведь дачи давно забыты,
и у черных чернил воды,
словно тувельки, позабыты
чьи-то вдавленные следы.

И в узорах ковра лесного
так подогнаны
листь к листу,
что ступить между ними снова
нету места
в пустом лесу.

Лишь какой-то лист негодный,
вместе с рыжей иглой сосны,
к нам слетает —
как треугольник
с нашей кончившейся войны.

1979

* * *

Додумано. Доделано. Дожато.
Дописано!..

И в этот самый миг —
какой восторг неповторимой жатвы!
Какую высь
ты сам себе воздвиг!

Слились в одно полсолнца в каждом глазе,
гарь унесло от свечек и шутих.
И все в тебе в таком теперь согласье,
что, кажется, попробуй —
и взлетишь!

Но миг прошел. И стих, отныне сирый,
уйдет под сетку солнца и дождя,
и никакой ты не веротишь силой
мгновенное и блудное дитя.

В другой душе очнется дуновенье.
В какой строке себя отыщет взгляд?..
Найдет. Прочтет. Застынет на мгновенье —
и вместе с ним
тебя усыновят.

1979

* * *

Ты летишь по трассе старой —
сплошь

знакомые места!

Как тут было, что тут стало —
различаешь неспроста.

Вместо ветхого забора
в тихой заросли ветвей —
школы шум,
в стекле завода
зазывающая дверь.

Ты летишь по старой трассе,
где еще недавно так
бесконечно путник трясся
таратайкам старым в такт.

И — уже не вспомнишь даты —
но и сам, что было сил,
на шоссе вот здесь

когда-то

ты полуторки ловил...

И сбиваешься со счета
в долгой гонке перемен,
когда глаз заденет что-то
неприметней не в пример.

Оглянись, машину стопорь
в странном случае таком,
посмотри на этот тополь,
накренившийся вдгон.

Как ни валко, как ни шатко —
не покинул он поста.

И лежит под ним лужайка,
оглушительно пуста...

Подкати в лихой машине
со смущением в душе:
здесь когда-то люди жили —
никого их нет уже.

Где искать их след на свете
и каким крутить рулем?
Может, внуки или дети
перешли в микрорайон?

Нет, недаром вздох твой горек:
лишь в сознании твоём
и остался старый дворик
с ветхим домиком вдвоём...

Где ж тепла людского чудо,
что в глубь былых годин
здесь искал ты —
и отсюда
полный света уходил?..

Сроки мчатся, планы гонят —
и, следы стирать мастак,
возникает новый город
на привычных местах.

Как же, с улицами вместе,
что ушли в небытие,
не стереть души поместья —
память,
прошлое твое?

Чтобы в этой новой шире,
стусевавшей годы те,
так же рядом души жили,
как в старинной тесноте...

1979

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ С ДОЖДЕМ

Весь вечер дождь, и в ночь — не глуше,
и утром — снова лупит лужи.

Чинара чертит свой скелет
в окне,

и домик смотрит склепом,
а так наш дух лелеял летом!..

И мы в унынии нелепом,
как при конце и дел и лет.

А дождь не молкнет — будь неладен! —
и мы из сердца не изгладим
ни мокрых грядок черноту,
ни рыжий сад под рваным платьем,
ни бусы белых виноградин —
на досках ржавых перекладин
стеклянных капель череду...

1979

* * *

Пустеет поля убранного стол,
и ширь открыта
                                грустной ласке взгляда.
И, будто кто в саду развел костер —
вздувает ветер
                                пламя листопада.
Лишь ночь еще покой уберегла —
и то порой
                                куда-то небо гонит,
и медленно пронзает облака
нацелившийся звездный треугольник.
Куда весну и лето унесло?
Где строй посевов —
                                суть миропорядка,
косых чинар гребущее весло
и паводка забытая паводка?
К подушке,
                                притомившийся,
  прильну,
но только сон пойдет со мной по следу —
соседский пес завоет на луну,
тоскуя
                                по исчезнувшему лету.
И все же нам унынье не к лицу.
Как мирозданье
                                ветер ни шатает —
во всем подобный белому листу,
грядущий день
                                свершений ожидает...

1979

ПРИЗНАНИЕ

Солнце вышло тебе навстречу —
и лучей не сдержать никак.
Благовонные смолкли речи
в задохнувшихся цветниках.

Краски утра запыльхали
в остром облаке перьевом,
и прервавшееся дыханье
ветер утренний перевел.

Точно сны породнились с нами,
даровали восторга честь.

Все,

как сам я,

молчит, не зная,

как тебе предложить присесть.

Столбенея от страсти,

стихший,

мир завязан на сто узлов.

и застывшие трели птичьи

до простых дозревают слов.

1979

* * *

Река течет, река уносит в море
пережитые радости и горе.
А старый хауз, погруженный в сон,
гнилой листвы накапливает сор.

Вглядись — какой

измлада свет маячил!

Задачу жизни ты не половишь —
и будь рекой,

не хаузом стоячим,

замызганным,

как старый половинок...

1979

ТОСТ

Наби Хаэри

Итак,
я пью за твой Азербайджан,
в котором нынче
дружба нас застала,
который я
мечтою обежал,
как некогда —
влюбленный из дастана.

Тут ширь небес
сиянием полна,
встает лоза
по солнечной указке,
и белый хлопок
подняли поля,
и черной нефтью
одаряет Каспий.

Ты это лучше
высказал бы сам,
и похвалы мои —
тебе не к спеху,
и все ж позволь
сиять моим глазам,
и слово славы
вымолвить узбеку.

Ведь я
сейчас,
когда спешит апрель
голубизну
своим оплавить блеском,
в твои края приехал
как полпред
вам не чужой
поэзии узбекской.

Когда я плыл
над прелестью земной,
меня такие чувства
обуяли!..
И в самолете
прибыли со мной
струн волшебство
и плясок обаянье.

Привет вам,
горы,
города,
поля —
от Ферганы,
Ташкента,
Самарканда!
Здесь ваш исток,
мои учителя,
чьи строки
истово
твердил когда-то.
Вы все — в душе,
кого ни назови.
Уроки эти
строчка не забыла:
сад Физули,
и царства Низами,
живой огонь
Самеда и Сабира!..

Но здесь не только
памяти музей,
где по стихам
гуляет сердца лучик.
Я встретил здесь
сегодняшних друзей —
и ты, Наби,
среди первых и среди лучших!

Так выпьем же!
За хлопкоробов труд,
за озорных девчонок
из Азара,
за все родное,

что мы встретим тут,
за дружбу,
что навеки нас
связала!

Сюда
любовь свою мы
привезли,
весь край твой
ею
оделив по-царски —
и Каспий твой...
(не зря же,
друг Хазри,
его прозвали в древности
Хазарским!)

Обнимемся!..
Пускай юнцы спешат,
а мы —
продлим
сердечной встречи праздник,
и выпьем вновь с тобой
на брудершафт,
как наши две
республики прекрасных!

1979

СФИНКС

На твоём подсвечнике старинном —
утвари безвестных государств —
медный сфинкс закапан стеарином
и не в меру грустен и грудаст.
Видно,

он за все века не свыкся,
существовая молча меж людей,
с участью непонятого сфинкса,
с бронзовой загадкой своей.
Отроду не связанный ничем — и
равно безъязыкий тут и там,
как он ждет

открытого общенья
и разоблаченья
всяких тайн!

Отыскать бы одного —

второго,
с кем бы, наконец, поговорить...

Что же ты, кому сей дар дарован,
суть свою
от всех стремишься скрыть?
Словно пух над стихшей голубятней,
к мокрой устремившийся земле,
жаждешь стать темней и непонятней,
тем придав

весомости себе!..
Тягостна река на перекатах.
Так позволь же дать тебе совет:
не выдумывай в себе загадок,
если их

и не было и нет!
Жизнь сложна. И меряйся —
лишь с нею.
Пустоту же — не укрыть во мгле!
Ты ж, ей-ей,

нисколько не сложнее
этой бедной бронзы на столе...

1979

* * *

Прощай, прощай!

Еще горит звезда,
Еще слезинки падают с весла,
И та волна еще не укатила,
И тот, за речкой, костерок дымит —
И не кончается никак

на диво
Короткий и благословенный миг.

Прощай, прощай!

Ни горечь, ни навет —
Нам не дано остаться здесь навек,
Душа и мир в неммыслимом походе,
Уходит время, исчезает миг,
И только дальний костерок дымит
В угоду
несменяемой погоде...

1979

ПЕСНИ НАДИРЫ

1

Погляди на меня, погляди!
О, как бедствует сердце в груди...
Запрети ему жить взаперти,
По тебе тосковать запрети.

По твоей несказанной красе,
Что свежа, как бутоны в росе,
По суровой бровей полосе,
Пред которою клонятся все.

Чей от глаз твоих взор не горел?
Кто бесстрашьем твоим не убит?
И красавиц всемирный гарем
От твоих умирает обид.

Ах, наставница Увайси,
Ты внуши мне терпенье годов
Или душу мою увези
Из безжалостных этих садов.

Строгий строй этих строк стерегу
И в тоске неумной учусь
Весь нанизывать на строку
Жемчуг смысла
и золото чувств.

Я не знаю, что ждет впереди,
Но неужто он неумолим —
Не позволит рубеж перейти
Этим стоющим строчкам моим?

Погляди ж на меня, погляди —
О, как бедствует сердце в груди!
Запрети ему жить взаперти —
Без тебя тосковать
запрети...

Недоглядела,
Недолюбила.
Бедное тело,
Как это было?

Желтой листвою
Кроны одеты.
Вместе с тобою
Умерло лето!

Умерло лето,
Только расцветши.
Нам ли кукушка
Кликала веще?

Долгие годы
Накуковала...
Где же ты? Где ты?
Все миновало!

Зверь невзгоды моей, рычи!
От тебя уйду — по лучу.
Крылья крепкие получу,
А увижу, текут ручьи —
И ручьям себя поручу...

Зверь невзгоды моей, рычи!
Злобный всадник, крути камчу!
Не боится мечта камчи,
Недоступна душа мечу.
В знойный полдень,
в пустой ночи —
Косы черные размечу.
Чьи угрозы страшны мне, чьи?..
Лишь покличу да покричу —
Отзовутся в горах ручьи.

Будь смелее, душа, молю.
Пусть кустарник трещит, колюч.
Животворный нагорный ключ

Отомкнет темницу мою,
Напоит меня среди круч...
Что мне горе — ведь я пою!

4

Вот и все. Конец моей невзгоде.
Жди, палач,
                    отчаянья посол!
Все прошло — а все ведь было вроде:
Жизнь и смерть,
                    величье и позор.
Были и высоты, и глубины,
Беспокойство песни — и покой.
Был и ты —
                    и ты ушел, любимый,
На прощанье не махнув рукой.
Но неужто все исчезнет в яме?..
Впрочем, смерть — рожденья не новей.
Страшно то,
                    что — вместе с сыновьями!
Дико то,
                    что — после сыновей!..
В чем же,
                    в чем же,
                                в чем моя ошибка?
О аллах, выдавший все пути,
Мне,
                    с кем счастьем было не ужиться,
Напоследок душу просвети.
Разве я пустой алкала славы,
Иль,
                    пока огонь во мне не чах,
Сладко жить и миловаться сладко
Жаждала во днях или ночах?
Хоть теперь, когда отобран выдел
И земное кончилось житье,
Отвечай, аллах —
                    ты видел, видел
Это одиночество мое?..
Власти ль я веретено крутила,
Сталкивая ханства меж собой,
Или, ради собственной гордыни,
Жизни посылала на убой?..

Нет!

Мой грех, моё лихое дело,
Помраченье бедного чела —
Время переделать захотела,
Тягостный свой век перегнала.
Труд, и вера — и ночные бденья,
Когда кажется еще видней
Яркое, блаженное виденье
Светлых и раскрепощенных дней...
Не за то ль, что дерзко так жила я,
Будущие дни усыновя —
Урожай горчайший пожинаю:
Собственные гибнут сыновья?..
Жизнь дала я даром.
Смерть — за плату.
Щедро ль воздается палачу?..
Пред тобой, безликий, не заплачу.
Я тебе
за гибель заплачу.

1979

* * *

Ночь уже воистину стара:
белые вывешивает флаги
и стоит устало у стола
над стопой исписанной бумаги.

А в окне, за дымом тополей,
за немymi низкими домами,
даль дрожит и стелет пар полей,
пропадая в палевом тумане.

Ей ведь тоже надо что-то сверх
всех щедрот пространственного чуда:
чтобы в небе дрогнуло,
и свет
на нее низринулся оттуда.

Чтобы стала чище и видней,
вся открывшись пламенному лику;
чтобы разом высветило в ней
весь простор
и каждую былинку.

1980

* * *

И, снова необыкновенна,
зима возносит, чуть жива,
присыпанного снегом сквера
серебряные кружева.

Кiosk напялил белый капор,
в постели пышной скамьи спят,
а ведь туман
вчера лишь капал
на перепачканный асфальт!

Пестреют и скользят дороги,
и сызнава, как каждый год,
чем ненадежней, тем дороже
зимы сиятельный приход.

1980

* * *

Облезлых крон
печальный ряд.
Один,
    парада ради,
осенний клеп,
венчанный франт —
в коричневом наряде.

Поля глядят во все глаза
на пышную сорочку,
но эта поздняя краса
откуплена в рассрочку.

Не досчитаешься листа —
не обижайся, скаред!
Смотри, как осени лиса
цыпляет твоих таскает...

Когда печали нагота,
года —
    корят резонно,
франтить, презрев свои года,
гореть —
    не по сезону!

И даль, где зори залегли,
недаром зубы скалит:
не досчитаешься любви —
не обижайся, скаред...

1980

ФОТОГРАФИЯ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ГОДА

Памяти белорусского друга

Козырек заломленный
и пиджак — с плеча.
И стена зеленая,
вся —
в плаще плюща.

Смотрит с фотографии
ясный сын страны.
Мир еще не грабили
ужасы войны.

Небо
черной тучею
не испачкал дым.
Все вокруг,
растущее,
смотрит молодым.

День, видать, безветренный,
тихие сады.
Паренек не ведает
собственной судьбы.

Как помчится конником
танкам поперек,
и падет покойником:
жизнь не поберег.

Эх, лихая конница!..
Торопись, живой!
Хоть бы познакомиться
с собственной женой!..

Но денек безветренный.
Свет по всей стране.
Там никто не ведает,
что известно мне.

Да и знай отчаянную
участь наперед —
все равно
                                  в свой час бы он
жизнь не поберег...

1980

ЛЮБИМАЯ! ПОМНЮ

Любимая!
Помню, как все это было —
когда нас под током
потоком несло.
Рука ли —
река ли сама нас любила,
когда отводила
от камня весло?..

Прислушайся:
трубы тоски лебединой.
Едвоем ли,
один ли
тот лебедь трубит?..
Когда же нас эта река убедила,
что больше любви,
как былому,
не быть?

Быстра быстрина,
и бездонны глубины,
но свод голубеет
в груди у глубин!
Мы живы —
ты слышишь? —
и, значит, любимы,
как эта река
за изгибом любим.

1980

* * *

Художники нам отворяют мир,
во все внушают

их взглядеться оком,
в обычность нашу претворяют миг,
доставшийся в безумии высоком,
испепеливший даже

их самих.

И я гляжу — и вижу из вагона
неистовое дерево Ван Гога,
и ветряную мельницу лучей,
и солнцем обернувшийся подсолнух,
встающий дыбом

холст полей бессонных,
дорожки лунной

хлещущий ручей...

1980

* * *

Услышал нечто — и навек, сполна
запечатлел:

душа тому порукой.

И все же блекнут эти письмена,
в годах накладываясь

друг на друга.

И только то, что бросилось в глаза,
как зверь из чащи,

из толпы — любимый,
и впрямь живой останется картиной:
из глаз твоих

стереть ее нельзя...

1980

СЛОВАРЬ

Он мне представлялся не складом —
а кладом.

Не пышным парадом несчетных словес,
а новых созвучий
негаданным ладом —
огромным, дремучим,
запущенным садом,
куда я — урок ли, бывало, мне задач —
в горячке азарта входил,

как ловец

загадок живых, притаившихся рядом,
как юный охотник в таинственный лес.
Здесь ум буксовавший из кожи не лез,
а мир возрождался, дышавший на ладан!
И мысли халат,
неуклюже залатан,
сменялся идущим из отческих лет
простым, как дыханье, естественным ладом,
отчетливо-точным и словом и взглядом,
бесценней алмаза,

доступней, чем хлеб...

О сумрачно-мудрая глушь словаря,
из недр языка проступившие корни!
Как слитно шумят вознесенные кроны...
Внизу же у каждого —

участь своя.

И в общую кучу ее не свали —
найди,

обведи ее тенью контрастной —
и снова увидишь, как видел не раз ты:
все мира оттенки,

все звуки и краски

в глуши под обложкой
хранят словари...

1980

МАШРАБ

1

Я начинаю песнь мою —
Да будет впредь

услышана!

Что думаю, то и пою —
Ни слова в ней

облыжного!

Вся ваша злоба,

ложь

и спесь

Слез из души не выжала,

Не задушила эту песнь —

Да будет впредь услышана!

Я правды в ней не замолчу,

Словца не кину лишнего,

Насилью путь не облегчу...

Да будет

впредь услышана!

Твердя, как вы, «Велик аллах!»,

Не стану грабить ближнего,

Под ваш подделываться лад...

Да будет

песнь услышана!

Вы порешили: я ваш раб,

Покорный и униженный...

Но вы ошиблись:

я — Машраб!

Да будет

песнь услышана!

И поднятый руками рек

Перед престол всевышнего,

Я сам

за свой ответчу грех...

Была бы

песнь услышана!

Говорят, что я пел о любви.
 Говорят, что я пел о печали
 И пути моих строк пролегли,
 Где донныне стихов не встречали.

Так была моя горечь проста,
 Так была моя страсть неподдельна,
 Что,
     каким бы смешком ни поддели —
 Возвращалась опять на уста.

Ведь любовь и меня обожгла,
 Опалила нещадно и слепо
 И тропинки мои обошла,
 Не оставив ни дома, ни следа.

Нет, не сам я бежал от любви
 В этот мир,
     что геенны бездонней —
 Обманули ее, увели,
 Отобрали у нищенской доли!

И не ей ли вослед я шагал
 По песку, обжигавшему ноги,
 И стенаньями дни прожигал,
 И слезами
     процитывал ночи?

Это так!
     Но не ей, но не ей
 Громогласные слал я проклятья —
 Тем,
     что, сами пристроясь в прохладе,
 В пекло ада
     толкают людей!

Тем, что держат добро под замком,
 Чистоту сторожат по законам,
 А начального братства закон
 Заменяют
     насилия законом!..

Говорят, что я пел о любви,
Говорят, что я пел о печали
И такие затронул лады,
Что донныне в душе не звучали.

Говорят, что,
        иссушенный сам,
Отрицал приземленье любое,
Под личиною плотской любви
Воспевая любовь к небесам.

И, покуда на очи пенял,
Что меня перепутали с кем-то —
Лишь пустым отрешеньем аскета
Свой пронзительный дар опьянял...

Я воистину пел о любви.
Подлецы,
        насмехайтесь и плюйте!..
Вас любил я,
        несчастные люди,
Что сумели остаться людьми.

3

На плече —
        порожня
Треплется сума.
А где-то растревожены
Знать да улема:
Что за песни, дескать?
Дескать,
        что за речи?
Кто там смеет дерзко
Нам во всем перечить?
Ишь какой нашелся-то:
Указует зори!
А мы тебе под шерстку —
Перчику да соли...
Не ходи пророком
По чужим порогам,
Доброго да злого
Не лови
На слово!

Я шагал по земле,
 обращенный до донышка к людям,
 Слыша голос беззвучный:
 «Ступай — и душой не криви!»,
 Обожженный судьбой,
 в этой солнечной смуглой полуде,
 Плоть от плоти людской,
 с той же жаждой
 и страстью в крови.
 Я шагал по земле —
 и не знал, что меня остановят.
 Всю ту правду,
 что понял —
 влагал я в простые слова.
 Как мне горло сдавлили,
 чтоб только замолкнуть мне...
 Но ведь
 Так бывало не раз —
 эта повесть для вас
 не пова...

6

Почему повесили Машраба —
 Не четвертовали, не сожгли?
 Злоба
 Казнь и пострашней нашла бы...
 Вот зачем
 повесили Машраба:
 Оторвать скорее от земли!
 От земли —
 и от родимой речи,
 Почвы вдохновенья и стиха,
 От толпы немолчной человеческой —
 Разве
 без плеча или предплечья
 Может жить и действовать
 рука?
 Ибо что есть песня?
 По заслугам
 В выси вознесенная мечта?
 Вечный мост меж звуком и меж слухом?
 Страсть,

* * *

Травы повторы в каменной балладе.
Что ни ступень гранита — то трава:
спокон веков я,

вечно здесь была-де —
и, видите,

доселе не мертва!
Рассветный свет еще мельчит, рассеян,
но, повторяясь высшей из побед —
из трещин,

пор,
изгибов
и расселин

торошит зелень
яростный побег.
Здесь, что ни шаг — бодрит тебя все менее
твой крупный рост и громкий твой глагол.
Я мал себе кажусь до омеменья
в сравнении
со всей громадой гор!

И впрямь — какой души ни донимала
сравнительная ценностей шкала...
Как беспредельна для травинки малой
любая невысокая скала!

А вот — растет же. Нету в ней унынья.
Какая есть — а прет упрямо вверх.
Какой ни дан —

достичь предела ныне,
назначенного
на недолгий век!

Короткими и слабыми руками
(что силы в них — ты сам умом раскинь)
недвижимые раздвигают камни
бесстрашные зеленые ростки.

Что ж я стою, как пораженный роком?
Чего дрожу,
порастеряв слова?..
Будь вечно мне упреком —
и уроком,
безмолвная весенняя трава...

1980 .

* * *

Непостижно слова торжество,
как в него ни вдумывайся снова.
В нем самом

или вовне его —
этого величия основа?

Так давно расцвел чудесный сад,
что взращен пленительным Саади,
а цветы не вянут в этом саде,
и плоды бессмертные висят.

И поэта славится чело,
год, число —
основа для отсчета.

Но скажите:
как — из ничего! —
навсегда возникло в мире что-то?

Ведь никто деревьев не сажал,
и никто не думал об ограде,
никогда прохлады или жар
не сменялись
в этом дивном саде.

Почему ж нас долгие года
этот цвет невянущий тревожит?
Иль —

что не бывало никогда,
никогда
и умереть не может?..

Непостижно слова торжество,
суть его таинственна,
покуда

мы решаем праздно:

это чудо —

в нем самом
или вовне его?..

Ибо слово — это тоже плоть,
мысли плоть без плотности и цвета,
духа над бездушностью победа,
времени возделанного плод...

1980

* * *

Все осечки да укороты,
память загнана в берега.
Сплошь дувалы да огороды,
а казалось —
были луга...

Дуб могучий молнией сломан.
Стал маститым маленький куст.
Лук зеленый —
как луг зеленый,
только зелень
горька на вкус!

Где ж вы, дали?
Деревьев статность?
Как спешил я к этим местам!..
То ли с памятью что-то случилось,
то ли просто я
старым стал.

Тесно глазу, и сердцу тесно.
Как случилось, что мне тесны
голубые просторы детства,
заповедная ширь весны?

Путь взросления непрестанен,
сложно
в этом пути простом!
Мы ли с возрастом вырастаем,
прошлый
суживается простор?

Зря в места я вернулся те же...
Край надежды,

ты мал, как клеть!
Детской съезжившейся одежды
больше взрослому не надеть.

Пусть
назад коротка дорога,
пусть итога
недолог час —
поглядим туда издалека,
как оттуда
глядят на нас.

1980

НАД БЕЛОЙ БУМАГОЙ

Горе, радости, счастье, беды
за незримой встают чертой.
Я сижу над бумагой белой,
как над жизнью неначатой.

Столько мыслей, больших и малых,
выплывает со дна наверх,
только страшно

грязью помарок
этот юный испортить век.

Что потом ни случится с нами,
но, покуда лист наш бел,
не спешит на нем ставить знаки
неразборчивой жизни бег.

Смотрим в оба, души не тратя,
примеряя к себе века,
не предвидя в глухой тетради
вечной доли черновика.

Ложь описок,

фальшь

и повторы —

до последней черты,

к которой
столько всякого намело!..

Не родится строка готовой,
жизнь не пишется набело.

Горе,

радости,

годы,

беды...

И пред поздней своей чертой
я сижу над бумагой белой,
как над жизнью неначатой.

1980

НОВЫЕ РУБАИ

1

Кто в гору шел легко, тот вниз сползет легко
И ноги зря свои изранит глубоко.
Кто с трудной ношей движется все выше —
Тому и до небес недалеко.

2

О самоучка критик! Боже мой,
Как горд он ролью критика самой.
Он, отмель увидав, кричит о глубли,
А белое чернит и свет мешает с тьмой.

3

Я в море не плыву и в небо не лечу,
Я по земле идти среди друзей хочу.
Для одоления волн и для боренья с бурей
Лишь от родной земли я силу получу.

4

Есть множество у нас в тебя влюбленных глаз,
Хвалебных слов и фраз неисчислим запас,
А я в любви немым стою перед тобою,
Хоть песнь моей души всех лучше во сто раз.

5

От хмурой мне горька и с чаем пнала,
Уж лучше бы воды с улыбкой подала.
По милости лгуна в меня бросая камень,
Не сбей свечу любви, что ты сама зажгла.

Жизнь радости длинна, а горя — коротка,
 Как без деревьев сад, жизнь без людей — тоска.
 Правдивая строка — как памятник в металле,
 Со лживого пера — как ржавчина строка.

Жизнь, как Лайлатилкадр, пронесится спеша,
 И тайны волшебства не стоят ни гроша.
 Запечатлей в труде прекрасные мгновенья —
 В них века твоего бессмертная душа.

Камыш внутри пустой, хоть ростом он высок,
 Мал полевой цветок, но пьет от солнца сок.
 Из камыша сплетут и бросят на пол коврик,
 В прическе девичьей сверкнет огнем цветок.

Тому, кто сказку слушает, не лги,
 От встречи и свиданья не беги,
 Того, кто верит, открывая душу,
 Не в памяти, а в сердце береги.

У тебя — две ярчайших звезды,
 У тебя — золотых улыбок сады.
 Самой темною ночью тебя я найду —
 Лучших дней моих выются к тебе следы.

11

Даже сокол порой прерывает полет,
 И крошится гора из крепчайших пород.
 Не гордись своей славой, вертушкой лукавой:
 Обласкает тебя — и к другому уйдет!

12

Навеки наш Ильич остался жить с людьми:
 Такого гения не разлучить с людьми!
 И часто на заре мне кажется, что Ленин
 Выходит из Кремля, чтоб говорить с людьми.

13

Гляжу я на солнце — и силу извечную вижу,
 Гляжу я на море — и даль бесконечную вижу.
 Гляжу на правдивые лица сограждан моих —
 Достоинство, верность и дружбу сердечную вижу.

14

Все ближе коммунизм — народ его достигнет!
 Кто смело в путь идет, лишь тот его достигнет.
 Кто в жизни и в труде ему уже сегодня
 Все силы отдает — высот его достигнет.

15

Есть города, чья слава гремит,
 легендами их окружает.
 Есть города, чей нищенский вид
 душу в печаль погружает.
 А мой Ташкент растет и цветет —
 маяк для всего Востока,
 Как озаренная солнцем луна,
 сиянье Москвы отражает.

Листва оживает у ветра в летучих объятьях,
 Глубокие корни — у влаги в текучих объятьях,
 А жизнь человека, его вдохновенье и сила
 Растут и цветут у народа в могучих объятьях.

У песни — запев, у реки — исток, — так говорит народ,
 Но лучшей идем мы из всех дорог, — так говорит народ.
 Партия — зодчий нашего счастья, всех наших дел
 запев,
 Всех сил исток, всех побед залог, — так говорит народ.

Густой пшеницей казахский простор гордится,
 Сосною-красавицей северный бор гордится.
 Гирлянду из хлопка вплели мы в венок отчизны —
 Хлопчатником пышным не зря пахтакор гордится.

Чувствую в сердце знакомую дрожь — вдохновенье,
 Ты, словно бабочка, к пламени льнешь, вдохновенье,
 Пламя в груди у меня — пламя сыновней любви,
 Родина-мать, это ты мне даешь вдохновенье!

Рекой загадочной Сырдарью давно называли люди,
 Пески превращает в сады она, давно это знали люди,
 Ревниво тайну она хранит своей животворной силы,
 Течет и не знает, что тайну ее давно разгадали люди.

Кто задумал гордо, смело, благородно жизнь прожить,
 Тот о смерти даже мысли не желает допустить.
 Если руки он протянет и схватить захочет солнце,
 Пусть попробует вселенная объятий не раскрыть!

Пусть каждый человек живет и продолжает род,
 Но тех, кто лишь продолжил род, потом забвенью ждет,
 А тот, чей неустанный труд приносит счастье людям,
 Незримый памятник себе при жизни создает.

Сравню отчизну с щедрым Хатамтаем — не ошибусь,
 И назову свободным, светлым краем — не ошибусь,
 Скажу, что счастье на земле мы строим, — не ошибусь,
 Скажу, что звезды с неба мы хватаем, — не ошибусь.

Конечно, море — глубоко, но глубже моря — океан,
 Хотя поверить нелегко, но знай, что это — не обман.
 Был раньше морем разум наш, но океаном станет он,
 Когда космических ракет умчится к звездам караван.

Летят космонавты — и мир погружен в изумленье,
 При виде отважных застыл небосклон в изумленье.
 Трепещут созвездья, любясь на наших героев,
 А был бы аллах — задрожал бы и он в изумленье.

Почему человек покорить всю вселенную хочет
 И за тайною тайну открыть сокровенную хочет?
 Как невесте — герой, на чело нашей славной эпохе
 Он корону из звезд возложить драгоценную хочет.

Это что за звезда? Присмотрись: не Зухра ли она?
 Но так ярко на небе сверкает едва ли она.
 Да, сомнения нет: это русская девушка Валя,—
 Серебристой Зухре не родная сестра ли она?

Дождь окропит твой сад — и зреть начинает он,
 Розу найдет соловей — и петь начинает он.
 Если сумел поэт коснуться души народной,—
 Словно горячий ключ, кипеть начинает он.

Пусть каждая песнь иссушает силы, — не возражаю,
 Сломайся, перо, если ты остыло, — не возражаю,
 И если с ненавистью любовь примирится в сердце,
 Пусть в тот же миг разорвутся жилы, — не возражаю.

Пусть осень моя настанет быстрее, чем у других,
 Пускай седина проглянет быстрее, чем у других,
 Я петь и бороться буду, хотя и заранее знаю:
 Морщины мой лоб изранят быстрее, чем у других.

Недаром с древности говорят: дважды живет поэт.
 Умер певец, но стихи звучат: дважды живет поэт.
 И если не хочешь целую жизнь людям ты задолжать,
 Будь за двоих душою богат: дважды живет поэт.

Есть ли год, что весны и цветов не знает,
 И язык, что ни песен, ни слов не знает?
 За признание в любви не вини поэта:
 Есть ли сердце, что нежных оков не знает!

Стихов о любви найдешь у писателей много,
 Чернил на нее поэты истратили много,
 Кто в душу глядит ей, а кто лишь на блеск показной,
 Увы, у любви и таких почитателей много.

Любовь неожиданно перед тобою становится —
 Твоим испытаньем, твоею судьбою становится,
 Но тот, кто сумеет ее испытания выдержать, —
 Тот вдвое сильнее и богаче душою становится.

У каждого года — время цветенья бывает,
 У каждого сердца — счастья мгновенья бывают.
 Чем для влюбленного — тайная встреча с подругой,
 Тем для поэта часы вдохновенья бывают.

Твой лик для меня — как утренний свет, дорогая,
 Весенней любовью взор твой согрет, дорогая,
 Считать не желаю — я и без этого знаю:
 Тебе и сейчас восемнадцать лет, дорогая.

Раньше дни без тебя мне хотелось с ночами сравнить,
 А счастливые ночи с весенними днями сравнить,
 Раньше звезды казались глазами твоими, а ныне
 Не хочу даже звезды с твоими глазами сравнить!

Каждое пятнышко ясной луне к лицу,
 Родинка эта тебе и во сне к лицу.
 Красиво ли сердце твое? Нетрудно ответить:
 Верное сердце каждой жене к лицу.

Жемчуг, таящийся в море, увидишь — не удивляйся.
 В жемчуге звезды и зори увидишь — не удивляйся.
 Если жемчуг и море, если и звезды и зори
 В любящем взоре увидишь — не удивляйся.

Любовь не в силах выбирать, любовь слепая, говорят,
 Ее постигла с давних пор судьба такая, говорят,
 И даже в жилах старика она по-прежнему горит,
 Ведь ей блаженство на земле дороже рая, говорят.

Полиняет усма, а брови гнутся по-прежнему,
 Тюбетейка слетит, а кудри выются по-прежнему,
 Вот уже голова поседела, лицо постарело,
 А мечты не стареют, к любимой рвутся по-прежнему.

Шел согбенный старик, еле двигались дряхлые ноги,
 Словно что-то искал на земле он, седой и убогий.
 «Что, отец, потерял?..» А старик усмехается горько:
 «Драгоценную юность, сынок, потерял по дороге!»

Ты радуешься — это праздник, счастливые дни,
 Ты гневаешься — это траур, тоскливые дни...
 От горя до радости путь — как от глаза до глаза,
 И все же недаром друг друга не видят они.

Если любимая не улыбнулась — плохи дела!
 Если увидела и отвернулась — плохи дела!
 Если с отчаянья в ноги ты бросился ей,
 А дорогая твоя не споткнулась — плохи дела!

Скажешь «да», — на руках отнесу и спасу,
 Скажешь «нет», — что поделать, и это снесу...
 Все капризы стерплю, лишь бы с милой остаться —
 Никому не отдать это чудо-красу!

Друг с другом веревкой не свяжешь сердца,
 Друг друга любить не обяжешь сердца,
 Но если сердца воспылают любовью,
 Родней они станут, чем два близнеца.

Крепкий чинар я, с ненастями стойко борюсь я,
 Засух и гроз, ураганов любых не боюсь я!
 Лишь перед нежностью вся моя сила бессильна:
 Дунешь — и сразу к ногам твоим милым
 склонюсь я!

Цветок протяну, буду робко молчать,— не отвернись,
 И выйду тебя на дорогу встречать,— не отвернись,
 И если, по голосу милому затосковав,
 В окошко осмелюсь тебе постучать,— не отвернись!

Глубью бездонной меня поражают твои глаза,
 Будто капканами мне угрожают твои глаза.
 Шутка ли, правда ли — разве смогу я узнать?
 Уж не разлуку ли мне предвещают твои глаза?

Лицо доверчивой жены — светильника добрей,
 Язык ревнивицы жены — напильника острей,
 С ней на одной подушке спишь, из чаши ешь одной,
 Но если не слились сердца, не будет счастья с ней.

Разве может, скажи, миновать хоть кого-то любовь?
 Без разбору порой расточает щедроты любовь.
 Одинокó живет лишь сухое и черствое сердце:
 Все прощает любовь — не прощает расчета любовь.

Украла ты с неба луну, чтоб стало лицо светлей,
 Украла звезды для глаз и радугу для бровей.
 Ну что ж, красота твоя пускай при тебе остается,
 А мне только сердце отдай — прятать его не смей!

Щедр я, любимая, — все я раздал бы друзьям.
 Что мне богатство любое? Бессмыслица, хлам!..
 Только в любви я ревнив и мучительно жаден:
 Даже упавшей реснички твоей не отдам!

Все помыслы злобного — только о злобных делах,
 Все помыслы подлого — только о подлых делах.
 Но лишь человеческого можно назвать человеком,
 И думай поэтому только о добрых делах.

Не будет сад скупой души зеленым и густым,
 Колючка не дает огня, а только едкий дым,
 И если света человек при жизни не давал,
 Светильник имени его погаснет вместе с ним.

Не ел, не пил, а все копил,— что о таком ты скажешь?
 Копил, а жизни не любил,— что о таком ты
 скажешь?

А этот жизнь свою провел в кипучем вдохновенье
 И людям радость подарил,— что о таком ты скажешь?

Дождик тебя замочил — жаловаться смешно,
 Ветер лицо запылил — жаловаться смешно.
 Если ты честно жил, а после одним проступком
 Славу свою загубил,— жаловаться смешно.

Ты хрупкий саженец сберечь смог от любой беды,
 Пусть благодарным он растет за все твои труды,
 А станет дерево большим, пускай тогда похвалят
 Глупец — его высокий рост, мудрец — его плоды.

Ударится камень о камень — искры во тьме блестят,
 Ударится сердце о сердце — чувства в груди кипят.
 А если сердца при встрече не высекут даже искры,
 Такие пылать не могут, от них только едкий чад.

Скажи: без плавильных печей можно ли плавить медь?
 Без шелковичных червей можно ли шелк иметь?
 Без напряженных трудов, долгих, бессонных трудов
 Может ли человек мудростью овладеть?

Подлец, всю жизнь людей чернивший, губить, чернить
 желает все,
 Скупец, всю жизнь деньги копивший, как будто
 пожирает все,
 Глупец, невежеством набитый, в могилу забирает все,
 Мудрец, всю жизнь людей учивший, народу оставляет все.

Сидишь — и ползет мучительно время,
 Спешишь — и летит стремительно время,
 Мы ждем, а оно никогда не ждет —
 Ведет себя удивительно время!

Сухие дрова попались — будет тепло всегда,
 Сухой человек попался — с ним только одна беда:
 И сам он гореть не хочет, и людям тепла не дает,
 Не жди от такого пользы — заранее жди вреда.

Злому и благо сомнительным кажется,
 Доброе дело мучительным кажется,
 Может ли иначе быть, если в сердце
 Он и себе подозрительным кажется?

Тебя — эй, мелкий человек! — пугает глубина,
 В колодец глянешь — и тоска в твоих глазах видна,
 И тотчас хочешь завалить отверстие колодца,
 А в нем, быть может, целый мир, — не вычерпать до дна!

Вон туча, солнце заслонив, заносчиво встает,
Гремит, бахвалится она на весь небесный свод,
Но слезы брызнули из глаз от злости и досады,
И скоро на земле она в грязи себя найдет.

Хоть известно: без закваски тесту не взойти,
Хоть о том не только пекарь — знают все почти,
Но закваску разве станут подавать на стол?
Лишь хрустящие лепешки у людей в чести.

Острый нож в руках убийцы страх и гнев рождает в нас,
Острый нож в руках хирурга людям жизнь спасал не раз,
Значит, властвует судьбою не клинок, а человек:
Даже нож в руках разумных может петь, как звонкий саз.

Что с нашим домом простым, друзья, по красоте
сравнится?
Что с нашим тесным столом, друзья, по широте
сравнится?
А если выпылил обидчивый друг, не понимающий
шуток,
Что с этой шуткой веселой, друзья, по остроте
сравнится?

Кумган на огонь поставили — даже не застонал,
А в комнате чашки и блюда красуются, ждут похвал,
И все же кумган достойней всех этих блюд и чашек, —
Воды, закипевшей в нем, хватает на сто пиал.

В неподвижной бутылке так тихо, спокойно вино,
 А в тебя перельешь — с ног, проклятое, валит оно!
 Но вино не вини: вся вина не в вине, а в тебе.
 Так и знай, дорогой: состязаться с бутылкой смешно!

Уж ладно, коли хочешь, пей, но все, что есть,
не пропивай,
 И разум свой, когда решил с друзьями сесть,
не пропивай.
 Как говорил Омар Хайям: хоть выпей целый океан,
 Да только совесть не теряй, да только честь не пропивай!

Конечно, любит всякий гость обильный дастархан,
 Иной охотно в дом идет, где будет сыт и пьян,
 Но главное — не в дом войти, а в душу человека —
 Тогда сумеешь распознать, где правда, где обман.

Если у труса в глазах двоится — не удивительно,
 Если он пробует в щель забиться — не удивительно,
 Если за молнию искру примет, ветер — за бурю
 Тот, кто и тени своей боится, — не удивительно.

Неужто тень свою рубить начнешь, глупец?
 А я не тень, я — друг, потом поймешь, глупец!
 Затем, поссорившись, как пес, на друга лаешь?
 Без друга верного не проживешь, глупец!

О счастье своем расскажи врагу — как огорчится он!
 О горе своем расскажи врагу — как оживится он!
 Итак, ни о горе и ни о счастье не говори врагу!
 И горем и счастьем тебя сгубить будет стремиться он.

Если треснет фарфор, чигачи, без сомненья,
найдется,
 Он скрепит шиалу, ей опять примененье найдется.
 Если ж треснет душа от удара, от грубой обиды,
 То не так-то легко для нее исцеленье найдется.

Порой обопрись на друга, если устанешь ты,
 Но вечно ища поддержки, себя лишь обманешь ты,
 На силы свои надейся — не на чужую помощь,
 Не то, потеряв опору, посмешищем станешь ты.

Пусть горькую правду сказали тебе, — не гневись,
 Будь стойким, о сердце, на честного друга не злись.
 Но горе тому, кто друзей за глаза упрекает, —
 Все двери доверья навек перед ним заперлись.

Если у друга дела хороши — радуйся, улыбайся,
 Первым поздравить его поспеши, радуйся, улыбайся,
 Лишь бы глаза не страдали твои, видя чужое счастье,
 Щедрости солнца учись: от души радуйся, улыбайся.

Сердце не сердце без боли, надежд и страстей,
 Сказка не сказка без дэвов, героев и фей.
 Не себялюбца я — мне одиночество чуждо:
 Радость не радость без верных, любимых друзей.

Прожитой жизни итог я в рубаи превратил,
 Страсти певучий поток я в рубаи превратил,
 Истинно любящий строг, скромн и немногословен:
 Все, что из сердца извлек, я в рубаи превратил.

Могут высохнуть реки, увянуть чинары густые,
 Могут звезды угаснуть, разрушиться горы крутые,
 Но вовек не иссякнет любовь материнского сердца —
 Будет вечно, как солнце, лучи расточать золотые.

Громкая слава не сможет голову мне вскружить,
 Жизнь бескорыстно люблю, скромно готов прожить,
 Честью клянусь, ради славы пот проливать не стану, —
 Сделать бы что-то, чем люди после могли дорожить!

Герой благороден в каждом движенье — не удивительно,
 Гордо, отважно идет он в сраженье — не удивительно,
 Если же трус не в бою открытом, а из засады
 Хочет тебе нанести поражение — не удивительно.

Уж если цель избрал, стремись упорно к ней,
 Уж если другом стал, так до последних дней,
 А вступишь в бой с врагом — будь смел и беспощаден:
 Кто всех сильнее в любви — и в гневе всех грозней.

Пока человек живет, ненужным он быть не должен,
 Стремленья своей души до гроба забыть не должен,
 И если ты даже без ног, даже без рук остался,
 Не думай, что ты гореть, творить и любить не должен.

Во прах не падет человек перед жалким скотом,
 Хотя б этот скот красовался в венце золотом.
 С чем в мире сравнить благородство и честь человека?
 С орлом горделивым, парящим над Кафским хребтом.

К душе народа путь найдешь — душой воспрянешь, друг,
 В ряды отважных попадешь, отважным станешь, друг.
 Но если возгордишься ты, с народом связь порвешь,—
 В пути отстанешь, пропадешь, себя обманешь, друг.

Иной великим хочет стать, себя навек прославить,
 Как одержимый, лезет вверх,— чем пыл его убавить?
 Скажи такому: — Не забудь, когда вершин достигнешь,
 Про гору, что свое плечо тебе смогла подставить.

Сливаются лунные капли в лимонную даль,
 Разросшийся — как бы
 стеною становится тал.

Для нас,
 что привыкли выдерживать сердца удары,
 Уже никакой не разительен
 рока удар.

Жизнь через край —
 вот влюбленности признак доподлинный.
 Признак весны — когда русло реки переполнено.
 Как ни высоко начало реки и любви,
 Страсть без избытка —
 такого века не запомнили.

Кто выпил, тоста не произнеся,
 до рюмки жаден попросту,
 друзья..
 А кто, свой тост произнеся, не выпил —
 с таким, пожалуй,
 и дружить нельзя!..

Настроение важно —
 покуда от сердца оно,
 и приподнятость вашу,
 как шар, не надуло вино.
 Кто полет свой отважный
 с хмельными затеял парами —
 тем с позором однажды
 на землю упасть суждено.

Что тут первое, что тут второе:
 настроение — или здоровье?
 Завязало их общим узлом —
 и уже не развяжешь
 порою..

И самое небо порою достанешь рукой,
луна молодая войдет к тебе в сонный покой.
И дальние звезды порою окажутся ближе,
чем чья-то душа, что казалась родною такой.

Любовь — не мираж
и не гоночные виражи.
А совесть и честь — велики ли у них тиражи?
Продашь их однажды — уже не найти дубликата!
А жизнь — разве это пустячная сделка, скажи?..

Двери для входа даны —
и для выхода.
Так и из факта — два разные вывода.
Каждому в деле — важно свое:
честному — правда, нечестному — выгода.

Что за столом за чепуху ты мелешь?
Ты посмотри: я пью — а ты пьянеешь!
Вина вина тут вовсе не видна:
Тут дело в глупости, а не в вине лишь!

Тем — с рожденья почет беспричинный,
вечность этих — начнется с кончины,
ну а тот — и живет, не живет,
не замечен очами ничьими...

Кто чувство совместил с умом? Хайям!
Кто страсть открыл в уме самом? Хайям!
Кто душу уместил в четверостишье,
И дом воздвиг, и след замел? Хайям!

Враг ударит — ну что ж, мы ответим — и все. Ничего!
Друг ударит — не ждешь, и в отчаянье никнет чело.
Точно выплеск души, на ресницах покажутся капли,
И повиснут. И все. Состраданья не ждешь ничего.

108

Наш хлеб насущный — в поле. В путь-дорогу!
Найдем и мы, что молвить хлеборобу.
Спать не дает влюбленному любовь,
Так и страда — торопит нас к порогу...

109

Я не безумец — господи помилуй! —
И не бродяга, что бредет по миру:
Я только путник на путях любви,
Безумно стосковавшийся по милой...

110

Ложь сердце точит, ржавчина — булат.
Металл сгнивает, и сердца болят.
Спасут ли здесь больничные палаты?..
В огне — и сталь, и душу закалят.

111

Небо — как поле, и солнце — сияющий плод.
Светом, теплом его —

все в этом мире живет.
Есть во вселенной светило огромное солнца,
но далеко —
и не светит, не греет, не жжет...

112

Пускай твой путь — прогулочная гладь,
Всем на плечи

легла эпохи кладь!
Судьбу свою еще порой и сгладишь,
Историю же —
не переиграть...

1959—1980

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 5. *Навои* Низамаддин Мир Алишер (1441—1501) — классик узбекской литературы, поэт, мыслитель, государственный деятель.

Физули Мухаммед Сулейман-оглы (1494—1556) — классик азербайджанской литературы.

Лутфи (1366/67—1465/66) — классик узбекской литературы.

Машраб Бабарахим (1657—1711) — классик узбекской литературы.

Стр. 11. *Най* — узбекский национальный музыкальный инструмент типа свирели.

Стр. 17. *Дастархан* — скатерть и угощение на ней; накрытый стол.

Стр. 21. *...мечты Таризла...*, *Нестан* — герои поэмы грузинского поэта и государственного деятеля Шота Руставели (XII в.) «Витязь в тигровой шкуре».

Стр. 37. *...грозному селю.* — Сель — бурный горный поток (после дождя, таяния снегов).

Стр. 46. *Карнай* — музыкальный инструмент в виде длинной медной трубы.

Стр. 53. *...в скупых словах Тараса...* — Имеется в виду основоположник новой украинской литературы Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861).

Абай Кунанбаев (1845—1904) — родоначальник новой казахской литературы, поэт, просветитель.

Джамбул Джабаев (1846—1945) — казахский народный поэт-акын.

Стр. 58. *...скал Фархада.* — Фархад — герой эпической поэмы «Фархад и Ширин».

Стр. 64. *С дехканскою долей...* — Дехканин — крестьянин, земледелец.

Стр. 65. *Хирман* — место, куда свозят собранный урожай; полевой стан.

Стр. 66. *Искандера нашествие...* — Речь идет о нашествии Александра Македонского на Среднюю Азию.

Самум — сухой горячий ветер, часто сопровождаемый песчаными бурями.

Стр. 72. *Чилляки* — ранний сорт винограда.

Стр. 73. *...пел незабвенный Хамза...* — Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) — основоположник узбекской советской литературы.

...Шахимардана сады... — Шахимардан — горное селение в Ферганской долине, которое считалось священным местом для мусульман. Здесь был зверски убит Хамза.

Джда — дерево со съедобными мучнистыми плодами.

Стр. 74. *...со сверкающими кетменями.* — Кетмень — род мотыги с широким лезвием.

Стр. 88. *Назым* Хикмет Ран (1902—1963) — турецкий писатель, общественный деятель.

Стр. 92. *...за гоем той.* — Той — свадьба, пир, празднество.

Стр. 113. *Над саем.* — Сай — горная река.

Стр. 123. *...о джан.* — Джан — дословно душа, здесь — родная, дорогая.

Стр. 124. *Баши* — певец, сказитель.

Стр. 131. *Петефи* Шандор (1823—1849) — венгерский поэт, революционер.

Кошут Лайош (1802—1894) — организатор борьбы венгерского народа за независимость во время революции 1848—1849 гг. в Венгрии.

Стр. 134. *Омар Хайям* Гиясадин Абу-ль-Фатх ибн Ибрагим (ок. 1048 — после 1122) — классик персидской поэзии.

Стр. 138. *...сравниться с Зухрою.* — Зухра — планета Венера.

Стр. 144. *Гафур Гулям* (1903—1966) — классик узбекской советской литературы.

Хамид Алимджан (1909—1944) — классик узбекской советской литературы.

Стр. 165. *...попки Бабур.* — Бабур Захиреддин Мухаммед (1483—1530) — узбекский писатель, государственный деятель, полководец. Родился в Фергане. Основатель Династии Великих Моголов в Индии. Главный труд — «Бабур-наме» — представляет ценный вклад в историю мировой литературы.

Стр. 173. *...с Давидом.* — Имеется в виду герой армянского героического эпоса «Давид Сасунский» (VII—X вв.).

Стр. 174. *Играя на таре.* — Тар — струнно-ударный музыкальный инструмент.

Мавераннахр — средневековое название областей по правому берегу Амударьи. Появилось во время арабского завоевания VII—VIII вв. Позднее этим термином обозначались области между Амударьей и Сырдарьей. Древнейшие и наиболее крупные города — Самарканд, Бухара, Ходжент (совр. Ленинабад).

Стр. 177. *Новруз* — мусульманский Новый год (совпадает с днем весеннего равноденствия, 21 марта).

- Стр. 185. ...я вижу сипаев в цепях.— Сипаи — индийцы, служившие в английских колониальных войсках.
- Стр. 210. *Хандаляк* — ранний сорт узбекских дынь.
- Стр. 223. *Карабаир* — масть коня.
- Дарвозабон* — человек, у входа встречающий гостей.
- Туйчи* — глашатай пира.
- Стр. 234. *Хафиз Шамседдин Мохаммед* (ок. 1325 — ок. 1390) — персидский поэт.
- Стр. 260. *Газель* — вид монорифмического лирического стихотворения (обычно 5—12 бейтов-двустихий).
- Стр. 267. *Чарас, шивилгани* — сорта винограда.
- Райхон* — душистый базилик.
- Стр. 270. *Махалля* — квартал, микрорайон.
- Стр. 277. *Аскад Мухтар* — современный узбекский советский писатель.
- Стр. 279. *Шербет* — сладкий напиток.
- Стр. 280. ...на супé.— Супá — глиняное возвышение, устраиваемое в саду или во дворе, где сидят и спят.
- Стр. 295. *Максим Танк* — современный белорусский советский поэт.
- Стр. 305. *Таньга* — серебряная монета.
- Стр. 317. *Меджнун, Лейли* — герои поэмы «Лейли и Меджнун» — памятника средневековой литературы народов Азии.
- Стр. 369. *Джейхун* — древнее название реки Амударьи.
- Тамбур* — струнный музыкальный инструмент.
- Стр. 398. ...резьба по ганчу.— Ганч — вид алебастра, резьбой по которому украшают здания.
- Стр. 412. *Хауз* — пруд, искусственный водоем.
- Стр. 413. *Наби Хазри* — современный азербайджанский поэт.
- Стр. 414. *Самед* — Вургун Самед (1906—1956) — азербайджанский советский писатель, общественный деятель.
- Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф* (ок. 1141—ок. 1209) — классик азербайджанской литературы, поэт и мыслитель.
- Сабир* Алекпер Таирзаде (1862—1911) — классик азербайджанской литературы.
- Стр. 418. *Надира* — узбекская поэтесса XIX в.
- Стр. 432. *Улем* — ученый, представитель верхушки мусульманского духовенства.
- Стр. 435. *Балх* — городище в Северном Афганистане близ современного города Балха. Поселение возникло в VI—IV вв. до н. э. В III—II вв. до н. э. был столицей Греко-Бактрийского царства, а затем Кушанского царства. В VII в. н. э. разрушен арабами; в

725 г. началось его восстановление. В XI—XII вв. входил в состав владений Газневидов, Сельджукидов, Гуридов. В 1221 г. разрушен Чингизханом. Восстановлен в XIV в.

Стр. 436. *Дервиш* — отшельник, аскет, блаженный, не от мира сего.

Стр. 439. *Дустим* — мой друг.

Стр. 440. *Саади* (между 1203 и 1210 — 1293) — классик персидской литературы, мыслитель. Более двадцати лет странствовал в одежде дервиша по мусульманскому миру.

Стр. 446. *Лайлатилкадр* — согласно народному поверью, праздничная ночь, во время которой над людьми проносится волшебная тень; если в это мгновение схватиться за какой-нибудь предмет, он превращается в золото.

Стр. 448. *Сырдарья* — в переводе означает «таинственная река».

Стр. 449. *Хатамтай* — легендарный владыка, прославившийся своей щедростью.

Стр. 453. *Усма* — особая трава, соком которой узбекские женщины красят брови, ресницы.

Стр. 458. *Саз* — музыкальный инструмент; обобщенное название поэзии.

Кумган — медный сосуд для кипячения воды.

Стр. 460. *Чигачи* — мастер по починке фарфоровых изделий.

Стр. 462. *Кафский хребет* (горы Каф) — мифические горы, якобы ограждающие землю.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Бабаджан. Несколько слов о себе 5

Л И Р И К А

«О сердце! Ты ведь и творец и певец...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	11
Солнце земли. <i>Перевод А. Наумова</i>	12
«Еще ласково светятся звезды...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	14
Мечта младшего брата. <i>Перевод А. Наумова</i>	15
«Вдохновенье...» <i>Перевод А. Наумова</i>	17
Завтра — экзамен. <i>Перевод А. Наумова</i>	18
Сон. <i>Перевод С. Северцева</i>	20
Шота Руставели. <i>Перевод А. Наумова</i>	21
Зимнее утро. <i>Перевод С. Губера</i>	23
«Сады парчою разукрасить рада...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	24
«Нет! Я не требую звания поэта...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	25
Патриотические строки. <i>Перевод А. Наумова</i>	26
1941. <i>Перевод С. Северцева</i>	28
Письмо с фронта. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	29
«Общая ноша порой тяжка...» <i>Перевод А. Наумова</i>	31
«Ты для меня, родная, давно...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	33
Альбом. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	34
Юность. <i>Перевод С. Северцева</i>	35
Из фронтовой тетради. <i>Перевод Д. Ковалева</i>	36
«Как вечность — ожидания годы...» <i>Перевод Д. Ковалева</i>	36
Солдат. <i>Перевод А. Наумова</i>	37
Нынче вечер такой. <i>Перевод А. Наумова</i>	38
Ветер. <i>Перевод А. Наумова</i>	39
«Вернется с войны любимый...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	39
Весна. <i>Перевод В. Липко</i>	40
Последнее письмо. <i>Перевод А. Наумова</i>	41

Говорят. Перевод С. Кузнецовой	42
Возвращается брат. Перевод А. Наумова	43
Новая страница летописи. Перевод С. Кузнецовой	45
Ленинграду. Перевод Я. Хелемского	47
Комсомол. Перевод А. Наумова	48
«Каждой осенью тянет в дорогу...» Перевод А. Наумова	50
В метро. Перевод Я. Козловского	51
«Я прислушался к лесу — тревога...» Перевод С. Кузнецовой	52
Арал. Перевод А. Наумова	53
В степи. Перевод А. Ойслендера	55
Слово о Москве. Перевод А. Наумова	56
Вечер на канале. Перевод Я. Хелемского	58
«Бросаю взгляд в окно...» Перевод А. Наумова	59
«Порой не сплю всю ночь — пишу стихи...» Перевод А. Наумова	61
Наш сад. Перевод Я. Хелемского	62
Мы сеем хлопок. Перевод Я. Хелемского	63
Замира. Перевод А. Наумова	64
Ташкент. Перевод Я. Хелемского	66
Спокойной ночи. Перевод С. Кузнецовой	68
Песня полей. Перевод А. Наумова	69
Октябрьский день. Перевод А. Наумова	71
Золотая долина. Перевод Я. Хелемского	72
Прекрасная Фергана. Перевод А. Наумова	74
Золотая медаль. Перевод А. Наумова	75
Моя Родина. Перевод Л. Пеньковского	77
Наша улица. Перевод А. Наумова	80
Владимиру Маяковскому. Перевод А. Наумова	82
Спасибо. Перевод А. Наумова	84
Встречая пятьдесят первый. Перевод А. Наумова	87
Приближается отпуск. Перевод А. Наумова	90
Караван. Перевод А. Наумова	92
Украине. Перевод С. Кузнецовой	93
«Я проснулся на белом рассвете...» Перевод А. Наумова	95
С праздником. Перевод А. Наумова	97
Ташкентские вечера. Перевод С. Северцева	100
Ташкентский фонтан. Перевод С. Северцева	103
Певец Родины. Перевод А. Наумова	105
Послание в Сибирь. Перевод А. Наумова	107
Поле. Перевод А. Наумова	109
Провожая друзей. Перевод А. Наумова	111

«Звучат в вечерней мгле индийские напевы...» <i>Перевод С. Северцева</i>	112
День на джайлау. <i>Перевод А. Наумова</i>	113
Голос народа. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	116
О счастье. <i>Перевод В. Парфентьева</i>	117
Ильича я видел в Мирзачуле. <i>Перевод А. Наумова</i>	118
«Старик над кустом неспроста...» <i>Перевод А. Наумова</i>	120
Саженец. <i>Перевод А. Наумова</i>	121
Первый день каникул. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	122
Сад мой на целине. <i>Перевод А. Наумова</i>	123
Легенда о Мирзачуле. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	124
На бахче. <i>Перевод А. Наумова</i>	128
Мое грядущее. <i>Перевод В. Парфентьева</i>	129

ГОЛУБОЙ ДУНАЙ

На границе. <i>Перевод С. Северцева</i>	130
Будапешт. <i>Перевод А. Ойслендера</i>	131
Будапештский зоосад. <i>Перевод А. Наумова</i>	132
Тост дружбы. <i>Перевод Д. Седых</i>	133
Памятник свободы. <i>Перевод С. Северцева</i>	133
Токай. <i>Перевод С. Северцева</i>	134
Венок. <i>Перевод В. Парфентьева</i>	135
Венгерское море. <i>Перевод С. Северцева</i>	136
Шандор Петефи. <i>Перевод В. Парфентьева</i>	136
Чинара. <i>Перевод С. Северцева</i>	137
Бетховен. <i>Перевод А. Ойслендера</i>	138
Ночь на реке. <i>Перевод С. Северцева</i>	138
Сумерки Дуная. <i>Перевод С. Северцева</i>	139
Встреча с песней. <i>Перевод С. Северцева</i>	140
Баллада о смерти коммуниста. <i>Перевод С. Северцева</i>	141
Закон жизни. <i>Перевод С. Северцева</i>	143
В доме поэта Мадараса. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	143
«Скорей хотел я в детстве взрослым стать...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	146
Поля. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	147
«К Балтике я подошел на рассвете...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	148
Дубулты. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	149
Звезда. <i>Перевод С. Северцева</i>	149
Тайна. <i>Перевод С. Северцева</i>	150
Два континента встретились. <i>Перевод С. Северцева</i>	151
Росси-матери. <i>Перевод С. Северцева</i>	152
Одиночество. <i>Перевод С. Северцева</i>	155

Друзьям-таджикам. Перевод А. Наумова	156
Думы о труде. Перевод С. Северцева	158
Геолог. Перевод С. Северцева	159
«Любовь граничит с безрассудной смелостью...» Перевод С. Северцева	161
Моему лечащему врачу. Перевод С. Северцева	162
22 апреля. Перевод М. Светлова	163
Бокал. Перевод С. Северцева	164
Путь. Перевод А. Наумова	165
«Перевидел людей я немало...» Перевод А. Наумова	167
Новогоднее. Перевод А. Наумова	168
Да, я — азиат! Перевод С. Северцева	169
Памяти армянского друга. Перевод А. Наумова	173
Легенда о Шахизинда. Перевод С. Северцева	174
«Перед горной грядой не спешите...» Перевод А. Наумова	176
«От дыхания Новруза...» Перевод С. Северцева	177
Чуть платья коснусь твоего. Перевод А. Наумова	178

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Волны. Перевод С. Северцева	179
Перед рассветом. Перевод С. Северцева	179
Слепой скрипач. Перевод С. Северцева	181
Северянка. Перевод С. Северцева	181
Под плакучими ивами. Перевод С. Северцева	182
Призрак. Перевод С. Северцева	183
Лондон. Перевод А. Наумова	184
Монолог Оскара Уайльда. Перевод С. Северцева	187
Священная стена. Перевод С. Северцева	188
Тени в кафе. Перевод А. Наумова	189
Лицом к лицу. Перевод С. Северцева	190
Ночной Париж. Перевод С. Северцева	191
Свет и тень. Перевод С. Северцева	192
В Атлантике. Перевод С. Северцева	193
Юрию Гагарину. Перевод А. Наумова	195
Баллада о сердце Лумумбы. Перевод С. Северцева	196
Сердце не спит никогда. Перевод С. Северцева	198
Наргис и кукла. Перевод С. Северцева	199
«Весна ли тебя опьянила, скажи?..» Перевод С. Кузнецовой	200
«Ты одета легко, а сейчас ведь не лето...» Перевод С. Северцева	201
«Что мне сказать, дорогая?..» Перевод С. Северцева	202

«Не бросай, дорогая, насмешливый взгляд...» <i>Перевод С. Северцева</i>	203
«Мой дом теперь мне кажется чужим...» <i>Перевод В. Дробышева</i>	204
КРЫМСКАЯ ТЕТРАДЬ	
<i>Перевод С. Северцева</i>	
Скала	205
Я вышел к морю...	205
Бахчисарайский фонтан	206
Вспоминая тебя	207
На взморье	207
«Я жду... все глаза проглядел я давно...»	208
Помнишь прошлое лето?..	208
Без тебя	209
Когда цвели кипарисы	209
Ялтинские вечера	210
Айвазовскому	211
Кипарис	212
Я не нашел его...	213
«Когда надо мной замерла ты, склоняясь...» <i>Перевод С. Северцева</i>	215
«Тихо-тихо дышишь ты во сне...» <i>Перевод С. Северцева</i>	216
«Будь ко мне справедлива, мой друг...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	217
Ночные строки. <i>Перевод А. Наумова</i>	218
«Лишь в том виновен, что тебя люблю...» <i>Перевод А. Наумова</i>	220
Праздник хлопка. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	221
«Два дерева в степи широкой выросли...» <i>Перевод С. Северцева</i>	225
«Грибы начинаются после дождя...» <i>Перевод А. Наумова</i>	226
«Мне твердят: «Ее сердце — как лед...» <i>Перевод А. Наумова</i>	228
«Порою мучаюсь, не в силах чувств унять...» <i>Перевод С. Северцева</i>	229
«— О, скажи: ты любишь? Да или нет?...» <i>Перевод С. Северцева</i>	230
«У юноши сердце пылает в груди...» <i>Перевод С. Северцева</i>	230
«Я слушаю таинственное пенье...» <i>Перевод А. Наумова</i>	231
Сыну. <i>Перевод А. Наумова</i>	232

ИНДИЙСКИЕ НАПЕВЫ

Индийскому мальчику. <i>Перевод А. Наумова</i> . . .	233
Мост. <i>Перевод С. Северцева</i>	233
Любовь сильна. <i>Перевод С. Северцева</i>	234
«Что делать?.. От общей судьбы не уйти...» <i>Перевод С. Северцева</i>	235
«Ах, только юности не изменяй...» <i>Перевод С. Северцева</i>	235
«Под вечер девушки ушли собирать тюльпаны...» <i>Перевод С. Северцева</i>	236
«Вставай, сегодня, дочка, день рождения...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	237
Творец Интернационала. <i>Перевод А. Наумова</i> . . .	239
«Хочешь — добуду луну с высоты...» <i>Перевод С. Северцева</i>	241
«Был юноша влюблен...» <i>Перевод С. Северцева</i> . . .	242
«О звезды, не светите в этот час...» <i>Перевод С. Северцева</i>	242
Дочери, которой семнадцать. <i>Перевод А. Наумова</i> . .	243
Новое. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	245
«О любимая, смехом дари...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	246
Слово. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	247
На берегу. <i>Перевод А. Наумова</i>	250
Смотри на звезду. <i>Перевод С. Северцева</i>	251
Баллада о моем старом друге. <i>Перевод С. Северцева</i>	252
«Не хочу с тобой встречаться никогда!..» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	256
Поэзия. <i>Перевод А. Наумова</i>	257
Дуэль. <i>Перевод А. Наумова</i>	260
Если... <i>Перевод А. Наумова</i>	261
Сон. <i>Перевод А. Наумова</i>	263
Грани. <i>Перевод А. Наумова</i>	265
«Я скажу своей жизни спасибо...» <i>Перевод А. Наумова</i>	266
Утро под Наманганом. <i>Перевод А. Наумова</i>	267
Скажи. <i>Перевод А. Наумова</i>	269
Шут. <i>Перевод А. Наумова</i>	270
Белая береза. <i>Перевод С. Северцева</i>	272
Ночные огни Ташкента. <i>Перевод А. Наумова</i>	273
«Если в чувствах твоих...» <i>Перевод С. Северцева</i> . . .	275
«Пусть критик, точно лев, когтит газель...» <i>Перевод А. Наумова</i>	276
«Сады укрыли молодость листвою...» <i>Перевод А. Наумова</i>	277

Бабушка. <i>Перевод А. Наумова</i>	278
Пью до дна — и клянусь. <i>Перевод А. Наумова</i> . . .	281
Первый снег. <i>Перевод С. Северцева</i>	285
Я не грустен. <i>Перевод А. Наумова</i>	289
Смешно и горько мне. <i>Перевод С. Северцева</i> . . .	290
Сердце и разум. <i>Перевод А. Наумова</i>	291
В гостях. <i>Перевод В. Рождественского</i>	295
«Я не считал своих счастливых дней...» <i>Перевод</i> <i>А. Наумова</i>	297
«Парк опустится в море сумерек...» <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	298
Имя дочери. <i>Перевод А. Наумова</i>	299
Жизнь вечна. <i>Перевод А. Наумова</i>	301
Насреддин и Тимур. <i>Перевод А. Наумова</i>	305
Баллада о трех героях. <i>Перевод С. Кузнецовой</i> . . .	307
Прославляю тебя. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	312
Другу — художнику. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	314
Застольная. <i>Перевод А. Наумова</i>	316
«Не говори, что молодость прошла...» <i>Перевод С. Куз-</i> <i>нецовой</i>	317
К чему же эти черные очки? <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	318
14 ноября. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	319
Сонет. <i>Перевод А. Наумова</i>	322
Стихи о болезни Сурайи. <i>Перевод А. Наумова</i>	323
«Фото детства...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	324
Бывшему другу. <i>Перевод А. Наумова</i>	324
«Я странствовал и в лете и в зиме...» <i>Перевод</i> <i>А. Наумова</i>	325
Сердце, к битве готовься снова, <i>Перевод С. Кузне-</i> <i>цовой</i>	326
«Мог другом стать...» <i>Перевод А. Наумова</i>	329
Берегите женщин. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	330
Хвала. <i>Перевод А. Наумова</i>	333
«Плавают в небе лохмотья...» <i>Перевод А. Наумова</i> . .	337
«Смолкла летняя флейта скворца...» <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	338
«Очищена ширь полевая...» <i>Перевод А. Наумова</i> . . .	339
«Опять под снег упрятана весна...» <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	340
«Дождь летит, наконец-то упавший...» <i>Перевод</i> <i>А. Наумова</i>	341
Январь. <i>Перевод А. Наумова</i>	342

КРАЙ КАРЕГЛАЗЫЙ

<i>Перевод А. Наумова</i>	
От автора	344
На пути в Болгарию	345
Край кареглазый	346
«Спины у скал одинаково моя...»	347
«Эти звездные гроздья...»	348
«Словно сумерки пали в долину...»	348
Вечером	349
Красный автобус	349
Ива на берегу	350
«Море вздрогнуло, чайки взлетели...»	351
У причала	351
Ширия	351
Мое предложение директору Дома творчества	352
У сталеваров	352
Ответ Евтиму Евтимову	353
«Косари, косари, косари...»	354
У памятника Толбухину	354
«Море молча песка касается...»	355
Пиала	356
Калина Малина	357
На Шипке	358
«У Болгарии — радостный взгляд...»	359
Варна, прощай!	360
Болгарии	360
«Поля по краям перелеска...» <i>Перевод А. Наумова</i>	363
«Утро мира — все дальше, все раньше...» <i>Перевод А. Наумова</i>	363
«Нет, не смерти я боюсь...» <i>Перевод А. Наумова</i>	364
«Леса и гора, отражаясь в реке...» <i>Перевод А. Наумова</i>	365
«Кажется, юность взмахнула крылами...» <i>Перевод А. Наумова</i>	365
«Не остановится буря в зените...» <i>Перевод А. Наумова</i>	366
«Кольца на пальце...» <i>Перевод А. Наумова</i>	367
«День свадьбы минул, дорогая...» <i>Перевод А. Наумова</i>	367
Танцовщица. <i>Перевод А. Наумова</i>	368
У Фонтана слез. <i>Перевод А. Наумова</i>	368
«Так резко задел за струны нахун...» <i>Перевод А. Наумова</i>	369
«Капли падают, падают капли...» <i>Перевод А. Наумова</i>	369
Возвращение домой. <i>Перевод А. Наумова</i>	370

«Еще черны...» <i>Перевод А. Наумова</i>	370
Волна и я. <i>Перевод А. Наумова</i>	371
Вечер спустился. <i>Перевод А. Наумова</i>	372
«На лбу — печать прошедших лет...» <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	373
«Звени, мой новый стих...» <i>Перевод А. Наумова</i>	374
Морская ночь. <i>Перевод А. Наумова</i>	375
По высокому счастья закону. <i>Перевод А. Наумова</i>	376
5 000 000. <i>Перевод А. Наумова</i>	379
«Солнце белое в синем утре...» <i>Перевод А. Наумова</i>	383
«Любовь — неверующих божество!..» <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	384
«В тот день, в тот вечер...» <i>Перевод А. Наумова</i>	385
«Снова взлететь и умчаться мечте захотелось...» <i>Пе-</i> <i>ревод А. Наумова</i>	386
Весна. <i>Перевод А. Наумова</i>	387
Объятия ночи. <i>Перевод А. Наумова</i>	389
Памяти Фархадджана. <i>Перевод А. Наумова</i>	390
«Как деревья шумят на земле...» <i>Перевод А. Наумова</i>	391
Еще воспоминание. <i>Перевод А. Наумова</i>	393
Баллада любви. <i>Перевод А. Наумова</i>	394
Афганскому другу. <i>Перевод А. Наумова</i>	397
Девушки танцуют лягзй. <i>Перевод А. Наумова</i>	399
Глаза друга. <i>Перевод А. Наумова</i>	401
«Снова, колесами прелесть сминая...» <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	403
«Уже начинало смеркаться...» <i>Перевод А. Наумова</i>	405
«Сада остовы, елок пики...» <i>Перевод А. Наумова</i>	406
«Додумано. Доделано. Дожато...» <i>Перевод А. Наумова</i>	407
«Ты летишь по трассе старой...» <i>Перевод А. Наумова</i>	408
Осенний пейзаж с дождем. <i>Перевод А. Наумова</i>	410
«Пустеет поля убранного стол...» <i>Перевод А. Наумова</i>	411
Признанис. <i>Перевод А. Наумова</i>	412
«Река течет, река уносит в море...» <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	412
Тост. <i>Перевод А. Наумова</i>	413
Сфинкс. <i>Перевод А. Наумова</i>	416
«Прощай, прощай!..» <i>Перевод А. Наумова</i>	417
Песни Надиры. <i>Перевод А. Наумова</i>	418
«Ночь уже воистину стара...» <i>Перевод А. Наумова</i>	422
«И снова необыкновенна...» <i>Перевод А. Наумова</i>	423
«Облезлых крон...» <i>Перевод А. Наумова</i>	424
Фотография тридцать девятого года. <i>Перевод А. Нау-</i> <i>мова</i>	425

Любимая! Помню... <i>Перевод А. Наумова</i>	427
«Художники нам открывают мир...» <i>Перевод А. Наумова</i>	428
«Услышал нечто — и навеки, сполна...» <i>Перевод А. Наумова</i>	428
Словарь. <i>Перевод А. Наумова</i>	429
Машраб. <i>Перевод А. Наумова</i>	430
«Травы повторы в каменной балладе...» <i>Перевод А. Наумова</i>	437
«Давай, дусти́м, с тобою погрустим...» <i>Перевод А. Наумова</i>	439
«Еще над кромкою серо...» <i>Перевод А. Наумова</i>	439
«Непостижно слова торжество...» <i>Перевод А. Наумова</i>	440
«Все осечки да укороты...» <i>Перевод А. Наумова</i>	442
Над белой бумагой. <i>Перевод А. Наумова</i>	444
НОВЫЕ РУБАН	
1—11. <i>Перевод С. Грибачева</i>	445
12—91. <i>Перевод С. Северцева</i>	447
92—112. <i>Перевод А. Наумова</i>	463
Примечания	467

Рамз Бабаджан

Избранные произведения
в 2-х томах

ТОМ I

Редактор Р. Фаткуллина

Художественный редактор

С. Данилов

Технические редакторы

Т. Таржанова

Т. Фатюхина

Корректоры

Т. Калинина

И. Филатова

ИБ № 1969

Сдано в набор 09.01.81. Подписано в печать 27.05.81. Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2+1 вкл.—25,252. Усл. кр.-отт. 25,672. Уч.-изд. л. 18,916+1 вкл.—18,961. Тираж 50 000 экз. Изд. № 11-290. Зак. 1-16. Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Жовтень». 252053, Киев-53, ул. Артема, 25.